

А. Г. Мец

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
и его время:
анализ текстов

СПб.: Интернет-издание, 2011

А. Г. Мец

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
и его время:

анализ текстов

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

СПб.: Интернет-издание, 2011

Мец, А. Г.
М55 Осип Манделъштам и его время: анализ текстов / А. Г. Мец. —
Изд. 2-е, исправ. и доп. — СПб. : Интернет-издание, 2011. —
273 с. : ил.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

...и его время

ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени» 9

Предыстория 10

1899–1905 годы 13

1905/1906 учебный год 18

Каникулы. 29

1906/1907 учебный год 30

Приложение 1. Николай Яковлев. Дневник 45

Приложение 2. Объяснительная записка И. Ф. Анненского
Попечителю С.-Петербургского учебного округа 58

Приложение 3. Борис Синани. Анархист 60

Приложение 4. Вл. Гиппиус. К вопросу о роли чтения
в современном воспитании (Речь, произнесенная
на годовом акте Тенишевского училища) 65

Приложение 5. Программы по истории русской литературы
(X–XVI семестры) 80

Приложение 6. Из рукописей Ю. А. Каменского 85

Приложение 7. Выпускники Тенишевского училища (1905–1912) 104

АКМЕИСТЫ: последнее выступление группы 113

...и его время. Комментарии

«НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ» В «ГИМНЕ»: исторический прототип 133

Заметки к комментарию 140

1. «Как кони медленно ступают...» 140

2. К вопросу о датах 141

СОДЕРЖАНИЕ

3. «Мы живем, под собою не чуя страны...» 147
4. «Ода» 148

...анализ текстов

- «ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА»: еще раз об истории текста 153
I. Введение 153
II. Первый черновик и утраченная редакция 172
III. Две семистрофные редакции 183
IV. От семистрофной редакции к девятистрофной 192
V. Разработка отдельных строф и катренов 195
VI. Окончательная редакция 207
- «ФЛЕЙТА»: проблема текста и новый источник 231
- КАК СДЕЛАН «АРЗАМАС» ГЕОРГИЯ ИВАНОВА 241
Приложение 8. Георгий Иванов. «Арзамас» 263

ОТ АВТОРА

Второе издание сборника дополнено иллюстрациями и различными сведениями и уточнениями. За истекший со времени первого издания (2005) период большое количество сведений появилось о выпускниках Тенишевского училища, ими дополнено соответствующее приложение. В статье «Как сделан „Арзамас“ Георгия Иванова» уточнена дата организационного собрания общества «Арзамас». В остальные работы внесены изменения редакционного характера.

Ряд работ книги оказался бы несовершенным без щедрой помощи друзей и коллег. Их имена с благодарностью названы на страницах вошедших в книгу статей.

За доброжелательную поддержку благодарю сотрудников ЦГИА СПб Н. Ф. Никольцеву, М. М. Перекалину и Е. А. Сунцову.

Величайшая признательность автора — редактору первого издания Нине Герасимовне Захаренко.

Замечания просьба сообщать по адресу: agmets@mail.ru.

...и его время

ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени»

В ЭТОЙ РАБОТЕ мы делаем попытку сопоставить документальный материал с главами книги воспоминаний О. Э. Мандельштама «Шум времени» — «Тенишевское училище», «Сергей Иванович», «Семья Синани», «Эрфуртская программа», «В не по чину барственной шубе».¹ Материал этот, большой и разнородный, как архивный, так и печатный, освещает Тенишевское училище, его основателя князя В. Н. Тенишева, историю здания, учителей, методы преподавания в нем, учеников и ученические журналы и другие аспекты истории училища. Освоить его в одной работе не представляется возможным. С другой стороны, и само документальное освещение неравномерно и не на все интересующие нас вопросы дает ответ. В силу этих обстоятельств мы не стремились ни изложить известный нам материал систематически, ни дать развернутый комментарий к главам «Шума времени» — значительной части эпизодов и лиц мы не касаемся вовсе.

Здесь мы обязаны принести благодарность А. А. Морозову, Г. Г. Суперфину и Р. Д. Тименчику. А. А. Морозов в свое время работал с теми номерами журналов Тенишевского училища, которые позднее оказались недоступными исследователям, и предоставил нам выписки из них. Г. Г. Суперфин и Р. Д. Тименчик еще в 1960-е годы работали в фонде Тенишевского училища ЦГИА СПб над той же темой и щедро делились с нами результатами своих разысканий.

---

¹ Далее цитаты из «Шума времени» приводятся по изданию: *Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2.*

Предыстория

Инициатива принадлежала князю В. Н. Тенишеву (1844,² Варшава — 1903, Париж). Промышленник, миллионер, меценат, проявлявший интерес к вопросам образования,³ он задался целью основать учебное заведение нового типа и стал обсуждать свою идею в ведомстве, хорошо ему знакомом по роду деятельности, — Министерстве финансов, возглавлявшемся С. Ю. Витте, с которым у князя установились прочные доверительные отношения. Собеседником Тенишева стал А. Я. Острогорский.

² Этот год рождения указывался в некрологах В. Н. Тенишева (*Острогорский А. Я. Памяти Кн. В. Н. Тенишева // Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/02–1902/03 учебный г. Годы II и III. СПб., 1905. С. I; Гуревич Я. Г. Князь В. Н. Тенишев: (Некролог) // Рус. школа. 1903. № 5/6. С. 90 (паг. 2-я)*). Справочные издания и Л. С. Журавлева называют 1843 год (*Журавлева Л. С. Ученый, предприниматель, меценат Тенишев // Вопр. истории. 1991, № 12. С. 207*). В статье Журавлевой намечены основные контуры биографии В. Н. Тенишева; в дополнение приведем здесь живо характеризующий Тенишева пассаж из воспоминаний Острогорского: «Несколько властный по своей натуре, избалованный к тому же жизненными успехами, откровенный и резкий в выражении своих мнений, Вяч. обладал, однако, одной трогательной и редкой в таких людях чертой: умением подчиняться убеждениям чужого разума и сознаваться в своих ошибках. Поэтому так легко и приятно было работать с князем: он никогда не пользовался своим положением, „спорил до слез“, как он любил выражаться, но всегда уступал, когда убеждался в своей неправоте. <...> В последние годы жизни он особенно интересовался судьбами России, желая дожить до того дня, когда „над русской землей взойдет свободная заря“» (*Острогорский А. Я. Памяти Кн. В. Н. Тенишева. С. VIII*). Л. С. Журавлева коснулась и политических симпатий Тенишева и привела данные о назначенной им премии за работу на политическую тему (Указ. соч. С. 211). Вот несколько более детальные сведения о ней: «Как человек, глубоко интересовавшийся социологическими вопросами и жертвовавший для разработки их как своим личным трудом, так и своими средствами, князь В. Н. не только состоял членом Социологического общества в Париже (Société de Sociologie à Paris), но и почетным членом Интернационального института по социологии (Institut International de Sociologie) (звание, даваемое только ученым). Живо интересуясь социальными вопросами, князь В. Н. еще в 1898 г. пожертвовал 5000 франков на учреждение премии за лучшее сочинение по общей теории революции в виде социологического исследования на почве строго проверенных данных. По фатальной случайности, жюри для присуждения премий собралось через два дня после кончины князя (27 апреля / 10 мая 1903 г.). Так как ни одно из сочинений не оказалось удовлетворительным, то жюри продлило конкурс еще на два года» (*Гуревич Я. Г. Указ. соч. С. 92 (паг. 2-я)*). Здесь и далее цитаты приводятся с переводом на новую орфографию и в современном пунктуационном режиме.

³ Издал, среди прочих, свой труд «Математическое образование и его значение» (СПб., 1886).

Александр Яковлевич Острогорский (1868, Гродно — 1908, Петербург), будучи студентом юридического факультета С.-Петербургского университета, входит в редакцию журнала «Образование» и с 1896 г., после смерти основателя журнала В. Д. Сиповского, становится его редактором. После окончания университета в 1892 г. поступает на службу в Министерство финансов (1894), работает там в учебном отделе. Об обстоятельствах, обусловивших его встречу с В. Н. Тенишевым, писал преподаватель училища А. Б. Сахаров:

«В это время (около 1896 г. — А. М.) В. И. Ковалевский⁴ поручает А. Я. организовать на Всероссийской выставке учебный отдел М<инистерства> ф<инансов>. А. Я. устраивает его и, давая объяснения, произносит несколько речей, в которых намечает свое педагогическое credo <...> В это время на горизонте петербургского большого света появляется еще одна крупная фигура — князь В. Н. Тенишев: делец-сахарозаводчик, биржевой игрок, решительный и смелый, князь в течение нескольких лет составил огромное состояние, которое считали миллионом. Удивительно оригинальный и своеобразный, он в один прекрасный день отказался от дальнейшей деятельности на пути приобретения богатства и, ликвидировав свои дела, занялся тем, что его интересовало: математикой, этнографией и т. п. Сталкиваясь с людьми, хорошо зная им цену, Тенишев ясно понимал, что большая часть недостатков нашего общества должна быть отнесена на счет нашей школы, и он высказывает взгляд, что школа должна быть построена на новых началах, что он с охотой создал бы такую школу, если бы имел человека, который помог бы ему в этом деле. В. И. Ковалевский указал Тенишеву своего помощника — А. Я. Острогорского, как энергичного и деятельного человека, преданного делу педагогики, могущего осуществить то, о чем князь мечтает.

⁴ Владимир Иванович Ковалевский (1848–1934) был по должности «товарищем» (заместителем) министра финансов С. Ю. Витте. Последний упоминал о его деятельности по устройству выставки в своей кн.: Избранные воспоминания: 1849–1911 гг. М., 1991. С. 352. Острогорский был назначен «экспертом по XIX отделу Всероссийской выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 3). См. также: *Острогорский А. Я. Комиссия по устройству Педагогического отдела Министерства народного просвещения на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Низшие учебные заведения. [СПб., 1896].* После смерти И. Р. Тарханова в 1908 г. В. И. Ковалевский стал председателем попечительного совета Тенишевского училища.

<...> А. Я. Острогорский предложил Тенишеву взять в основу новой школы домашнюю школу В. Б. Струве, который создал ее для своих детей совместно с некоторыми родителями».⁵

Идея Острогорского была в том, чтобы основать общеобразовательную среднюю школу «нового типа»,⁶ но такой эксперимент под ведомством Министерства народного просвещения был невозможен, и решено было провести его под маркой коммерческого училища — они с 1896 года были подведомственны Министерству финансов.⁷ Одновременно Р. А. Берзен начал готовить проект здания на Моховой и была открыта Общеобразовательная школа В. Н. Тенишева (1898), располагавшаяся в съемных помещениях на Загородном проспекте, 17.⁸ Первым директором школы был В. А. Герд (1870–1926). Но через полгода он был арестован по делу группы «Рабочее знамя» и выслан из Петербурга.⁹ С 1 февраля 1899 г. директором стал А. Я. Острогорский.

⁵ Сахаров А. Б. Памяти Александра Яковлевича Острогорского // Рус. школа. 1908. № 12. С. 70–72 (паг. 2-я). В этом некрологе, вероятно, не все сведения точны: так, например, сахарные заводы как будто не входили в сферу деятельности Тенишева.

⁶ Видный военный педагог, директор Педагогического музея при Главном управлении военно-учебных заведений, член попечительного совета Тенишевского училища А. Н. Макаров отмечал: «Тенишевское училище бесспорно принадлежит к разряду экспериментальных школ, на необходимость и полезность учреждения которых более ста лет тому назад указывал знаменитый автор „Критики чистого разума“» (Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/02–1902/03 уч. <ебный> г. Годы II и III. СПб., 1905. С. VIII).

В стенах училища Острогорский разрабатывал метод «литературно-художественного чтения», см.: *Острогорский А. Я. Уроки чтения // Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1903–4 и 1904–5 уч. гг.* СПб., 1907; *Редозубов В. П. Чтение в начальной школе.* М., 1949. С. 21. Получила признание его хрестоматия «Живое слово» в трех частях (1907–1909), до революции неоднократно переиздававшаяся.

⁷ См.: *Острогорский А. Я. Коммерческое образование, его современная организация на Западе и возможная постановка в России.* Ч. 1. СПб., 1895 (на обл.: 1896); Сахаров А. Б. Наши коммерческие школы и их общественное значение // Рус. школа. 1906. № 4; 5/6.

⁸ Адрес известен нам только по одному источнику: *Гуревич Я. Открытие Общеобразовательной школы князя В. Н. Тенишева // Рус. школа. 1898. № 9. С. 315.*

⁹ *Райков Б. Е. Жизнь и труды Владимира Александровича Герда // Естествознание в школе. 1947. № 3. С. 32–39.*

1899–1905 годы

Осип Мандельштам поступил в Общеобразовательную школу кн. В. Н. Тенишева восьми с половиной лет, в 1899 году. Картинкой игры в футбол «во дворе огромного доходного дома с глухой стеной, издали видной боком, и шустовской вывеской»¹⁰ на Загородном, 17 и открывается глава «Тенишевское училище» (с. 228–229). Следующий непосредственно за ним эпизод: «Помню торжество: елейный батюшка в фиолетовой рясе, возбужденная публика школьного вернисажа, и вдруг все расступаются, шушукаются: приехал Витте» — передает впечатления от торжественного акта освящения собственного здания училища 8 сентября 1900 года. Журнал «Русская школа» откликнулся на это событие заметкой:

«Перемещение школы Тенишева в новое здание совпало с переходом ее из ведомства Министерства народного просвещения в ведение Министерства финансов и с переименованием Общеобразовательной школы Тенишева в Тенишевское училище. Как известно, в ведении Министерства финансов состоят лишь специальные школы <...> и потому с переходом школы князя Тенишева в ведомство Министерства финансов „Общеобразовательная школа Тенишева“ объявлена закрытой, а вместо нее открыто как бы совершенно новое училище — „Тенишевское училище“, которое правильнее было бы называть „Тенишевское училище с дополнительным коммерческим классом“, ибо только как таковое оно могло быть принято в свое ведение Министерством финансов. Новому училищу, ввиду общеобразовательного характера программ первых семи классов, предоставлены права правительственных реальных училищ. В сущности, Тенишевское училище есть прямое продолжение Общеобразовательной школы с прежним составом преподавателей и учеников <...>. Принципы, положенные в основу Тенишевского училища те же, какие были положены в основу „Общеобразовательной школы князя Тенишева“: стремление дать ученикам знания, применимые в жизни, возможная наглядность преподавания, постановка естествоведения и новых языков на первый план в системе преподавания, отсутствие отметок и переводных испытаний — всё это такие принципы, которым нельзя не сочувствовать. <...> А. Я. Острогорский, заведывавший „Общеобразовательной школой князя Тенишева“ после выхода из нее первого руководителя ее В. А. Герда, и назначенный теперь директором Тенишевского училища, в очень сжатой, но дельной

¹⁰ «Шустовская вывеска» — реклама коньяка фирмы «Шустов и сыновья».

речи выяснил основные характерные черты Тенишевского училища, подчеркнув, главным образом, общеобразовательные задачи его, именно то, что оно ставит себе главной целью не подготовку своих учеников к известной профессии, а естественное развитие их природных способностей, причем залог ожидаемого успеха кроется в том, что преподавание будет вестись на почве свободы, без всяких поощрительных и принудительных мер.

Министр финансов С. Ю. Витте, обращаясь лично к князю Тенишеву, в своей весьма краткой, но содержательной речи отметил то отрадное и важное с государственной точки зрения явление, какое представляет собой крупное пожертвование, сделанное князем Тенишевым на учрежденную по его инициативе школу из созданного им, благодаря многолетним трудам и своему общественному положению, капитала, и высказал пожелание, чтобы этот отрадный факт частной инициативы в сфере образования послужил поучительным примером для других лиц, имеющих возможность своими вкладами содействовать распространению и улучшению образования. Гофмейстер Воеводский, управляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии, от лица родителей благодарил князя Тенишева и сотрудников его как за учреждение училища, так еще более за сердечное отношение к детям, обучающимся в школе Тенишева». ¹¹

Названный в отчете гофмейстер, как удалось установить, был Николай Аркадьевич Воеводский — отец одного из соучеников Мандельштама, портретная характеристика которого — «сын камергера... красавец с античным профилем в духе Николая I, провозгласил себя воеводой и заставил присягать себе, целуя крест и Евангелие» — дана в той же главе «Шума времени» (с. 231). ¹² 8 сентября впоследствии отмечалось в училище ежегодно, и об этих ежегодных актах сказано — «праздники в честь меда и счастья образцовой школы» (с. 229).

Первое по времени упоминание о Мандельштаме в архиве училища, оно же и позволяет датировать год его поступления, — отзыв преподавателя Закона Божьего, священника Д. Ф. Гидаспова, ¹³

¹¹ Я. Г. <уревич>. Освящение нового здания Тенишевского училища // Рус. школа. 1900. № 9. С. 84–86 (паг. 2-я).

¹² О Сергее Воеводском, своем однокласснике, вспоминал также А. Н. Рубакин (Над рекою времени. М., 1966. С. 13–14).

¹³ Гидаспов Дмитрий Федорович (1870–1938), протоиерей. В 1895 окончил С.-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. С 1897 священник Троицкой церкви на Стремянной ул. Известный проповедник, почитался прихожанами как златоуст. В 1906 г. стал одним из основателей «Братства

в сводке отзывов об успехах и поведении учеников 1-го класса, 1899/1900 учебного года:

«Мандельштам — умный и способный мальчик, но вместе с тем и очень самолюбивый; прекрасно владеет русской речью, рассказывал всегда связно и литературно. Историю Ветхого Завета знает хорошо». ¹⁴

По окончании 3-го класса (1902 г.) родителям был выдан следующий документ.

Выписки из «Сведений об успехах и поведении
ученика 3 класса Тенишевского училища
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА»

Русский язык — За год чрезвычайно развился. Особый прогресс наблюдается в самостоятельном мышлении и умении излагать результаты его на бумаге.

Немецкий язык — К делу относится прекрасно; немец. яз. владеет довольно свободно, читает и пишет вполне удовлетворительно.

Арифметика — Пройденное знает хорошо. Слабая сторона его — рассеянность и ошибки в счете, на это ему следует обратить внимание.

Естествознание — Предметом очень интересовался, работал усердно и курс хорошо усвоил.

География — Очень способный и необыкновенно старательный мальчик, правдив, очень впечатлителен и чувствителен к обиде и порицанию, владеет хорошим слогом, очень любит предмет и работает вдвое больше, чем того требовали.

Рисование — Старательный, внимательный и вдумчивый мальчик. Способности очевидно средние. Работает прилежно, но нельзя сказать, чтобы с увлечением. По успехам в средней группе.

Ручной труд — Старался что-нибудь сделать, но это давалось ему с большим трудом; все-таки приобрел некоторое умение и значительно самостоятельней справляется теперь с работами. ¹⁵

4–13 мая 1903 г. Мандельштам вместе со своим классом и преподавателями Н. И. Березиным и Д. К. Педенко совершил экскурсию на Валдай, «в область истоков великих русских рек». Об этой экскурсии имеется подробный отчет Н. И. Березина с приложением

ревнителей церковного обновления». Подвергался арестам в 1923 (сослан на 2 года в Оренбург) и 1935 (выслан в Новгород). В Новгороде вновь арестован и расстрелян (6 марта 1938 г.).

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.

¹⁵ Машинопись. Семейный архив Е. Э. Мандельштама.

Илл. 1. Экскурсия на Валдай.
Фото № 11 — «На озере Ильмень: за чтением».
Сидит в кепке — предположительно, О. Мандельштам

Илл. 2. Экскурсия на Валдай.
Фото № 14 — «На Никольском заводе: ученики пишут письмо домой».
Сидит на первом плане слева — предположительно, О. Мандельштам

фотографий, на двух из них с достаточной степенью вероятности можно опознать Мандельштама, см. иллюстрации 1 и 2.¹⁶ С пути он послал родителям открытку (5 мая), сохранившуюся в семейном архиве.¹⁷

Перед экскурсией на Валдай, 30 апреля 1903 г., Мандельштам выдержал экзамен по зоологии и ботанике с оценкой «5»; 17 апреля 1904 г. — по химии с оценкой «5».¹⁸ Согласно данным А. А. Морозова, Мандельштам в 1903 году пробовал силы в беллетристике, поместив в школьном журнале «Досуг» (1903. № 1. 24 окт.) очерки «Прогулка на велосипеде» и «Гроза»,¹⁹ редактировал, вместе с В. М. Жирмунским, Ростовцевым и Шнитниковым, журнал «Юные силы» (ноябрь 1903 — февр. 1904, № 1–4) и значился редактором-издателем журнала «Жизнь» (февраль–март 1904, № 1–2).²⁰

Занятия в училище вызывали необходимость пользоваться библиотекой, для чего ученикам выдавались именные удостоверения. Впервые удостоверение на право чтения в Императорской Публичной библиотеке было выдано Мандельштаму 4 февраля 1904 г. (затем возобновлялось 11 октября того же года и 8 января 1905 г.).²¹

¹⁶ Березин Н. И. Географические экскурсии Тенишевского училища. СПб., 1906. С. 113–128. То же: Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге. Год IV и V. СПб., 1907. С. 113–128.

¹⁷ См. в книге: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. Т. 3. С. 353. Экскурсии проводились после окончания учебы со всеми классами (с 1 по 5-й в период 1–15 мая, в старших классах — после 15 мая) по определенному плану. Класс Мандельштама по этому плану должен был совершить следующие экскурсии: 1901 г. — в Шлиссельбург, Лисий Нос, Кронштадт; 1902 г. — в Лесной, Дудергоф, Стрельну, Петергоф, Нарву; 1904 г. — на Днепровские пороги; 1905 г. — в Финляндию; 1906 г. — Псков, Витебск, Смоленск (сведения приводятся по изданию: Березин Н. И. Образовательные поездки в средней школе. СПб., 1912). Экскурсионные поездки описывал и брат поэта, см.: Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 131.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 21 об., 14 об.

¹⁹ Согласно заметке в хронике школьного журнала «Юные силы» (1903, № 1).

²⁰ Перечисленные издания находились в библиотеке ЛГПИ (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена, куда были переданы академиком В. М. Жирмунским; ныне исследователям недоступны, см. примеч. 80. Из-за отсутствия в нашей информации инициалов невозможно определить, кто из братьев Шнитниковых (Борис или Всеволод), а также Ростовцевых (Лев или Георгий) — участвовал в редактировании журнала.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 60, 119, 141.

1905/1906 учебный год

К этому учебному году относится глава «Сергей Иванович» и отдельные пассажи главы «Эрфуртская программа». Поворотным событием века для России стала революция 1905 года, и соответствующие главы «Шума времени» закономерно соотнесены с развертыванием ее грозных событий.

Революция началась и неуклонно нарастала после событий 9 января 1905 года. Мандельштам писал позднее: «Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятный смысл, тяготело над ними как нечто грозное, тяжелое, необъяснимое. Урок девятого января <...> настоящий урок трагедий: нельзя жить, если не будет убит царь».²² Сквозь призму этого «урока» воспринималось поражение в Цусимской битве 14 мая, когда японским флотом была уничтожена 2-я Тихоокеанская эскадра, о чем поэт вспоминал позднее в стихотворении «Когда в далекую Корею...» (1932): «И Петропавловску-Цусиме — „Ура“ на дряхлой горе».

Пафос борьбы с изживавшей себя царской властью, владевший молодежью тех лет, с замечательной художественной точностью передан Мандельштамом в главе «Семья Синани»: «Мальчишки девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов шел в гусары: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным жить не согретыми славой своего века» (с. 248).

Проводниками политического влияния на учеников были студенты. Мандельштам — по-видимому, в эти месяцы — бывал на митингах в университете, которые в октябре собирали многотысячные толпы и будили огромный энтузиазм, революционизируя весь город:

*Священно враждой был полон каждый лик,
И каждая рука, поднявшись, угрожала...*

— как сказал старший его современник,²³ и в Военно-медицинской академии (вероятно, на тех самых, которые отражены в приведенных ниже сообщениях газет 9 и 13 октября) и писал о них как очевидец в главе «Сергей Иванович»: «...в проспиртованных аудиториях Военно-медицинской или в длиннейшем „jeu de

raumte»²⁴ меншиковского университета, когда рывкнет, бывало, как рассерженный лев, будущий оратор армянин на тщедушного с.-р. или с.-д. и вытянут птичьей шеи те, кому слушать надлежит» (с. 233).

9 октября «Петербургская газета» сообщила о том, что накануне в анатомической аудитории Военно-медицинской академии состоялась сходка воспитанников средних учебных заведений по вопросу, будет ли ученическая организация партийной или беспартийной; было принято решение о партийности организации;²⁵ 14 октября сообщалось о состоявшихся накануне сходках в университете, в том числе воспитанников средних учебных заведений, по вопросу о присоединении к всеобщей забастовке. В этот день были закрыты все казенные гимназии;²⁶ 17 октября, в день начала Всероссийской политической стачки, в Тенишевском училище прошел политический митинг, о котором один из тенишевцев вспоминал: «Я помню, на одном из ученических митингов (это было 17 октября в зале Тенишевского училища) какой-то оратор, студент, с жаром говорил о том, как гимназисты показали себя правительству будущими наследниками революционного студенчества и заместителями сгнивших в тюрьмах пионеров теперешнего движения и т. д.».²⁷

²⁴ «Зал для игры в мяч» (франц.). «Же де пом» — «родное» название старого корпуса Физического института (строилось для Первого кадетского корпуса как спортивный зал, позднее передано университету; ныне в нем располагается кафедра физкультуры и спорта). Одна из аудиторий («воейковская») на втором этаже здания использовалась в 1905 г. «для наиболее многочисленных и наиболее конспиративных собраний» (Жорель И. И. Воспоминания студенческого старосты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2. С. 90).

²⁵ Петербург. газ. 1905. 9 окт. С. 3. См. также дневник Н. Яковлева (наст. изд., с. 51). На сходке было около 400 учеников (Протоколы 1-го Всероссийского съезда учителей и деятелей средней школы на Иматре 9–11 февраля 1906 г. М., 1906. С. 9).

²⁶ Петербург. газ. 1905. 14 окт. С. 4.

²⁷ О политической забастовке в средней школе // Тенишевцев. 1906. № 2. 20 окт. С. 16. Подписано: Бывший староста II призыва. Впоследствии об этом собрании вспоминал другой тенишевец: «Осенью 1905 года мы мало занимались уроками, но целыми днями обсуждали создавшееся в стране напряженное положение. Никогда не забуду, как в самом начале Октябрьской всероссийской стачки Александр Яковлевич собрал всех нас, учеников и учителей, на общеучилищную сходку. Вопрос стоял о том, что и мы должны присоединиться к забастовщикам. Ученики были допущены на сходку, начиная с четвертого класса. <...> Конечно, мы все были намерены „бастовать“. Недовольные голоса, исходившие от некоторых консервативных родителей, не могли иметь для нас никакого значения. Придя на сходку, я был весь охвачен гордостью и восторженным трепетом. Директор, подчеркивая демократический характер собрания,

²² «Кровавая мистерия 9-е января» (1922).

²³ Пяст В. Поэма в тонах // Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 212.

Между прочим, и «карбид для химической обструкции раздавался школам именно в университете».²⁸

Вскоре после 17 октября начались акции черносотенцев. По России покати́лась волна погромов; поползли слухи о готовящемся погроме в Петербурге. В главе «Сергей Иванович» есть место, прямо относящееся к бедствиям тех дней: «И вот, в самые тревожные девятьсот пятые дни, Сергей Иванович <...> приносит достоверные сведения о неминуемом в такой-то день погроме петербургской интеллигенции. Как член дружины, он обещает прийти с браунингом, гарантируя полную безопасность» (с. 236).²⁹ Кое-что запомнилось и младшему брату, Евгению: «Помнится, что в ночном столике у отца лежал маленький изящный дамский браунинг, предназначенный оберегать семью от любой опасности. Мать беспокоилась <...> Она отправляла нас в Павловск или Царское Село, где, как ей казалось, возможность эксцессов исключалась».³⁰ Один из архивных документов 1905 года и указывает адрес «Царское Село. Бульварная 32», подтверждающий эти сведения.³¹

обратился к учащимся с предложением выбрать председателя из своей среды. Старшие школьники, имея уже некоторый общественный опыт, стали дружно называть имя восьмиклассника Наливкина (академик Дм. Вас. Наливкин)» (*Розенталь Н. Н.* Из Петербурга в Москву // Машинопись, частное собрание). В связи с забастовкой 17 и 18 октября в училище состоялись экстренные заседания педагогического комитета (повестки — ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 97, 98. Протоколы этих собраний в архиве не сохранились).

²⁸ *Пиленко А.* Забастовки в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга. СПб., 1906. С. 7. О способах «химической обструкции» в школах см. в дневнике Н. Яковлева (Приложение 1). О том, насколько были распространены такого рода «обструкции», видно также из объяснительной записки И. Ф. Анненского (Приложение 2).

²⁹ Погромы учинялись в 36 губерниях из 72. Направлялись преимущественно против евреев, но в Твери, Томске, Казани погромы были направлены против студентов и интеллигенции. Во время октябрьских погромов было убито около 3, 5 тысяч и изувечено около 10 тысяч человек. В связи со слухами о погроме см.: *Возможен ли в Петербурге погром? // Петербург. газ.* 1905. 30 окт. С. 2. Дружины начали создаваться после того, как Совет рабочих депутатов принял 22 октября резолюцию о мерах предотвращения погромов (напечатана в «Известиях Совета рабочих депутатов» 30 октября за подписью Л. Д. Троцкого). Дружины (отряды) организовывались в каждом районе Петербурга, при штабах устанавливались постоянные дежурства (для сведения граждан были объявлены номера телефонов дежурных). При Совете рабочих депутатов была создана боевая дружина, вооруженная револьверами; все члены Совета были также вооружены.

³⁰ *Мандельштам Е. Э.* Воспоминания. С. 134–135.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 60 об. Поездки в Царское Село в это время находят и косвенное подтверждение — в удостоверении, выданном Мандельштаму канцелярией училища 3 сентября 1905 года для предъявления

В делах педагогического комитета училища за этот период сохранились только повестки и объявления — протоколы собраний не велись или были уничтожены впоследствии. Педагогический персонал принял решение присоединиться к забастовке, в то же время «принципиально отрицая активное участие учеников в политической жизни».³² Известны и имена некоторых преподавателей, принимавших активное участие в событиях. Так, А. Л. Липовский³³ был одним из инициаторов создания Союза средней школы (объединявшего учителей) и председателем двух его съездов: в феврале и июне 1906 года.³⁴ Он уже в начале следующего учебного года, как и преподаватель истории А. Я. Закс, был вынужден уйти из училища;³⁵ ученики выражали ему поддержку, посещая его дома и приглашая на вечеринки.³⁶ А. Я. Закс был арестован полицией в декабре 1906 года, но вскоре был выпущен на поруки.³⁷

Политически активная часть учеников настаивала, как видно из цитированного выше постановления педагогического комитета, именно на «активном участии в политической жизни», которое выражалось, как и в других школах, в требовании разрешения ученических сходок, учреждения совета старост и участия старост в заседаниях педагогического комитета. 24 октября намечалось приступить к занятиям (см. примеч. 32), но в этот день состоялось

в правление Царскосельской железной дороги. Такие удостоверения требовались для покупки льготного ученического проездного билета (Там же. Ед. хр. 9. Л. 180).

³² Сообщение педагогического комитета Тенишевского училища родителям от 21 октября (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 100). В нем извещалось также о том, что занятия в Тенишевском училище начнутся 24 октября 1905 г.

³³ Липовский Александр Лаврентьевич (1867–1942) — преподаватель русской литературы. Позднее — директор гимназии К. И. Мая.

³⁴ Протоколы 1-го Всероссийского съезда учителей и деятелей средней школы на Иматре. 9–11 февраля 1906 г. М., 1906; Съезд учителей и деятелей средней школы в Петербурге, июнь 1906 г. СПб, 1906. На втором съезде, проходившем в зале Тенишевского училища, с докладом о задачах общеобразовательной школы выступил преподаватель Тенишевского училища С. И. Созонов. В работе съезда принимали участие также член попечительного совета Тенишевского училища И. М. Гревс, первый директор В. А. Герд. Очевидно, именно на этом съезде перед группой делегатов выступал В. И. Ленин, о чем (глухо) сказано на мемориальной доске, установленной на фасаде здания училища; см. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 411.

³⁵ В хронике «Тенишевца» с сожалением отмечалось: «А. Л. Липовский и А. Я. Закс перестали преподавать в училище» (1906. № 1. 1 окт. С. 6). Закс Арт Яковлевич (1878–1938), впоследствии краевед, экскурсионист.

³⁶ Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 19–20; Тенишевец. 1907. № 5. 15 янв. С. 75.

³⁷ Тенишевец. 1907. № 5. 15 янв. С. 72.

ученическое собрание, резолюция которого (по-видимому, с повторением тех же требований) внесла очередной диссонанс в жизнь училища,³⁸ и занятия в старших классах возобновились не ранее 28 октября.³⁹

Но уже через несколько дней революционные события привели к новому кризису в училище. Ноябрьская политическая стачка проходила в Петербурге 2–7 ноября в знак протеста против предания военно-полевому суду участников Кронштадского восстания. В декабре В. М. Жирмунский записал в дневнике: «В начале ноября была вторая забастовка <...> она в один день разделила училище на две бойкотирующие друг друга партии. <...> Одна партия — реформаторы более смелые, чем осмысленные, враги даже прогрессивного педагогического персонала, горящие желанием примкнуть к ближайшей политической забастовке, стремящиеся сделать из школы орудие крайних партий, люди способные — часто, демагоги — всегда. Другая — люди, умеющие провести грань между школьной жизнью и политическими симпатиями, желающие не терять драгоценного времени и набрать побольше знаний для той же борьбы за идеалы, ценящие в учителях их доброе к ученикам отношение и верящие в их верность освободительному движению». В дневнике названы имена активистов «крайних» (как именовал представителей первой партии В. М. Жирмунский) — Наливкин, Рубакин, Синани.⁴⁰

8 декабря, накануне Московского вооруженного восстания, «на собрании делегатов от педагогических советов всех столичных средних учебных заведений признано необходимым разрешить учащимся старших классов устраивать общие собрания для выяснения

своих нужд»,⁴¹ и в тот же день гимназисты 2-й гимназии прекратили занятия и ходили в другие гимназии «снимать» учащихся.⁴² На следующий день в здании Тенишевского училища состоялось заседание С.-Петербургского союза преподавателей средних учебных заведений для решения вопроса о том, как отнестись к объявленной всеобщей политической забастовке, и «после живого обмена мнениями и речей союзом постановлено примкнуть к забастовке и прекратить занятия». ⁴³ 11 декабря на родительском собрании с приглашением депутатов от учащихся обсуждался вопрос о прекращении занятий в Тенишевском училище.⁴⁴ Согласно дневниковым записям В. М. Жирмунского, забастовка в училище (как учеников, так и преподавателей) продолжалась с 9 по 13 декабря, но еще и после 13-го классы наполнялись едва наполовину, а большая часть преподавателей продолжала бастовать. В те же декабрьские дни «почти во всех средних учебных заведениях <...> заняты рассмотрением проекта об организации института старост. Для этой цели составленные учащимися проекты переданы на обсуждение особых комиссий, избранных педагогическими советами. Учащиеся требуют предоставления старостам права присутствовать на заседаниях педагогических советов, родителей и т. п. Педагогический персонал склоняется к удовлетворению этого требования, без предоставления, однако, старостам решающего голоса». ⁴⁵ В Тенишевском училище выборы

⁴¹ Петербург. газ. 1905. 8 дек. С. 3.

⁴² Там же. 9 дек. С. 3.

⁴³ Петербург. газ. 1905. 11 дек., цит. по кн.: *Пиленко А.* Указ. соч. С. 100 (Прилож. № 104). Материалы «О присоединении гг. учителей к забастовке» отложились в фонде Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 10198).

⁴⁴ Повестка — ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 144. В. М. Жирмунский записал в этот день в дневнике: «Ал<ександр> Як<овлевич> становится все более и более скучным. Сегодня он не позволил депутатам от крайних говорить на родительском собрании, отверг предложение общего собрания учеников, родителей и педагогов, одним словом, вел себя крайне вызывающе. Между прочим, завтра и во вторник занятий не будет, в среду мы узнаем что и как о возобновлении работ». О позиции директора вспоминал впоследствии и другой ученик: «он протестовал против наших забастовок, как нечто недостойного Тенишевского училища <...> не хотел знать забастовку у себя, в свободной школе, где учителя подают руку ученикам, где они говорят как равные» (*Пинес <Иоахим (Ефим)>*). Мысли и воспоминания: «Ал. Як. Острогорскому — учителю и другу — тенишевцы»: (Ученический венок) // Александру Яковлевичу Острогорскому, Учителю и другу — Тенишевцы. СПб., 1908. С. 27).

⁴⁵ <Аноним> В средних учебных заведениях // Петербург. газ. 1905. 13 дек. С. 4.

³⁸ О собрании и вынесенной резолюции известно по архивному документу: «Педагогический комитет Тенишевского училища, ознакомившись с резолюцией собрания учеников старших классов училища от 24 октября и принимая во внимание, во первых, что осуществление ее ставило бы ведение учебного процесса в полную зависимость от образа действий учеников и, во вторых, что такое положение противоречит основным принципам всякой школы, постановил: считать названную резолюцию совершенно недопустимой. Директор» Машинопись с пометой: Вывешено в залах училища (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 105).

³⁹ Согласно извещению директора о том, что занятия в старших классах Тенишевского училища возобновятся 28 октября (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 143).

⁴⁰ Семейный архив Жирмунских. За разрешение использовать выдержки из дневника в настоящей работе приношу благодарность В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. 6 ноября в училище прошло собрание учащихся в присутствии Педагогического Комитета (повестка — ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 104).

в совет старост прошли, по записи В. М. Жирмунского в дневнике, 7 декабря. Борьба между двумя «партиями» в училище шла вокруг пункта об участии старост в заседаниях педагогического совета. Частичную победу одержали «крайние» (сторонники «участия»), однако представители их в 8 классе, Наливкин и Рубакин, старостами избраны не были. В 6-м классе старостами были избраны Жирмунский и представитель «крайних» Михайловский (избирались по двое от класса). Среди своих единомышленников В. М. Жирмунский в этой записи называет Г. Нечволодова и В. Валенкова — оба они в следующем году стали основателями и соредакторами журнала «Тенишевец» вместе с В. М. Жирмунским. Ученические сходки были разрешены, но, «разрешая сходки в старших классах, педагогический комитет обязал учеников, при обсуждении политических вопросов, не принимать никаких решений, которые могли бы быть обязательными для несогласных, а ограничиваться одним только обсуждением. По вопросам же академическим ученики могут принимать решения».⁴⁶ При всей остроте ученических дискуссий до «обструкций» дело не доходило; волнения в Тенишевском училище носили «мягкий» характер,⁴⁷ в сравнении, например, с событиями в Первом реальном училище (см. «Дневник» Н. Яковлева).

⁴⁶ Из актовой речи А. Я. Острогорского 8 сент. 1906 г. (Рус. школа. 1906. № 10. С. 83). По-видимому, к декабрьским дням относится рассказ директора (записанный С. Р. Минцловым в дневник), живо рисующий настроения учащихся в революционные дни 1905 года: «А. Я. Острогорский, директор Тенишевского училища, рассказывал такой курьез. Являются к нему третьеклассники и просят разрешения собраться.

— Да ведь вы уже собрались, — отвечает он, прикидываясь не понимающим, в чем дело.

— Нет, это не то: мы хотим устроить митинг.

— Какой митинг, о чем?

— Поговорить хотим.

— Да о чем?

— О необходимости у нас демократической республики.

А. Я. рассмеялся и прогнал их. На другой день приходит в класс и на столе, под тетрадь, находит лист бумаги, а на нем надпись: „Александр Яковлевич — второй Трепов“» (*Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 67–68*). Д. Ф. Трепов в 1905 году был петербургским генерал-губернатором, распоряжение которого о подавлении волнений — «холостых залпов не давать, патронов не жалеть» — было расклеено 13 октября 1905 г.

⁴⁷ «Когда все волновались, когда во всех средних учебных заведениях свирепствовали забастовки, волнения, царствовала анархия, наше училище волновалось мало, волновалось „из солидарности“» (*Пинес. Указ. соч. С. 27*).

Нечто о представителях партии «крайних» (как называл их В. М. Жирмунский в дневнике) в училище известно по воспоминаниям А. Н. Рубакина. Он рассказал о конспиративном ученическом кружке, куда входили, вместе с ним, его одноклассники Дмитрий Наливкин (будущий академик) и Андрей Пётрович. Осенью 1905 года кружок издал сборник революционных песен «Красное знамя» в пользу Совета рабочих депутатов, в связи с чем 2 января 1906 г. Рубакин был арестован, но вскоре выпущен под надзор полиции. Летом 1906 г. (уже после окончания Рубакиным училища) члены кружка, пополнившегося рабочими, напали на полицейского и отняли у него оружие. После этого последовал второй арест (был арестован также А. Петрович). О работе кружка в стенах училища Рубакин пишет мало, отмечая лишь, что «организацией митингов обычно занимался наш кружок, который за эти месяцы расширился, в него вошли наиболее революционно настроенные ученики из других, большей частью младших классов, вплоть до пятого».⁴⁸ По-видимому, кружок Рубакина играл ведущую роль в училище во время событий 1905/1906 учебного года, роль, которая в следующем году перешла к одноклассникам Мандельштама.

В этом учебном году Мандельштам стал изучать «Эрфуртскую программу» Карла Каутского⁴⁹ — момент, который и нужно считать точкой отсчета его вовлечения в политическую жизнь. За чтением — по-видимому, на уроке — его застал Вл. В. Гиппиус: «Чего ты читаешь брошюры? Ну какой в них толк? <...> Хочешь познать омиться с марксизмом? Возьми „Капитал“ Маркса» (с. 238). Эта живая сценка, которой открывается глава «Эрфуртская программа», на удивление точно иллюстрирует статью Вл. Гиппиуса «К вопросу о роли чтения в современном воспитании» (см. Приложение 4) и могла бы послужить к ней эпиграфом. «Капитал» Мандельштам «взял», а также и «Коммунистический манифест» (или, что то же, «Манифест Коммунистической партии», в то время он издавался и с одним,

⁴⁸ Рубакин А. Н. Над рекою времени. М., 1966. С. 14, 16–18, 24–25. Об Осипе Мандельштаме Рубакин пишет на с. 13.

⁴⁹ Мандельштам читал, по-видимому, «Комментарии к Эрфуртской программе» Каутского (1892) в одном из изданий периода революции 1905 года, напр.: *Каутский Карл. Эрфуртская программа*. СПб., 1906. Эрфуртская программа Социал-демократической партии Германии была в то время одним из основных документов международного социал-демократического движения. Принята в октябре 1891 на съезде партии в г. Эрфурт. Заменяла Готскую программу 1875 года. Решающее влияние на разработку ее основных теоретических положений оказал Энгельс.

и с другим названием). «Коммунистический манифест» только вскользь и почему-то во множественном числе упомянут в конце главки «Семья Синани» (с. 249), но знаменательная цитата из него вкралась в характеристику социал-демократа Анатолия Надежина, его одноклассника. В следующем же году Мандельштам «пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом» (с. 241).

Поскольку занятия в октябре–декабре едва велись, понятно, почему в это время Мандельштаму нужен был репетитор, которым и стал «Сергей Иванович». А для части учеников наверстать упущенное в следующие месяцы оказалось делом и вовсе непосильным. На состоявшихся 28 февраля и 23 марта 1906 года, накануне экзаменационной сессии, заседаниях педагогического комитета 6 из 18 учеников его класса вообще не были допущены к экзаменам и остались «на второй год», из двенадцати допущенных двое экзамены не сдали и также были оставлены в 7-м классе.⁵⁰ Родители Мандельштама и его друга Бориса Синани были извещены 6 февраля 1906 г. о недостаточных успехах: «Не успевают в январе: <...> Мандельштам — по тригонометрии, немецкому и рисованию. <...> Синани — по тригонометрии, немецкому, слаб по французскому».⁵¹ Но

⁵⁰ Список учеников седьмого класса на начало учебного года: Аршаулов О., Барац В., Дриль А., Зарубин Л., Каменский Ю., Кан М., Корсаков И., Кошкарлов Б., Краснокутский Л., Крупин С., Ляндау Ф., Мандельштам О., Надеждин А. (правильно: Надежин. — А. М.), Пржесецкий (правильно: Пржисецкий. — А. М.) А., Синани Б., Слободзинский С., Турба О., Турчанинов В. (выбыл из училища в течение года. — А. М.), Хортик Л. (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 52–54 об.). На заседании Педагогического комитета 23 марта «список оставленных в VII классе снова пересматривается и остается в том же виде» (Там же. Ед. хр. 8. Л. 142), и на следующий день, 24 марта, училищем было дано уведомление о допуске к экзаменам с приложением списка: 1. Аршаулов. 2. Зарубин. 3. Каменский. 4. Кан. 5. Корсаков. 6. Кошкарлов. 7. Крупин. 8. Ляндау. 9. Мандельштам. 10. Синани. 11. Слободзинский. 12. Турба, а также уведомление о том, что не допущены к экзаменам: 1. Барац. 2. Дриль. 3. Краснокутский. 4. Надеждин. 5. Пржесецкий. 6. Хортик (Там же. Ед. хр. 10. Л. 329, 330).

Перешли в восьмой класс и окончили училище в 1907 году (третий выпуск) вместе с Мандельштамом еще девять учеников: Аршаулов Олег Владимович (род. 29 дек. 1887 г.), Зарубин Леонид (Леонтий) Константинович (24 февр. 1889 г.), Каменский Юрий Андреевич (28 окт. 1889, по другим данным — 1888 г.), Кан Макс (4 марта 1890 г.), Кошкарлов Борис Алексеевич (21 апр. 1886 г.), Ляндау Федор (Феодосий) Юлианович (6 июля 1888 г.), Синани Борис Борисович (27 дек. 1889 г.), Слободзинский Сергей Николаевич (21 янв. 1889 г.). Мандельштам был среди них самым младшим: одноклассники были старше его на один-два года, а Аршаулов и Кошкарлов — соответственно на 3 и 5 лет.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 7–8.

экзамены они сдали успешно: 9 апреля по всеобщей истории оба с оценкой «5»; 13 апреля по русской истории оба — «5»; 21 апреля по алгебре оба с оценкой «5»; 26 апреля по геометрии письменный О. М. — «4», Б. С. — «3»; 28 апреля по геометрии устный О. М. — «4», Б. С. — «3»; 2 мая по космографии (современная астрономия) оба — «5»; 6 мая по географии О. М. — «5», Б. С. — «4».⁵² Один из экзаменов, вероятно по французскому языку,⁵³ они сдавали в августе: об этом упоминается в протоколе заседаний педагогического комитета от 31 августа: «Затем переходят к переводу учеников, державших экзамены в августе. 1) Синани; 2) Мандельштам — переводятся, но Синани нужны занятия по фр<анцузскому языку>».⁵⁴

В главе «Тенишевское училище» Мандельштам с симпатией, осязательной и сквозь присущую его стилю иронию, пишет о директоре. «Гуманистические туры на колесах» в училище, как там сказано (с. 232), нужно соотносить не с великой любовью Острогорского к своим воспитанникам, не со стремлением привить им «дух языка» и «любовь к литературе»,⁵⁵ но с культивировавшимся под его патронажем либерализмом педагогов («учителя подают руку ученикам», а директор играет с учениками в снежки на переменах⁵⁶) и, в целом, с декларировавшейся в первые годы существования училища самооценкой «свободная школа» (или, как сказано у Мандельштама на с. 229, «образцовая школа»), со стремлением полностью отказаться от приемов «казенной школы» — оценок, табелей успеваемости, кондуктивных журналов, «поощрительных и принудительных мер» (как говорил директор в изложенной выше речи), переходных из класса в класс экзаменов и т. п., то есть ко всему, что оказалось поколебленным забастовками учеников и педагогов. События 1905 года в училище стали сильнейшей встряской для учителей и директора, и на заседании педагогического комитета 27 января 1906 г. Острогорский обосновал необходимость реформы учебного процесса: «мы все, стараясь как можно далее уйти от нее <схоластики казенной школы>, ударились в другую

⁵² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 10 об.–25 об.

⁵³ Среди экзаменационных ведомостей в архиве отсутствует ведомость экзамена по французскому языку, и это предположение кажется единственно вероятным.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 4.

⁵⁵ См.: <Аноним>. А. Я. Острогорский: (Некролог) // Образование. 1908, № 9/10а. С. VIII.

⁵⁶ См.: Пинес. Указ. соч. С. 27; Сахаров А. Б. Памяти Александра Яковлевича Острогорского. С. 73 (паг. 2-я).

крайность: мы развиваем, но не учим. Перейдя предел, мы нарушили пропорциональность. При основании училища имелось в виду возбудить в детях самостоятельность и развить в них работоспособность, потому что человек, умеющий работать, сможет приобрести в жизни то, что ему нужно. Достигнуть этого, как мы теперь видим, нам не удалось; расшатанность полная; дефект, очевидно, в корне». ⁵⁷ В результате учебный процесс стал существенно ближе к «казенному»: появились годовые оценки по предметам, таблицы успеваемости ⁵⁸ и был учрежден воспитательский совет. ⁵⁹ К тому

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 115.

⁵⁸ В качестве иллюстрации приводим один из выданных в конце этого учебного года:

Сведения об успехах и поведении ученика
6 пар <аллельного> класса Тенишевского училища
Бартмера Андрея за 1905/6 уч <ебный> г <од>.

<Опущены оценки по предметам>

Общие замечания.

Б <артмер> и в текущем году, невзирая на урок прошлого года, продолжал недостаточно серьезно и добросовестно относиться к делу. Он совершенно перестал систематически трудиться, и если он работает и проявляет некоторое усердие, то делает он это урывками, по временам. Между тем при его далеко не блестящих способностях и посредственной памяти исключительно систематическая настойчивая работа может служить гарантией успеха. Только систематическим, сознательным трудом может он пополнить один из существенных недостатков — отсутствие общего развития. Вместо того он играет роль, и довольно видную, среди группы учеников, которые, подобно ему, совершенно перестав работать, отрицательно относятся к училищу и создают себе сферу интересов совершенно несвойственных их возрасту и не соответствующих тем запросам, которые пыталась развить в них школа. Низменный и вредный характер этих интересов, наблюдаемый уже в течение некоторого времени, особенно ярко и рельефно проявился на последней экскурсии. Порнография и алкоголь не могут быть элементами интересов нормально развивающихся юношей. Лишь в надежде на исправление этих учеников и ввиду того, что группа эта вполне беспочвенна и остальные ученики относятся к ней сознательно отрицательно — представляется возможность держать этих учеников в училище.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА: ОСТАВЛЕН В ТОМ ЖЕ КЛАССЕ НА ½ ГОДА.

ДИРЕКТОР

(ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 56–56 об.)

⁵⁹ Новации были подготовлены во втором семестре и введены в начале следующего учебного года. 13 апреля 1906 г. на заседании педагогического комитета был поставлен «доклад комиссии по пересмотру учебно-воспитательного дела <...> и о предполагаемых реформах» (Повестка. ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 153). См. также: «В 1905–1906 г. в педагогическом комитете был

же времени относится еще одно нововведение: «в целях повышения самостоятельности и работоспособности учеников было поставлено усилить домашнюю работу учеников так, что в средних и старших классах классная работа была перенесена отчасти на самих учащихся». ⁶⁰ Оно преследовало ту же цель: занять больше внешкольного времени учебой и тем самым отвлечь учеников от политической деятельности.

Каникулы

В основном на время школьных каникул приходилась будоражившая умы деятельность I Государственной Думы (27 апреля — 8 июля 1906 г.).

На каникулах мы видим Мандельштама «с „Эрфуртской программой“ в руках» и в обстановке, зримо насыщенной приметами недавно прошедшего восстания.

То было в поселке Зегевольд (позднее Сигулда) Лифляндской губернии. «В тот год, в Зегевольде, на курляндской реке Аа, стояла ясная осень с паутиной на ячменных полях. Только что пожгли баронов, и жестокая тишина после усмирения поднималась от спаленных кирпичных служб <...> И вот в Зегевольде, с Эрфуртской программой в руках, я по духу был ближе к Коневскому, чем если бы я поэтизировал на манер Жуковского и романтиков, потому что зримый мир с ячменями, проселочными дорогами, замками и солнечной паутиной я сумел населить, социализировать, рассекая схемами, подставляя под голубую твердь далеко не библейские лестницы, по которым всходили и опускались не ангелы Иакова, а мелкие и крупные собственники, проходя через стадии капиталистического хозяйства» (с. 240). По устному сообщению брата, Евгения Мандельштама, они (все три брата) были тем летом в Зегевольде с матерью; поселок носил печать недавних революционных событий: у одной из усадеб стояла разбитая пушка. В воспоминаниях поэта есть хронологический сдвиг: то была не осень, а лето 1906 года; карательная экспедиция здесь была в январе,

произведен пересмотр некоторых основных положений Тенишевского училища, результатом чего явилось усиление воспитательного дела, переданного в руки особой коллегии — воспитательского совета. <...> В это же время в школе была введена семестровая система» (Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 5–6).

⁶⁰ Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 6.

жертвам расстрела 14 января 1906 года был позднее установлен памятник на сигулдинском кладбище. Впечатления этого лета отразились в двух юношеских стихотворениях Мандельштама, помещенных в третьем выпуске ученического журнала «Пробужденная мысль».⁶¹

1906/1907 учебный год

«Когда я пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом, меня ожидал очень серьезный противник. Прислушавшись к самоуверенным моим речам, подошел ко мне мальчик, опоясанный тонким ремешком, почти рыжеволосый и весь какой-то узкий, узкий в плечах, с узким мужественным и нежным лицом, кистями рук и маленькой ступней. <...> Он вызвался быть моим учителем, и я не покидал его, покуда он был жив, и ходил вслед за ним, восхищенный ясностью его ума, бодростью и присутствием духа» (с. 241). Это был Борис Синани.

Показательную параллель к приведенной выше цитате из «Шума времени» дает заметка из хроники «Тенишевца» — уже в начале года Мандельштам и Синани сидят на одной парте и в какой-то мере задают тон в классе:

«10-го октября произошел в XV семестре весьма неприятный инцидент. Большая часть класса демонстративно ушла из училища. Поводом к такому поступку послужила отсылка Синани домой за нежелание пересесть на другую парту. Но это только повод. Мотивом же является отношение директора и классных наставников к ученикам XV семестра, которое, по их мнению, вовсе не соответствует издавна сложившемуся в нашем училище отношению к ученикам XV семестра как к людям, одной ногой уже стоящим вне училища, а скорей подходит к ученикам младших классов. Это мнение сложилось у всего класса, не исключая и оставшихся в здании училища. Класс разошелся лишь в мерах выражения недовольства».⁶²

⁶¹ Мандельштам О. Полн. собр. сочинений и писем. В 3-х т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 253–254. См. также: Мец А. Г. Неизвестные стихотворения Мандельштама // Даугава. 1988. № 2. С. 194–195. О месте «революционного прошлого» в мировоззрении Мандельштама-поэта см.: Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // Лит. обозрение. 1991. № 3.

⁶² Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 20–21.

В те же дни Синани и Мандельштам часто пропускают уроки⁶³ и ведут себя вызывающе. «Приходят они, когда им это угодно, хоть ко 2–3 уроку, причем заходят в класс во время урока, не обращая внимания на преподавателя», — говорил Острогорский на очередном заседании педагогического комитета. Один из выступавших педагогов назвал их поведение «наглым», а другой отметил, что «рассядка Синани и Мандельштама произвела свое действие».⁶⁴

Вероятно, в первой половине учебного года, когда Мандельштам пришел в класс «совершенно готовым и законченным марксистом», сближение его с Борисом Синани (тот был, несомненно, уже членом партии эсеров, ибо эсеры, по приведенной ниже справке, «прямо включали школьников в партию») определялось политической активностью обоих и принадлежностью к левым политическим партиям. Хотя в прямых акциях 1905 года левые партии действовали солидарно, борьба за влияние на массы и соответствующая полемика между двумя партиями в печати и на митингах велась ожесточенная, что и отразилось в нескольких эпизодах главы «Семья Синани»; обобщая, Мандельштам говорил о «глубокой страстной распре с.-р. и с.-д.» (с. 249). По-видимому, их принадлежность к противоборствующим политическим партиям в тот момент и фиксирует недружественная заметка Синани (укрывшегося под псевдонимом) в хронике «Пробужденной мысли»:

«Прекрасный оратор-талмудист О. уже начал свою пламенную речь. „Не только пролетариат, но все трудящиеся...“, — горючит он, но кончить ему не удастся, его хватают, и начинается знаменитый „чиркуль“, состоящий в том, что жертву, предварительно свалив на спину, хватают за руки и крутят по полу... <...> Особенно суетятся многочисленные редакторы и издатели недавно начавшего выходить в училище журнала. Должно быть, они ищут новостей. Тут есть самые разнообразные типы, большие и маленькие, с бритыми и небритыми головами, в очках и без очков... <...>

⁶³ Оба они отсутствовали в первый день занятий: канцелярия Тенишевского училища обратилась с письмами к Флоре Осиповне Мандельштам и Борису Наумовичу Синани с просьбой сообщить причины, по каким их сыновья не были в училище 1 сентября (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 377). Такой же запрос был дан Б. Н. Синани (и родителям некоторых других учеников) 6 октября 1906 г. (Там же. Л. 390).

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 16–19. Извлечения из этого протокола в большем объеме цитируются ниже в тексте статьи.

Но зато в классе в это время произошла „дезинфекция“, и что самое главное — исполнен „суровый долг“, чем и утешает класс О., он же любимый ученик Канта.

Наконец, кончилось. Можно идти домой. И тут поклонник долга О. не забывает великого назначения своей жизни и меняет свои калоши и пальто на чужие (лучшие, конечно).

Вообще это очень интересный тип. Ходят слухи, что однажды он, витая в заоблачных местах „отвлеченного мышления“, одел курточку ученика 1 класса. К счастью, тот был тут же и, не желая стать жертвой экспроприации, закричал о помощи и этим вывел О. из состояния забвения. Мы думаем, что этот слух несколько преувеличен, тем более что О. в личной беседе заявил, что с экспроприаторами ничего общего не имеет.⁶⁵

«Не только пролетариат, но и все трудящиеся» в заметке Синани — это слова из уст сторонника партии пролетариата (социал-демократа). Через некоторое время Борису удалось обратиться к другу «в свою веру»: Мандельштам вступил в партию социалистов-революционеров.⁶⁶

⁶⁵ XV семестр // Пробужденная мысль. 1906. Вып. I (ноябрь). С. 10–11. Подписано: Бъсъ. Приводится по выписке А. Морозова. Псевдоним образован, очевидно, от инициалов Б. С. (Борис Синани); тем же псевдонимом подписан очерк «Анархист» (см. Приложение 3). Мандельштам, как уже говорилось выше, был значительно моложе своих одноклассников, почему и становился мишенью ребяческих забав. По устным воспоминаниям тенишевца Марка Михайловича Вольфа, тогда учившегося в 6-м классе, «„Чиркуль“ — игра, его вертели, он не сопротивлялся. Его любили» (запись Г. Г. Суперфина). М. М. Вольф оставил и письменные воспоминания (Русский архив в Лидсе. MS. 1080/55, опубликованные в авторском переводе на английский: Sudebник. London, 2000. Vol. 5, iss. 2), но этот эпизод не был автором записан. За предоставленную возможность ознакомиться с его воспоминаниями благодарю хранителя архива Ричарда Дэвиса и Татьяну Марковну Вольф.

⁶⁶ Согласно сведениям, предоставленным самим поэтом, см.: Писатели современной эпохи: (Био-библиогр. слов. рус. писателей XX в.). / Ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. Т. 1. С. 178 (справка написана Д. С. Усовым, см.: *Тименчик Р. Д.* Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 1. С. 75); *Тарсис В.* Современные русские писатели / Ред. и дополнил И. Оксенов. Л., 1930. С. 130. Сколь ни эфемерной была деятельность Мандельштама в рядах партии эсеров, не следует преуменьшать значения этого эпизода в биографии поэта и данной им при вступлении в партию «присяги чудной четвертому сословию» (как сказано в стихотворении «1 января 1924») для самосознания поэта. В середине 1920-х годов бывшие члены разгромленной партии эсеров подвергались гонениям, и Мандельштам, предоставляя указанные сведения для печати, поступал демонстративно.

Отец Бориса, Борис Наумович Синани,⁶⁷ был, по «Шуму времени», «советник и наперсник тогдашних эсеровских цекистов»; Мандельштам был свидетелем посещений М. А. Натансона: «Два три раза... открыто для нас, детей, приходил беседовать к Борису Наумовичу. Восторженный трепет и гордая радость не имели границ: в доме был цекист» (с. 244). Как выяснилось, и сам Б. Н. Синани «в 1886 году состоял под гласным надзором полиции, отменным циркуляром департамента полиции от 23-го сентября того же года».⁶⁸ Его дети вполне унаследовали политические взгляды отца. Евгения, сестра Бориса, по сведениям, обнаруженным нами в архиве, была партийной пропагандисткой района, «на обыске у ней была обнаружена партийная литература, рукописи и прокламации», в связи с чем она была арестована и с 17 апреля по 20 июня 1906 года находилась в Доме предварительного заключения.⁶⁹ Борис Синани шел по тому же пути.⁷⁰

⁶⁷ Годы жизни Б. Н. Синани: 1851–1920.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. 1906 г., д. 666. Л. 4. В этой же справке сообщается о знакомых Б. Н. Синани, посетителях его дома: видном народовольце Германе Александровиче Лопатине (1845–1918), публицисте и теоретике народничества Сергее Николаевиче Кривенко (1847–1906), Самуиле Соломоновиче Бабаджане.

⁶⁹ По справке Отделения по охране порядка и общественной безопасности: ГАРФ. Ф. 102. 1910 г., д. 9, ч. 1. Л. 347 об. В этой же справке указано, что компрометирующие Евгению сведения были обнаружены в записях, найденных при обыске у Всеволода Эйхенбаума. В. М. Эйхенбаум (псевд. Волин), брат Б. М. Эйхенбаума, с 1905 года был членом партии социалистов-революционеров, в 1907 г. за участие в экспроприациях был осужден на вечное поселение в Сибирь. Особый отдел вел слежку за Алексеем Павловичем Кудрявцевым (псевд. Мирский, Мешковский), мужем Евгении, имя которого называла и В. Б. Некрасова в семейных воспоминаниях («Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 62). В 1906 г. Евгения была слушательницей Высших женских (Бестужевских) курсов (ГАРФ. Ф. 102. 1906 г., д. 666. Л. 4).

⁷⁰ Он был одним из лидеров ученических выступлений в 1905 г.: в записи дневника от 8 декабря 1905 г. В. М. Жирмунский назвал его «главой наших крайних». Дальнейшие факты биографии Бориса Борисовича Синани (1889/1890–1911): в 1908 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 51591); в 1909 г. женился на Александре Эдуардовне Монвиж-Монтвид. Борис писал стихи, его художественный этюд «Сон» был помещен в 3-м выпуске «Пробужденной мысли». Возможно, ему принадлежит подписанное именем «Борис» стихотворение «Спящим» в эсеровской газете «Труд» (Б/м. 1907. Июнь. № 15. С. 7–8). Его очерк «Анархист» см. в Приложении III.

Дополним сведения о семье Синани, которые сообщила В. Б. Некрасова («Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 60–64). Брак родителей Бориса не был оформлен (в России имел силу только церковный брак, и для его заключения Борис Наумович должен был принять православие),

По донесению московского охранного отделения департаменту полиции,

«с осени 1905 года все революционные партии стали пользоваться большой популярностью среди молодежи, учащейся в средних учебных заведениях. Много способствовала этому общая ученическая забастовка 1905 года, во время которой агитаторы революционных партий проникали в среду учащихся и производили громадное влияние на молодежь. Среди гимназистов стали образовываться кружки, имевшие целью самообразование, в известном, конечно, направлении. Кружки эти, смотря по характеру занятий и по партийной принадлежности руководителей, носили название социал-демократических или социал-революционных организаций. <...> Они <социал-демократы> смотрели на ученические кружки, главным образом, как на подготовительные школы пропагандистов. Социалисты-революционеры же прямо включали школьников в партию, и это льстило их самолюбию. Тем не менее, по всем данным, первое влияние на молодежь имели социал-демократы».⁷¹

Синхронно отмеченному в донесении и в Тенишевском училище уже в самом начале учебного года был организован кружок по самообразованию, заметка о котором появилась в хронике ученического журнала:

«Нам пишут из старших классов: „В связи с движением, охватившем в настоящую минуту все русское государство, в средних учебных заведениях начинают образовываться кружки чисто партийные для ознакомления с программой той или иной политической партии (политическое самообразование). Такой кружок „сочувствующих эсерам“ имеет своих представителей и в нашем училище среди младших учеников старших классов. Кружок изучает программу вышеупомянутой партии и стремится дать своим членам элементарные знания по политической экономии, без которой изучение той или иной политической партии является абсурдом».⁷²

и сын считался незаконнорожденным (согласно метрической выписи в университетском деле Б. Б. Синани). Мать, Варвара Лукинична Попадичева, умерла ок. 1898 г., и вскоре Б. Н. Синани перевез семью из Колмова в Петербург. Дочь Евгения, по сведениям, сообщенным нам С. С. Синани устно, родилась в 1886 г., Елена — в 1893 г., окончила Стоюнинскую гимназию в 1911 г. Евгения Синани впоследствии была замужем за Виктором Монвиж-Монтвидом. В доме Монвиж-Монтвидов, по свидетельству брата и сестры Виктора, Ксении и Анатолия, Мандельштам появлялся вместе с Борисом, там их звали «Два Аякса».

⁷¹ Цитируется по кн.: *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Л., 1924. С. 153.

⁷² Об ученических кружках // Тенишевец. 1906. № 1. 1 окт. С. 10.

Организация кружков самообразования, как видно из донесения охранного отделения, шла в русле реализации партийных заданий эсеров и эсдеков, и за этой акцией в Тенишевском училище стояла, вместе с другими, фигура Бориса Синани. Ядро кружка, по-видимому, образовали те же ученики, которые вместе с ним и в то же время основали «оппозиционный» журнал «Пробужденная мысль» (см. ниже) — Анатолий и Вячеслав Надежины,⁷³ Юрий Каменский⁷⁴ и, вероятно, О. Мандельштам. Должно быть, в кружке, как и в Первом реальном училище по описанию Н. Яковлева, происходили «дебаты о том, кем лучше быть: эс-эром или эс-деком? Причем «лучше» означало «радикальнее». Большинство тяготело к эс-эрству и анархизму».⁷⁵ Сюда же то место из главы «Эрфуртская программа», где живо обрисованы споры между учениками, свидетелем и участником которых был автор: «и социал-демократ перегрызает горло народнику и пьет его эсеровскую кровь, напрасно тот призывает на помощь своих святителей — Чернова, Михайловского и даже... „Исторические письма“ Лаврова» (с. 239).

Н. Яковлев пишет, что в начале этого учебного года «оставшаяся часть учеников <...> была определенно реакционно настроена („желаем заниматься!“) и с нескрываемой враждебностью встречала не только какие-либо выступления, но и всякое вообще проявление общественных интересов».⁷⁶ Такое же состояние умов было и в Тенишевском училище. Директор и педагоги, естественно, стремились отвлечь учеников от участия в политической жизни (о чем директор прямо говорил 8 сентября в приведенной выше речи) и направить их энергию в русло учебы и самодеятельности (ср. попадающее в этот контекст: «нет, русские мальчики не англичане, их не возьмешь ни спортом, ни кипяченой водой самодеятельности» и далее — с. 239). Одной из инициатив было основание общешкольного ученического журнала (отдельные классы

⁷³ Характеристика Анатолия Надежина в главе «Тенишевское училище»: «разночинец... веселье и беспечность, потому что нечего терять» (с. 61) многозначительна — курсивом нами выделена полуцитата из «Манифеста Коммунистической партии». Анатолий Алексеевич Надежин был социал-демократом, редактировал «оппозиционный» «Тенишевцу» журнал «Пробужденная мысль», в котором выступал с боевыми передовицами.

⁷⁴ О Ю. А. Каменском см. в Приложении 6. В своих воспоминаниях он писал о том, что познакомился с марксизмом 15-ти лет (т. е. в 1903 или 1904 г.) и «вел споры с отцом на социально-политические темы» (Тыняновский сб. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. М.: Водолей, 2009. С. 501).

⁷⁵ Наст. изд., с. 50.

⁷⁶ Наст. изд., с. 52.

с 1903 года выпускали свои журналы, быстро прекращавшие существование). Решение было принято еще в конце прошлого учебного года, что явствует из очерка, в котором один из учеников писал о недавних летних намерениях на новый учебный год:

«Лето кончено, в Петербург! <...> Кончено, перестану быть Обломовым и примусь за дело! <...> Основывается журнал. Непременно буду писать!.. Сильней и сильней охватывают меня чувства, и все ярче представляется светлое будущее. Школа — это маленькое государство со своей особой жизнью. У нас будет *свое правительство* — старосты, своя пресса, свои собрания, свой театр. <...> Прошлый год! Что было в прошлую зиму? <...> На улицах пусто — лишь патрули и городовые. А в школе нервные, потрясенные ученики и взволнованные педагоги. Они не понимают друг друга. Всем мучительно хочется помочь народному горю, хоть что-нибудь сделать. И неудержимо, фанатично устремляются юноши в бешеный водоворот жизни. Школа замирает. Потом... Усталые, осунувшиеся лица, угрюмое и немощное молчание, а на улицах больше штыков и нагаек».⁷⁷

Расслоение учеников на две «партии», отмеченное в дневнике В. М. Жирмунского в прошлом году, нашло отражение в истории двух тенишевских журналов.

С 1 октября начал выходить журнал «Тенишевец». В редакцию входили Г. Нечволодов, В. Валенков, В. Жирмунский (ученики 7 класса), И. Ашешов, ученик 6 класса, несколько позднее (с № 4, 10 дек. 1906 г.) — К. Ляндау, ученик 7 класса).⁷⁸ Во втором номере

⁷⁷ Н. М. На пути // Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 15–16.

⁷⁸ Следует отметить, что в редакцию «Тенишевца» не вошел ни один ученик 8-го класса — политически активная группа из них основала, как уже было сказано, журнал «Пробужденная мысль». О Георгии Платоновиче Нечволодове и Владимире Николаевиче Валенкове биографических сведений нам не удалось получить; в записи от 7 декабря 1905 г. В. М. Жирмунский отметил их как своих друзей и единомышленников. Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) — впоследствии филолог, академик. О его публицистических и литературно-критических выступлениях в «Тенишевце» см.: Лавров А. В. В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество. М., 1996. С. 339–341. Впоследствии выступил в печати с анализом поэтики двух первых сборников Мандельштама — «Камня» и «Tristia» (в статьях «Преодолевшие символизм» и «На путях к классицизму», см. статью Н. А. Жирмунской: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 271–272). Константин Юлианович Ляндау (1890–1969) в 1910-е годы был хорошо известен в среде поэтов, издал сборник стихов «У темной двери» (отрецензированный Н. С. Гумилевым), впоследствии был театральным режиссером; его брат Федор (Феодосий) учился в одном классе

журнал поместил знаменательную статью, прямо призывавшую учеников к отказу от участия в политической жизни:

«Ряд последовавших затем (после октября 1905 года. — А. М.) забастовок средних учебных заведений явился бессмысленнейшей демонстрацией... своей слабости. Товарищи! Во второй половине прошлого года исключали старост, исключали учеников целыми классами за их политические убеждения; отчего гимназичество молчало? Отчего бездействовала знаменитая хвастливая резолюция о круговой поруке? Откуда начало реакции в средней школе? Ответ один — ряд демонстраций своей слабости и потеря сил на политическую борьбу ослабили сами союзы, советы, постановления... Причина тому забастовки. Таким образом, все более и более выясняется, что эти постоянные прекращения занятий не только не полезны, но вредны для общего и для нашего частного дела. <...> Пока наше дело — наша школьная область. В ней мы обязаны, это наш священный долг перед родиной, работать пока, готовясь к работе там, в более широкой жизни. <...> Так опомнитесь вовремя, товарищи, и разорвем цепи гипноза, сковавшего нас в прошлом году».⁷⁹

И тут жизнь училища была ознаменована громким конфликтом. На данную тенденцию «Тенишевца» (тенденцию откровенную) — группа «крайних» ответила изданием «оппозиционного» журнала «Пробужденная мысль».⁸⁰ Уже первый его выпуск произвел сильный эффект:

«В четверг, 10-го ноября в XIII а и б семестрах не было урока законоведения. В класс пришел Александр Яковлевич, который

с Мандельштамом. О чтении Мандельштамом стихов в «подвале» К. Ляндау, где собирались поэты, см.: Бабенчиков М. Сергей Есенин // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 180. Игорь Николаевич Ашешов (1891–1961), сын литератора Н. П. Ашешова, впоследствии окончил Саратовский университет, стал бактериологом, во время Гражданской войны служил в воинской бактериологической лаборатории армий Юга России, затем эмигрировал, занимал должность профессора в Институте Листера в Лондоне.

⁷⁹ О политической забастовке в средней школе // Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 18. Подписано: Бывший староста II призыва. В двух следующих номерах (3 и 4) печаталась статья анонима «Средняя школа и освободительное движение» — той же направленности.

⁸⁰ Направление было заявлено учредителями «Пробужденной мысли» еще до выхода первого номера, что было отмечено в зачине полемической заметки: «Новый журнал, еще до своего рождения объявивший себя „оппозиционным“ <...>» (Тенишевец. 1906. № 3. 15 нояб. С. 31). Имена авторов журнала перечислены нами выше.

в присутствии обоих семестров долго говорил с редактором «Пробужденной мысли». А. Я. упрекал А. Надежина в оплевании как всего училища, так и идеи, положенной в его основу. В заключение А. Я. выразил свое крайнее огорчение по поводу поведения журнала». ⁸¹

⁸¹ Тенишевец. 1906. № 4. 10 дек. С. 51. Конфликт журналов запомнился, один из младших учеников позднее писал в воспоминаниях: «В 1906 г. старшеклассники издавали два враждовавших меж собой журнала, „Пробужденная мысль“ и „Тенишевец“. Первый из них отличался политическим радикализмом и в пылу полемики обозвал „Тенишевца“ „Черносотенцем“. Успеха, однако, „Мысль“ не завоевала. В училище царил дух сдержанного сочувствия революционным идеям. В „активную политику“ и уже тогда, а тем более в последующие годы вовлекалась сравнительно малая часть учащихся. И это не только потому, что директор, при всем своем либерализме был принужден, состоя к тому же гласным Городской думы, осторожничать, да и по всяким педагогическим соображениям тщательно оберегал своих питомцев-недоросков от преждевременного вовлечения в круг политических интересов. <...> Аполитичный „Тенишевец“, руководимый группой дружных и незаурядных подростков, оказался больше к месту» (Розенталь Л. В. Затея князя // Розенталь Л. В. Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010. С. 493–494).

Упомянутый автором эпизод действительно имел место: в первом номере «Пробужденной мысли», в разделе «Хроника слухов» сообщалось о выходе из печати журнала «Черносотенец» (с. 12–13), а затем якобы допущенная опечатка исправлялась (на правильное «Тенишевец», с. 16). В связи с реакцией директора на первый номер «Пробужденной мысли», переданной в хронике «Тенишевца», следует привести красноречивый эпизод из предыстории «Пробужденной мысли», рассказанный В. М. Жирмунским: «В Тенишевском училище в 1906 году стал издаваться группой учащихся оппозиционный журнал „Пробужденная мысль“. Журнал печатался типографским способом, и типография требовала от редколлегии учащихся визы директора, что как бы ущемляло самостоятельность учащихся. Когда редакция обратилась по этому вопросу к директору училища, А. Я. Острогорский сказал: „Печатный журнал перестает быть внутренним делом школы, он становится достоянием общественности, в случае чего пятно ложится на всё наше училище, отвечаю я, как директор“ и, подумав минуту, внимательно посмотрел на редактора, ученика VII класса Анатолия Надеждина, и добавил „Но я вам доверяю, типография будет печатать ваш журнал без моей подписи“. Здесь же он написал отношение в типографию, в котором указывал, что, не снимая с себя ответственности за ученический журнал тенишевцев, просит принимать к печати материалы от редакции без визы директора» (цит. по: Зенченко Н. С. Воспитательная работа в общественных средних школах России начала XX века (по материалам петербургских общеобразовательных коммерческих училищ) // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. педагогики. Л., 1958. Т. 182, вып. 3. С. 15). В следующем учебном году право на разрешение печатания журналов перешло к воспитательскому совету (Тенишевец, 1907. Год II. № 1. 15 окт. С. 4, 19–25).

Критике этого выпуска «Пробужденной мысли» «Тенишевец» отвел 3 страницы. Из них мы узнаём о политической стороне материалов «Пробужденной мысли», об инвективах в адрес кадетов, меньшевиков и трудовиков на ее страницах. ⁸² Несомненно, из того же лагеря исходила политическая оценка, которую сохранили воспоминания одного из учеников: «было время, когда многие из нас считали образ действий Александра Яковлевича „кадетством“». ⁸³

Весь семестр журналы продолжали яростную полемику. Вторым выпуском «Пробужденной мысли» вышел 13 декабря.

«Журнал был на этот раз встречен с большим сочувствием, чем раньше; особенно понравились стихотворения. Кивки на „Тенишевец“ и неостроумные выходки на его счет, по-прежнему вызвали много споров, в особенности в XIII семестре, где чуть было не произошла драка между одним из редакторов „Тенишевца“ и одним из почитателей „Мысли“». ⁸⁴

Судя по тону статьи Бориса Синани, помещенной в этом выпуске, полемический градус не был снижен:

«Может быть, революция пройдет без нас, но можем ли мы отстраняться от революции? Можем ли мы заниматься в минуты напряжения сил всей страны? Может быть, „разумные“ сотрудники „Тенишевца“ могут — мы же не можем. Вспомните октябрьскую забастовку — кто протестовал против нее? Вспомнили? Даже

⁸² Тенишевец. 1906. № 3. 15 нояб. С. 30–33. Два первых выпуска «Пробужденной мысли» оказались для нас недоступными. В 1960-е годы они имелись в библиотеке Ленинградского государственного педагогического института (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена, куда были переданы академиком В. М. Жирмунским, а в 1970-е числились утраченными. Оба выпуска значатся в генеральном каталоге Библиотеки РАН (шифр 7933), однако с 1970-х гг. их «нет на месте». Третий выпуск был найден в книжном фонде РНБ (шифр 38.66.7.47) благодаря Г. Г. Суперфину. Материалы двух первых выпусков известны нам по цитатам в «Тенишевце», предоставленным в наше распоряжение выпискам А. А. Морозова и по выдержкам из указанной ниже работы Н. С. Зенченко.

⁸³ Валенков В. Недавнее прошлое // Александру Яковлевичу Острогорскому, Учителю и другу — Тенишевцы. СПб., 1908. С. 10. О сути разногласий кадетов с левыми партиями см.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 338–351 (глава «Кадеты и левые») и далее.

⁸⁴ Тенишевец. 1906. № 5. 15 янв. С. 72. В том же номере «от редакции» помещена краткая информация: «„Пробужденная мысль“ в своем 2-м выпуске определила окончательно свое направление. Очевидно, журнал считает себя партийным органом и прямо противопоставляет себя нам как партии; это особенно видно из письма Анатолия Надеждина. По этому поводу мы должны заявить, что „Тенишевец“ — беспартиен» (С. 60).

педагоги не возражали, потому что не время было возражать; вопрос был поставлен ребром: или с народом, или против него.⁸⁵ Но теперь... Теперь вы протестуете... Что же, это „очень разумно“. Но не верится нам, что из вас выйдут защитники прав народа! Фразами любите вы отделяться».⁸⁶

В двух первых выпусках материалов Мандельштама обнаружено не было. Третий выпуск «Пробужденной мысли», содержащий два его стихотворения, вышел в марте или апреле 1907 года.⁸⁷

В дневнике С. П. Каблукова есть запись, дающая хронологический ориентир дальнейшему: «В училище <Мандельштам> был

⁸⁵ Борис Синани говорит об общешкольном собрании, уже упоминавшемся выше (см. примеч. 27).

⁸⁶ Несколько слов о «молодых стариках» // Пробужденная мысль. СПб., 1906. Вып. II. С. 11. Подписано: Б. С. Цитируется по ст.: *Зенченко Н. С.* Внеклассная работа в общественных средних заведениях России в начале XX века // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. педагогики. 1959. Т. 193, вып. 4. С. 78; автором была допущена неточность в ссылке на источник: подпись означена «Н. С.» вместо правильного «Б. С.»; исправление внесено согласно цитате в другом источнике: *М. В.* <Марк Вольф?> Критика 2-го выпуска «Пробужденной мысли» // Тенишевцев. 1906. № 6. 20 февр. С. 92.

⁸⁷ Выходные данные третьего выпуска: Пробужденная мысль. СПб., 1907. Вып. I. Откликов на этот выпуск в периодической печати училища мы не нашли. А. Надежину принадлежит в нем редакторское обращение «К товарищам», Б. Синани — прозаический художественный этюд «Сон» и очерк «Анархист» (см. Приложение 3), Ю. Каменскому — два стихотворения (см. Приложение 6) и критический очерк «Два пути» с разбором номера журнала «Звенья», Мандельштаму — два стихотворения (см.: *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 253–254). В следующем учебном году А. Надежину удалось издать еще один номер «Пробужденной мысли», о котором ныне известно лишь по заметке в хронике «Тенишевца»: «5 декабря <1907 г.> вышел, наконец, № 1 беллетристической «Пробужденной мысли». Номер этот, довольно незначительных размеров (12 страниц), содержит преимущественно стихи в декадентском стиле, многие из которых достойны очень и очень серьезного внимания. Под прозрачными псевдонимами легко узнать учеников прошлого выпуска; вероятно это так только пока, так как странно было бы школьному журналу существовать на подобном материале. Больших толков журнал не вызвал и разошелся в весьма незначительном количестве экземпляров.

По поводу заключительной статьи „Пробужденной мысли“, кажется, а может быть, и по поводу всей деятельности этого журнала, в VII семестре появилась карикатура: Женщина с покрытым лицом (не „определенного направления“) держит высоко над головой красное знамя, на котором яркими буквами начертано „А. Надежин“. В другой — кипа номеров „Пробужденной мысли“. Внизу под ней скрывается во мраке захудалый призрак „Тенишевца“ и различные атрибуты школьной жизни <...>» (Тенишевцев. 1908. Год II. № 4. 15 янв. С. 28).

с. р. или с. д. и даже говорил рабочим своего района зажигательную речь по поводу провала потолка в Государственной Думе»,⁸⁸ — как установил А. А. Морозов, это происшествие случилось 2 марта 1907 года.⁸⁹ Таким образом, вступление Мандельштама на политическое поприще в рядах эсеров относится ко времени напряженной внутри- и межпартийной полемики во II Государственной Думе (20 февраля — 2 июня 1907 г.). Что касается участия обоих в сходках, то Мандельштам в главе «Семья Синани» как очевидец вспоминает, что «Борис, еще будучи мальчиком, на одной сходке забил и вогнал в пот старого опытного меньшевика Клейнборта⁹⁰» (с. 245).

Выполнение партийных заданий, участие в сходках и агитация на рабочих летучках требовало у друзей времени, в ущерб занятиям. Последнее явствует из протокола заседания педагогического комитета Тенишевского училища от 18 ноября 1906 г.:

⁸⁸ *Мандельштам О.* Камень. Л., 1990. С. 241. (Лит. памятники). Аналогичные сведения Мандельштам сообщил на допросе в 1934 г.: «В 1907 г. я уже работал в качестве пропагандиста в эс-эровском кружке и проводил рабочие летучки. В 1908 г. я начинаю увлекаться анархизмом. Уезжая в этом году в Париж, я намеревался связаться там с анархо-синдикалистами. Но в Париже увлечение искусством и формирующееся литературное дарование отодвигают на задний план мои политические увлечения» (*Шенталинский В. А.* Улица Мандельштама // *Огонек.* 1991. № 1. С. 18). Сходные данные приведены в словаре: Писатели современной эпохи: (Био-библиогр. слов. рус. писателей XX в.) / Ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. Т. 1. С. 178.

⁸⁹ Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 79. Происшествие запомнилось и П. Н. Милюкову (Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 420).

⁹⁰ Лев Максимович (Наумович) Клейнборт (1875–1950) был, кстати, членом редакции журнала «Образование» и одним из его авторов. Последний революционный эпизод биографии Мандельштама относится, по предположению А. А. Морозова (Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 79) уже к осени 1907 года, после окончания училища: «Поздняя осень в Финляндии, глухая дача в Райволе. Все заколочено, калитки забиты, псы-волкодавы ворчат возле пустых дач. Осенние пальто и старенькие пледы. Жар керосиновой лампы на холодном балконе. Лисья мордочка молодого Т., живущего отраженной славой отца-цекиста. <...> По одному из дачной темени подходят в английских пальто и котелках. Смирно сидеть, наверх не ходить. Проходя через кухню, заметил большую стриженую голову Гершуни» (с. 248). Не исключено, однако, что он относится к зиме 1906/1907 года: Григорий Гершуни, находившийся на каторге с 1903 года, только 13 октября 1906 года сумел совершить побег из Акатуя. Он бежал в Китай, а затем через Америку вернулся в Россию, где не мог быть ранее конца ноября. Мандельштам пишет: «заметил стриженую голову Гершуни» — следовательно, опознал его по «стриженной» голове (голова каторжника брили) недавно побывавшего на каторге, а этой приметой осенью 1907 года Гершуни уже не мог иметь.

«Открывая собрание, А. Я. <Острогорский> напоминает присутствующим, что главный вопрос настоящего заседания — поведение и успехи XV сем<естра> — уже обсуждался на одном из прошлых собраний; вторичное возбуждение того же вопроса вызвано разговорами среди уч<еников>, ясно указывающими на возможность деморализации и в других семестрах, вызванной нашим безразличным отношением к поведению уч<еников> XV сем<естра>. Собранию надлежит сегодня решительно высказаться, можно ли терпеть такое возмутительное — небрежное и нерадивое — отношение к делу, какое замечается среди учеников этого семестра, и выработать те или иные меры и дать директивы для педагогических действий. Манкировка в этом семестре поразительна: так, за 2 месяца у Зарубина 18 пропущенных дней, у Мандельштама и К<аменского> по 14 (из всех один Аршаулов не пропустил ни одного дня). Приходят они, когда им это угодно, хоть ко 2–3 уроку, причем заходят в класс во время урока, не обращая внимания на преподавателя; уходят часто с последнего урока, опять-таки когда им заблагорассудится. <...>

С. И. Полнер⁹¹ говорит, что класс стал заниматься лучше, за исключением Синани, Мандельштама и Зарубина. То же самое подтверждает и В. В. Гиппиус, находящий и внешнее их поведение лучшим. Что-то заставило их работать, и, хотя с ними по-прежнему тяжело, все же работать можно, и В. В. затруднился бы применять к ним теперь какие-либо меры строгости, тем более что престиж их теперь свелся к нулю. <...> К. Н. Соколов⁹² говорит, что его уроки пропускаются не особенно сильно <...> даже такими <учениками>, как Синани, Мандельштам, Каменский; исключение опять-таки представляет Зарубин <...> По его мнению, рассядка Синани и Мандельштама произвела на них свое действие. <...> С. И. Полнер находит, что манкировка этого семестра никак не больше таковой же в XIII семестре, где имеются такие господа, как Пржезецкий <...>. А. Я. Острогорский: <...> „Как будут смотреть на школу другие семестры, если мы переведем⁹³ таких уч<еников>, как Синани, Мандельштам, Зарубин“. <...> Г. М. Григорьев⁹⁴ расходится во взглядах на улучшение занятий в XV семестре со своими товарищами, указывая, что на устроенной им репетиции Синани,

Мандельштам и Корсаков отвечали очень слабо. <...> В. В. Гиппиус предлагает оставить слабых в XV семестре, но так как такового нет, то они могут уйти из школы с тем, чтобы в мае держать выпускные экз<амены>. Против этой меры возражает С. И. Полнер, находя, что для таких уч<еников>, как Синани, Мандельштам и Зарубин, она явится громадной льготой. Г. К. Вебер⁹⁵ <...> считает необходимым найти какую-либо меру для борьбы с поведением уч<еников> XV семестра, которое можно охарактеризовать как наглое. <...> В. В. Гиппиус, вспоминая, что этот класс был некогда хорошим, говорит, что уч<еники> отвыкли от работы, что они запутались, что мы, т. е. школа, виноваты в том, что в прошлом пропустили момент, когда м<ожно> б<ыло> повлиять на них убеждением. Они сбились, в чем виновато еще, м. б., и влияние некоторых отдельных преподавателей. И нек<оторых> родителей, добавляет Н. Пл. Вукотич.⁹⁶ Н. И. Березин⁹⁷ соглашается с тем, что убедить этих юношей нельзя, т. к. момент уже утерян, требует самыми строгими мерами добиться хотя бы внешнего уважения к школе; от последнего совершенно отказывается Г. К. Вебер, предоставляющий бросить первый камень тому, у кого совесть по отношению к этим ученикам чиста, т. к. было что-то такое с нашей стороны, благодаря чему мы потеряли на них влияние».⁹⁸

Но все обошлось благополучно, и в апреле–мае 1907 года Мандельштам и Синани сдали выпускные экзамены по коммерческой географии, товароведению, гражданскому праву, законоведению, политической экономии, счетоводству, коммерческим вычислениям, физике, немецкому языку, русскому языку, истории торговли и 15 мая получили аттестат.

14 сентября Мандельштам пришел в училище на вечеринку старших классов. Корреспондент отметил: «Потом Мандельштам вызвал гром аплодисментов своим стихотворением „Колесница“, действительно по художественности своей далеко превосходящим большинство произведений школьной беллетристики, да и многое, пожалуй, в современной беллетристике вообще. Впрочем, несколько неясная дикция автора отчасти испортила впечатление от его стихов».⁹⁹ На следующей вечеринке, 16 октября (в день отъезда Мандельштама в Париж) Анатолий Надежин, в прошлом году

⁹¹ Преподаватель математики.

⁹² Преподаватель гражданского и торгового права.

⁹³ Речь идет о переводе учеников из XV в XVI семестр. Семестровая система была введена для того, чтобы оставляемые ученики пропускали не один год занятий, а только полгода. С организационной стороны одним из следствий данного нововведения должен был стать, кроме летнего, зимний выпуск. Действительно, второй выпуск, с датой выдачи аттестатов 15–27 января, был в Тенишевском училище в последующие годы (1910–1916).

⁹⁴ Преподаватель физики.

⁹⁵ Преподаватель истории.

⁹⁶ Преподаватель приготовительного класса.

⁹⁷ Преподаватель географии.

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 16–19.

⁹⁹ Тенишевец. 1907. Год II. № 1. 15 окт. С. 32. Стихотворение, которое Мандельштам читал на этом вечере, не обнаружено.

редактировавший «Пробужденную мысль», «прочел стихи Каменского и Мандельштама, вызвавшие сильные аплодисменты».¹⁰⁰

В. М. Жирмунский вспоминал, что «потом, когда я был в VIII классе, а он уже кончил Тен<ишевское> Учил<ище>, я слышал, что наш директор Александр Яковлевич Острогорский, человек очень культурный и широких взглядов, собирался напечатать его стихи в редактируемом им журнале „Образование“ (легально-марксистском по своему направлению¹⁰¹). Появилось ли там что-нибудь осенью 1907 — весной или летом 1908 г., я не знаю; в сентябре 1908 г. Острогорский скончался».¹⁰²

16 октября 1907 года Мандельштам выехал в Париж, ибо, как вспоминал его брат Евгений,¹⁰³ «встревоженная его дружбой и знакомством с революционной молодежью, напуганная арестами, мать решила отправить брата в Париж, где у нее были друзья».

Приложение 1

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВ. ДНЕВНИК

13-е октября <1905 года>. Был в училище. С самого утра носились подозрительные слухи: говорили, что в Андреевский рынок пришли рабочие, прогнали мелких торговцев и стали закрывать магазины, причем вытаскивали из лавок не соглашавшихся их слушать сидельцев. Другие же утверждали, что рынок разграблен. Еще более усилил поднявшееся волнение уход троих учеников, за которыми прислали из дому, а также слух о готовящейся сходке старших учеников в актовом зале; она была назначена после третьей перемены, и я с Чугуновым условились идти туда. На уроке геометрии занимались переписыванием «Марсельезы», которую Чугунов раздавал потом на перемене ученикам IV-а класса (сами мы были в параллельном IV-б классе). На втором уроке нас неожиданно распустили, причем сам директор приказал не собираться на улицах в толпы, а скорее идти домой. Так как в это время на плацу была сходка, то я с Чугуновым поспешно оделись и, обойдя с улицы, направились туда через ворота. Но мы опоздали: сходка уже кончилась. Тогда мы отправились домой. Подойдя к 8-й линии, мы увидели стоявших на углу старшеклассников, оживленно разговаривавших, и присоединились к ним; вскоре к нам стали присоединяться другие реалисты, и так набралась толпа человек в сорок–пятьдесят. Тогда один из старших, некто Цветков (Семен), взобрался на тумбу и сказал речь, в которой объявлял

Из книги: Революционное юношество. 1905–1917 гг. Петербург. Л., 1924. Сб. 1. С. 14–31. Печатается в извлечениях. Пунктуация приведена к современным нормам. При подготовке опущены ссылки на приложенные в оригинале документы и подстрочные примечания автора. В действительности «Дневник» Н. Яковлева, как видно по тексту, является воспоминаниями, написанными на основе дневника. Яковлев был учеником Первого реального училища (Васильевский остров, 12 линия, 5/34).

¹⁰⁰ Тенишевец. 1907. Год II. № 2. 15 ноября. С. 61.

¹⁰¹ В «Образовании» при Острогорском в 1905–1908 гг. печатались А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, В. И. Ленин. Как уже говорилось выше, членом редакции «Образования» был меньшевик Л. М. Клейнборт, упомянутый в главе «Семья Синани»: «Я <как> сейчас помню, как Борис, еще будучи мальчиком, на одной сходке забил и вогнал в пот старого опытного меньшевика Клейнборта, сотрудника толстых журналов. Клейнборт только отдувался и вопросительно оглядывался: умственное изящество спорщика, видимо, казалось ему неожиданным и новым орудием спора» (с. 245). Журнал помещал стихи Блока (как сказано об Острогорском в главе «Тенишевское училище»: «Он любил Блока (а в какую рань!) и печатал его в своем „Образовании“»), Брюсова, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, С. Парнок.

¹⁰² Письмо Г. Г. Суперфину от 15 дек. 1969 г. (архив Г. Г. Суперфина). А. Я. Острогорский скончался 1 октября 1908 г. от туберкулеза.

¹⁰³ Мандельштам Е. Э. Воспоминания. С. 135.

политическую забастовку до тех пор, пока не кончится забастовка рабочих, приглашал всех на митинги в 8½ ч. вечера этого дня в Горном (институте) и в 2 часа (на другой день) в университете, и в заключение приглашал идти в Ларинскую гимназию для прекращения в ней занятий. Почти все согласились, и мы с пением «Марсельезы» отправились в Ларинскую гимназию (по 6-й линии между Большим и Средним проспектами). Здесь двери оказались закрытыми, но прибежавший на энергичный стук швейцар открыл их, и мы победоносно отправились к директору, который порядком струсил и вскоре сдался. Цветков произнес речь, и затем мы вместе с «ларинскими» гимназистами отправились в VIII гимназию (по 9-й линии между Большим проспектом и набережной), а затем двинулись в соседнюю Василеостровскую женскую гимназию. После долгих пререканий с директором и инспектором учениц, наконец, отпустили; мы построились шпалерами и очистили проход по лестнице. Более храбрые старшие ученицы пошли первыми, а затем и мы, убедившись в исполнении предъявленных требований. Вскоре к нам присоединились ученицы из Покровской женской гимназии (пришедшие, несмотря на отдаленность гимназии, — с конца Большого проспекта), и мы все вместе двинулись к гимназии Кебке, сопровождаемые порядочным количеством рабочих и множеством мальчишек. По дороге зашли в Песковскую женскую гимназию (угол Среднего проспекта и 6-й линии), но здесь успеха не имели, несмотря на все красноречие наших главарей. Сами ученицы отказались присоединиться к нам, а одна даже произнесла краткую речь, обозвав нас новорожденными младенцами в делах политики и предложив нам оставить их заниматься, а самим убираться вон. В гимназии Кебке (в Тучковом переулке между Средним и Волховским переулком) швейцар не хотел нас пускать, тогда мы решили послать трех выборных: от реального училища и от Ларинской и VIII гимназий. Кроме них пошла еще какая-то отчаянная (в смысле растрепанности роскошных белокурых волос) «покровская» гимназистка да я с Кривоноговым успели проскочить; остальных не пустили. После долгих пререканий начальство уступило и распустило учениц. Тут же мы узнали, что гимназии Филологическая, Шаффе, Видемана и Мая поспешили распустить учеников (все эти гимназии на Васильевском Острове.) Тогда мы начали баллотировать вопрос, куда идти: в V гимназию (в Коломенской части), в Морской корпус (на набережной Васильевского Острова) или на Петербургскую сторону, причем решили в пользу последней. Здесь закрыли мы женскую торговую школу (угол Б. Спасской улицы и Большого проспекта) и отправились к Введенской гимназии (по Большому проспекту угол Шамшевой улицы). Подходим — швейцар перед самым носом захлопывает дверь; только что собрались хорошенько на нее приналечь, чтобы высадить (как сделали мы в Василеостровской гимназии), как вдруг раздались крики:

«Казачи! Казачи!» Только что успели выбежать обратно на панель (гимназия стоит немного отступя от улицы с небольшим садиком перед зданием), как к гимназии в самом деле подскакали, размахивая нагайками, казаки (больше 50) и конные городовые. Конечно, уже тут ничего не поделаешь; погнали нас, рабов божиих, вперед по Большому проспекту до Каменноостровского, откуда я и отправился домой. На митинге в Горном не был — не пустили. Вечером из училища принесли бумагу, в которой просили не ходить в училище впредь «до нового извещения».

На другой день, 14-го октября, группа наших реалистов с учащимися других средних учебных заведений, а также взрослыми, студентами и рабочими, пыталась проникнуть в училище, чтобы устроить в нашем громадном актовом зале митинг. Их не пускали, толпа все же ворвалась, но была удалена полицией, вызванной директором Н. Н. Пашковским (прозвище «Холуй»).

25-го октября собрался педагогический совет, на котором группой молодых радикальных учителей, членов Всероссийского учительского союза, было выражено директору «недоверие».

26-го октября ученики были собраны по повесткам, но занятий фактически почти не было. У старших классов шли сходки, требовали удаления администрации. Это раскачало и остальную инертную часть педагогов, а также и родителей, более прогрессивная часть которых снарядила свои депутации. Директор и инспектор (И. А. Массальский) были вынуждены уйти.

Управление училищем перешло к педагогическому совету, ближайшим образом в лице упомянутой выше группы, в состав которой входили: В. А. Егунов, В. К. Иванов, Г. А. Лучинский, Э. Э. Лямбек, О. К. Нейман, Р. А. Теттенборн, А. И. Янович, с примыкавшими к ним А. П. Глебовским, Г. Г. Гобаром и А. К. Преображенским (известным до того чуть ли не мордобоем с учениками, но теперь притиравшимся к революции). Директором был избран известный преподаватель физики, автор учебника и задачника, С. И. Ковалевский, инспектором — А. И. Янович. Педагогический совет находился в тесном контакте с учениками старших классов и, в частности, допустил их представителей на свои заседания. Три старших класса — V, VI и VII (дополнительный) образовали Совет старост путем посылки в него двух представителей от каждого отделения (все классы у нас были параллельные). <...> Из числа наиболее видных деятелей должно назвать Всеволода Никитина, бывшего постоянным председателем на сходках; братьев Павла и Константина Цурмилен, одного из которых я помню как хорошего оратора; вышеупомянутого Семена Цветкова (позднее судился по процессу с.-р. (максималистов), Николая Минина, Александра Соломонова, Артура Гасса, Андрея Зигеля, Никиту Навроцкого, вскоре затем нашего главного «химика» для «обструкций»; братьев Павла и Александра Ваничевых,

Адама Младеновича, братьев Цабелей, Всеволода Аничкова, Сергея Заводского (позднее он был членом с.-р. университетской группы), братьев Романовских, Вячеслава Лукашевича, Александра Ежкина, Николая Фомина-Томского и др.

Младшим классам Советом старост были даны руководители из числа своих членов, долженствовавшие разъяснять им смысл происходящих событий. Таким руководителем в нашем классе был Николай Минин, но я помню только одну его, и то довольно бледную, беседу. В результате ее выяснилась наша достаточная подготовленность, и IV класс был официально допущен на собрания «с совещательным голосом». Неофициально же и раньше многие из нас постоянно присутствовали на сходках.

Наша «автономия» существовала всего неделю с небольшим. Ее история в миниатюре воспроизводит общероссийское положение того кратковременного периода, «когда начальство ушло».¹ Но оно вернулось, даже слишком поспешно.

3-го декабря занятия в училище вновь были прерваны — на этот раз уже по распоряжению министра народного просвещения — и возобновились только 14 января 1906 года. За это время были удалены восемь человек из числа наиболее активных преподавателей; остались, во внимание к заслугам, только Ковалевский и Нейман. Директором назначен был Н. В. Волков, довольно талантливый историк литературы Петербургского университета и преподаватель словесности в VII гимназии, презревший, однако, науку ради лавров среднешкольного Держиморды. Он сумел как-то сразу сконцентрировать на себе всю ненависть учащихся, так что за ним остались сравнительно мало замеченными: и новый инспектор, И. Д. Яковлев, человек с хитрецей, но довольно благодушный, и одиннадцать новых преподавателей, державшихся, правда, очень осторожно, или же таких глупцов, что к ним даже младшие классы не могли относиться серьезно.

Места уволенных учителей были объявлены Всероссийским учительским союзом под бойкотом, и ученики с энтузиазмом подхватили это постановление. В знак протеста вскоре был произведен ряд грандиозных «обструкций».

Как сейчас вижу пред собою высокую фигуру старшего В., стремительно летящего по коридору, крестя налево и направо рукою, при чем из рукава у него, как снаряды из дула орудия, вылетают одна за другою маленькие стеклянные баночки с раствором, кажется, сероводорода. Рвет дверь встречного пустого класса (ученики в зале на «перемене»), бросает банку и неистово хлопает дверью, так что стекла сыплются. Когда я прибежал в свой класс и нагнулся к парте, со мной чуть не сделалось

худо: «снаряд» ударил мне в открытую парту, и я прямо сунулся в нее носом. Портфель мой с книгами потом на морозе не мог выветриться несколько месяцев. А давно ли этот легендарный в те дни герой, Павел В., был просто отчаянным мучителем маленьких ребятишек, пробуя над беззащитными свою действительно незаурядную силу!? А после в «Лентовке» (гимназия Лентовской, куда собрались исключенные из петербургских средних школ), ему был дан высокий пост... буфетчика в ученическом клубе!

Вот другой «обструкционист» — пансионер Адам Младенович. Встречаю его как-то бегущим по коридору со связкою книг, среди которых «Жизнь животных» Брэма и еще несколько, все в дорожных переплетах.

— Куда?!

— В Андреевский (рынок. — Н. Я.). Деньги нужны... Обструкция!!

Парень жертвовал, очевидно, лучшим из того, что имел. Смутно представляется мне в роли непосредственного участника обструкции Александр Соломонов, человек более идеологического склада: в то же время он был одним из видных работников Василеостровского района общегородской ученической социал-демократической организации (позже был, кажется, в университетской социал-демократической группе).

Во время обструкций, кроме разливания химических жидкостей, били прямо стекла в дверях и окнах, нашибая зараз рублей на семьсот. Портили, говорят, стены, мебель, но сам я этого не видал.

Младшие классы были всем этим совершенно терроризованы. Третьеклассники тянулись за нами; мы же, средние, посылно помогали старшим: подсовывали на переменах в ученические чернильницы карбит-кальций, от чего чернила пузырями лезли на парты, распространяя довольно едкий запах. Чугунов потихоньку от домашних клал на ночь в горячую печку бутылку с накрошенной в воде редькой и получавшуюся довольно вонючую «специю» разливал на другой день по углам в коридорах и классах училища.

Новая администрация и педагоги усиленно боролись с обструкциями: следили сами, а на сторожей возложили определенно сыскные обязанности; немедленно принимали меры к очищению и освежению здания. Раз на лестнице перед квартирой директора, где жил и наш законоучитель, священник Виктор Смирнов, последний, схватив пожарную кишку, стал собственноручно смывать разлитую жидкость, но набежавшие ученики обратили его в бегство, забросав калошами, захваченными из шинельной (раздевальной).

В итоге до половины учеников старших классов было исключено совсем или до экзаменов, или же взято самими родителями для перевода в другие школы. Это несколько разрядило атмосферу, и занятия со

¹ Автор использует название книги В. В. Розанова (СПб., 1910), в которой были отражены события 1905–1906 годов.

второй половины февраля в общем пошли. Состоялись и выпускные экзамены. Но училище с тех пор приобрело славу второй по «терроризму» из всех петербургских средних школ (после Введенской гимназии, откуда выходили прямо в тюрьму). И слава эта, правда, не без наших дальнейших усилий, держалась настолько долго, что даже весной 1911 года, когда во время последней большой общестуденческой забастовки при Коалиционном комитете формировалась Исполнительная комиссия, меня приглашали как своего рода «спеца», старого обструкциониста.

Параллельно со всем этим в училище нашем шли занятия «кружка самообразования». Организатором его явился Борис Чугунов, подражавший в данном случае своему старшему брату Леониду, у которого собирались его товарищи введенцы (Владимир Курбатов, Аскинази и др.). Надо сказать, что и другие члены нашего кружка в большинстве имели перед собою благие примеры старших: у Сергея Аничкова был старый эс-дек дядюшка, а брат — членом нашего Совета старост; у Сергея Алферова — двоюродный брат был в эсерах-боевиках, у Сергея Куликова старший брат тоже именовал себя эс-эром, у Николая Шундера и Николая Кривоногова родители были сочувствующими, Геннадий Малышев был сыном весьма известного тогда художника на революционные темы, брат же его был, кажется, повешен.

Первоначально, еще до возникновения кружка, Борис являл из себя ярого эс-эра и в таком духе сам один составлял и сам же печатал на гектографе журнал. Но в кружке уже начались дебаты о том, кем лучше быть: эс-эром или эс-деком? Причем «лучше» означало «радикальнее». Большинство тяготело к эс-эрству и анархизму, но роль большевиков в Московском вооруженном восстании уже заставляла задумываться. И публика принялась лить пули для своих охотничьих берданок для предстоящей — в чем никто не сомневался — стрельбы из окон, если не прямо с баррикад.

Эти дебаты да выработка устава отняли много времени. Устав явился результатом сводной работы над двумя проектами (одного — Аничкова и Чугунова, другого, кажется, Малышева), представленными кружку в гектографированном виде и подвергшимися обсуждению в ряде заседаний, причем я, главным образом, вносил различные редакционные поправки, в результате чего и был назначен секретарем с передачей мне материалов на окончательную редакцию. Так они у меня и остались. Хотя целью кружка объявлялось «самообразование во всех его видах» путем «совместного чтения... беллетристики параллельно с критикой, а также политических и научных произведений», но беллетристика с критикой были сразу же отброшены как пережиток старых писаревских времен. Обратились к научной литературе и здесь во второй раз столкнулись с вопросом о политической экономии. Первоначально о ней был особый специальный пункт в проекте Аничкова-Чугунова,

но он был исключен по настоянию анархо-эс-эровского большинства. Теперь им предложили выдвинуть свои теоретические пожелания, но таковых не оказалось. Таким образом, кончили все-таки политической экономией по Богданову («Краткий курс экономической науки»)²

Первые два раза читали, кажется, Чугунов и Аничков. Сошло сносно. Но следующее, мое, очередное чтение не удалось, благодаря провокационному поведению большинства. Тогда я просто завладел книгой для себя, благо Борис с Сергеем уже успели прочесть ее, а остальные вообще не проявляли намерений серьезно заниматься, пробавляясь больше мелкими политическими брошюрами в популярных тогда изданиях: «Молота», «Колокола», «Донской Речи», «Нового Мира» и др. Из них у нас составила значительная библиотечка, переданная затем в училище и там еще приумноженная при посредстве отчасти моем, отчасти одного нашего учителя, доктора П. Г. Мезерницкого, читавшего нам «экономическую географию» (жена его, Софья Ивановна Мезерницкая, была эсдечкой-меньшевичкой и работала в Выборгском партийном районе).

Вместо неудавшегося самообучения путем коллективного чтения, решили прибегнуть к руководительству. При этом, благодаря ли отсутствию надлежащих связей у наших анархо-эс-эров или благодаря вообще их теоретической беспомощности, кружок попал в сферу влияния ученической социал-демократической организации. От нее к нам были делегированы сначала Борис Книпович, бывший всего один-два раза и оставивший серьезное, но сухое впечатление, а затем Вегер (он же Герберт), ведший довольно живо занятия в течение полутора-двух месяцев. Читал он нам, конечно, политическую экономию. Некоторые из нас писали рефераты.

В том же первом полугодии 1906 года произошла самоликвидация «Северного союза» на двух больших собраниях в Военно-медицинской академии и Электротехническом институте. Было постановлено перейти к партийным организациям, что, собственно говоря, лишь оформляло и без того уже существовавшее деление. Наш кружок оказался в социал-демократической организации, причем, хотя собирався на Петербургской стороне (на квартирах «сочувствовавших» родителей Чугунова, Аничкова, Алферова и Шундера), но был отнесен по месту нахождения нашего реального училища к Василеостровскому району. Собрания района происходили у вышеупомянутого нашего реалиста, Александра Соломонова. В него входили представители от Ларинской и VIII гимназий и женских — Покровской, Василеостровской и Шаффе. <...>

² Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. М., 1897 (первое издание).

Возвращаюсь к нашему училищу.

В 1906–07 учебном году борьба за автономию против нового начальства, продолжавшего считаться у нас под бойкотом, перешла к нашему классу. Самые старшие, VI и VII классы, были совершенно обессилены многочисленными исключениями и уходами. Более того, оставшаяся часть учеников в них была определенно реакционно настроена («желаем заниматься!») и с нескрываемой враждебностью встречала не только какие-либо выступления, но и всякое вообще проявление общественных интересов. Между тем наши кадры, прошедшие подготовительную школу предшествующего года и вполне сохранившиеся, были еще пополнены переводами из других учебных заведений.

Первый, сентябрь, месяц учебного года прошел выжидательно, хотя наступательная политика администрации сразу же определилась: требовали строгого соблюдения формы в одежде, т. е. ношения курток и ремней взамен вошедших тогда в моду черных сатиновых рубашек-косовороток с подпояской шнурком; дежурных сделали ответственными за поведение класса, т. е. прежде всего за пение, хотя бы даже и не революционных песен, каковое у нас при обилии вокальных талантов по-прежнему процветало. Правда, эти таланты скоро стали настолько известны, что начальство, уже издали слышав пение, безошибочно писало в книжечку определенные фамилии. Хуже для него обстояло дело с рисунками, которыми наши художники обычно украшали классные доски. Так, помянутому выше законоучителю, священнику Виктору, ученик Исаев нарисовал такого Сатанаила, что батя чуть не осенил себя крестным знаменем. Но виновный, как ни доискивались, выдан не был.

В начале октября был удален преподаватель немецкого языка О. К. Нейман, «замешанный» в прошлом году, но, очевидно, временно оставленный впредь до «успокоения». Теперь с ним свели счеты. Ответом явилась небольшая прокламация группы учеников (написанная, кажется, Л. Пушкиным), помеченная 11-м октября и призывавшая к протесту. Затем произошла обструкция, но довольно незначительная, так что после свежей памяти январских–февральских обструкций особого впечатления не произвела. Начальство, может быть, приняло это за доказательство слабости и продолжало натягивать вожжи. Между прочим, стали строго преследовать за опаздывания на уроки, хотя многие у нас жили за городом, например, в Лигове, на Удельной и т. д. Тогда решено было всем классом (нашим V-б отделением) поддержать товарищей.

Трусливым одиночкам класс разрешил в тот день совсем не приходить, остальные же коллективно опоздали на четверть часа. Дело было строго организовано: на всех мостах — Николаевском, Дворцовом, Биржевом, Тучковом и в различных местах Васильевского Острова были расставлены пикеты; собравшиеся на них затем одновременно сошлись

на углу Большого проспекта и 12-й линии, и все, построившись в пары по росту — самые высокие впереди, ниже — позади, — торжественно продефилировали, гремя тридцатью парами сапог, через парадный вход, шинельную, все лестницы, до нашего верхнего третьего этажа и весь коридор до самого конца, где находился наш класс, мимо удивленных швейцаров, сторожей, помощников классных наставников и повскакавших с мест учеников других классов. Прибежавшему директору спокойно объяснили, что мы хотели только обратить его внимание на положение некоторых из наших товарищей. Директор потряс бородой (откуда и кличка — «Козел») и вышел. В результате для некоторых было действительно сделано исключение и в нашем, и в других классах. Зато при выдаче второй четверти (т. е. ведомости отметок) на рождестве всему классу оказалась сбавленной отметка за поведение.

Во втором полугодии оба отделения нашего V класса выступили с коллективным письмом директору Волкову. Содержания его я не могу воспроизвести, так как мы, эс-деки, участия в его составлении не принимали, считая всю эту затею оппортунистической. И оказались правы — никакого ответа не последовало. Тогда приступили к решительным действиям.

В появившейся вскоре прокламации, призывавшей к новому протесту, говорилось об «единстве», зывалось к «товарищескому духу» учащихся. Но коллективному выступлению предшествовал индивидуальный акт Владимира Маркова, подложившего нечто вроде адской машины или наливной бомбы в шкафчик с пожарным рукавом на верхней площадке черной лестницы около уборной, как раз за стеною нашего класса. Дело было в первый или второй урок, пришедшийся — случайно или нет, не помню, — все на того же нашего священника Виктора. Для немногих посвященных останутся, пожалуй, незабываемыми те пять минут ожидания, когда Марков, отпросившийся выйти, вернулся в класс. Здоровенный детина, с солидными усиками, имевший тогда, как шутили, уже жену с ребенком, вернулся несколько бледный и с трясущимися руками. И вдруг за стеною ахнуло! Священник, подобрав полы, чуть не бегом устремился из класса. Мы выбежали за ним. Прервались занятия и в других классах. Директор явиться не рискнул. На площадке во время взрыва случился служитель, которому вылетевшей из шкафчика дверцею ударило в спину и затем снесло с третьего во второй этаж. Но особых разрушений не было (бомбочка была слабая), побиты были только стекла в окнах и дверях. Маркова исключили из училища, хотя прямых доказательств против него не было.

Вскоре затем произошла и химическая обструкция. Перед нею пришлось пережить тоже несколько томительных минут, когда во время урока сзади вдруг выпала и с шумом разбилась о пол электрическая лампочка. Передним показалось, что это выпала одна из баночек из стола

наших анархистов на «Камчатке» (задние ряды парт), где хранился главный запас. Испугались, что обструкция будет сорвана!.. Затем на перемене многочисленная рать исполнителей по строгому плану и так ловко разбросали баночки, что никто не был пойман, а занятия пришлось прекратить. Участвовали все партии — эс-эры: Александр Исаев, Михаил Малышев, Андрей Петелин, Петр Пойтелинг, Алексей Сомов, анархисты: Николай Черняев и Роберт Розенстрем, эсэро-поляк Виктор Рукевич и наши, с.-д. — Борис Чугунов, Александр Яргин и я. Исключенным из училища в связи с этим делом оказался только один Исаев, которого определенно подозревали, но только спустя две-три недели нашли возможность придрататься, поймав с папиросой. Но всему классу опять сбавили за поведение и в конце года лишили наград. Я потерял при этом свою первую и единственную «первую степень», пришедшуюся, несмотря на все события, как раз в этот год. Но характерно, что даже из моих товарищей по первоученичеству, людей вполне «добропорядочных», никто не пожалел о потерянных наградах: до того силен был даже и в них зловредный «дух товарищества».

Новый, 1907–08, учебный год не принес поначалу особых изменений. По-прежнему подлежал бойкоту директор Волков, оказавшийся интересным преподавателем словесности, но оттого еще более ненавистный, как ренегат от науки, продавший реакцию. Силы у нас остались почти те же, потому что на место исключенных из нашего отделения в других классах выдвинулись временно отошедший Леонид Пушкив, которого мы догнали в VI классе, и переведенный откуда-то в VII класс Иван Помухин. С их помощью можно было организовать уже Совет старост из представителей трех отделений (отсутствовал VII-б класс), доведя число делегатов от каждого класса с прежних двух до четырех.

Выборы были произведены по классам по спискам, которые прошли, кажется, без возражений. Таким образом, были избраны: от VII-а класса — Иван Помухин, Александр Ассман, Александр Козлов и Михаил Чистяков; от VI-а класса — Леонид Пушкив, Сергей Горбунов, Иван Красиров и Александр Качевский; от нашего, VI-б класса — Михаил Лушин, Виктор Рукевич, Борис Чугунов и я. Дальнейшее конструирование было поручено уже нам самим. Организационное собрание для работы устава происходило на квартире у нашего старого товарища Сергея Аничкова, перешедшего еще в 1905 году в гимназию Столцова, но не утратившего с нами связи. Кому принадлежал проект устава — не помню. Я секретарствовал и вносил поправки, и материал остался у меня на окончательную редакцию.

Как видно из устава, цели Совета старост были, в сущности, оборонительно-боевые: «обновление и преобразование» школы сводились прежде всего к «защите интересов» и «борьбе со злом» в виде «неудобного подбора лиц, стоящих во главе» администрации, т. е. все того же

Волкова, продолжавшего пользоваться доверием Министерства народного просвещения, несмотря на почти двухлетние беспорядки и волнения в училище. Это было выражением общей потребности освободиться во что бы то ни стало от человека, ставшего в наших глазах каким-то символом всей торжествующей реакции. Но довести борьбу до конца могла только небольшая группа активистов, которую — в виде пятерки Исполнительного комитета — и прикрывал в сущности пленум Совета.

Но тут на помощь Волкову пришла настигшая нас, наконец, волна реакции. До тех пор в нашем училище — да можно бы и вообще сказать, во всей нашей петербургской средней школе — настроение было вполне твердое в смысле уверенности в близком торжестве революции. От 2-й Государственной Думы ждали, что она объявит о созыве Учредительного собрания. После разгона Думы 3-го июня ждали всенародного вооруженного восстания. И только когда к концу года окончательно выяснилось, что на ближайшую поддержку народа нет надежды, таившееся до тех пор подспудно упадочническое интеллигентское настроение вышло наружу. В школе началась эпидемия самоубийств и знаменитое «огарчество» (половое хулиганство).

Хотя самыми крайними «разочаровавшимися» были, в сущности, люди, наименее зачарованные революцией, т. е. наименее сознательно ее пережившие, но все же революционная молодежь понесла в ту пору большой урон. Так, и в нашей среде произошло два самоубийства. Как-то совершенно бессмысленно покончил с собой младший из братьев Ваничевых, способный (он перегнал классом старшего), здоровый, красивый юноша. Сидя в веселой компании, он заспорил с кем-то из товарищей, что смерть не страшна, и в доказательство тут же выстрелил себе из револьвера прямо в сердце. Об этом было много разговоров в училище, на меня же, помню, это тогда произвело впечатление какого-то чистого саморазрушения большой силы, не находившей себе здорового выхода. Еще более трагический случай на почве уже настоящего отчаяния от крушения революции имел место в самой нашей социал-демократической организации: внешне столь спокойный боевик Олоф поехал на Лахту, сел на взморье на край проруби, спустив ноги в воду, и разрядил себе в рот разом оба ствола охотничьего ружья.

Об «огарках» я знаю только понаслышке. Помню лишь, что на мое предложение вступить в наш училищный с.-д. кружок некий К. ответил контрпредложением вступить в кружок «уранистов» и, видя мое недоумение, снисходительно пояснил, что речь идет о педерастии. Настоящих же «огарческих», т. е. соединенных с женщинами, я ни одного кружка не знаю. Зато обыденный разврат расцветал. Одного из членов нашего бывшего «кружка самообразования», купеческого происхождения, старший братец, некогда «октябрьский» эс-эр 1905 года (на манер «мартовских» в революцию 1917 года), а теперь просто торговавший

в лавочке, — свел к проституткам. Двое великовозрастных, оставших в тот год от нашего класса, один — сын купца, другой — помощника пристава, стали регулярно ездить к одной одиночной проститутке, прихватывая с собою третьего компаньона, совсем мальчишку, но богатого маменькиного сынка, оплачивавшего расходы. Помню — правда, много позднее — один характерный разговор в среде самих наших лидеров. Я решительно высказывался против проституции по мотивам идеологического порядка и настаивал на единобрачии в смысле соблюдения чистоты до выбора одной определенной женщины.

— А, черта ли в твоей невинности! Шубы из нее не сошьешь! — отвечал мне один из товарищей при молчаливой поддержке остальных.

Правда, как весьма «интересный» юноша, он тогда уже, кажется, пользовался благосклонностью замужних дам из категории узаконенных проституток. Но остальные?!..

Развитию флирта способствовало само начальство устройством балов в нашем огромном актовом зале. На них продавала билеты и программы «сама» балерина Карсавина, за которой посылались на автомобиле наши самые изящные кавалеры.

— На трупах павших товарищей будете танцевать! — вопияли, бывало, узнав об очередной вечеринке, наши анархо-эсэры, воздымая кулаки и взмахивая шевелюрой (последнее — из уцелевших «завоеваний» революции).

Но затем и сами, по окончании уроков, сдвинув набекрень фуражку-блин и выпустив из-под нее с правой стороны кок (волосы), что делало их похожими на юнкеров, — отправлялись к подъездам Покровских, Василеостровских, Петровских и иных женских гимназий, находившихся хотя бы в диаметрально-противоположном направлении от их местожительства.

Не подверженные соблазнам Венеры отдавали дань Бахусу. «Папаша» К. со своим столь же солидным по возрасту соседом по парте обсуждали обычно сравнительные достоинства рябиновок, спотыкачей и т. п. и, помню, были однажды очень приятно удивлены, когда я, твердокаменный, обмолвился каким-то случайным замечанием о вишневке. Один из старост-пансионеров (не нашего отделения) умудрялся даже во время урока с архи-солидным видом подходить к своему шкафику за классной доской и, крикнув, прикладываться к бутылочке. Но больше всего процветало, конечно, пиво. У пансионеров завелась даже собственная пивная с задней комнатой, где-то на 16-й линии Васильевского Острова. Значительно позднее, правда, одна, весьма радикальная некогда, компания совершала своеобразные экскурсии — обходы пивных из конца в конец Большого проспекта Петербургской стороны, причем далеко не все из путешественников достигали цели благополучно.

Некоторые, наконец, всецело предалися спорту. Так, Марков, вскоре после исключения из училища, стал известным футбольным «беком» и ездил даже за границу в петербургской сборной футбольной команде (впрочем, он и ранее был чемпионом-велосипедистом). Из наших эсдеков вышел очень хороший «бек» Хухрин. Впрочем, на спорт мы все смотрели положительно, и я сам играл (хоть и скверно) на осенних футбольных состязаниях ОСФРУМ (Об-ва содействия физическому развитию учащейся молодежи). Позднее, познакомившись и работая вместе с одним студентом-технологом, Евгением Петерсом, по первомайским делам, я все никак не мог отделаться от впечатления, что где-то раньше видел его. И он все присматривался ко мне. И только еще позднее, будучи высланными из Петербурга и живя неподалеку друг от друга, мы выяснили, что и он в тот год играл против меня в футбольной команде Тенишевского училища. Наша футбольная команда даже славилась своею дисциплиною, сыгранностью, дружной «пасовкой», благодаря которым в ней не уживались некоторые очень талантливые игроки-индивидуалисты, привыкшие сами водить мяч в одиночку. Значит, и здесь в своем роде сказывался все тот же «дух товарищества». Процвели и различные виды гимнастики, французской борьбы и т. д. <...>

это не вызвало: все мирно разошлись, и пансионеры вечером спокойно занимались.

Вечером собрался Педагогический Совет (тщетно я ранее два часа звонил в телефон, чтобы получить указаний Вашего превосходительства), было решено, из опасения столкновения в гимназии желающих учиться с лентяями и забастовщиками, а также химической обструкции,² — в субботу уроков не давать, вывесить об этом объявление на дверях и открыть двери, дабы все желающие ученики могли свободно входить в гимназию, где с половины 9-го собрался педагогический персонал; 2) созвать на воскресенье родительское собрание учеников трех старших классов.

Часть учеников (человек 50) собрались сначала перед гимназией без всякой манифестации и шума — здесь были, главным образом, пришедшие в классы, а также и некоторые пансионеры. Затем, уходя из гимназии, ученики стали группироваться около двух женских гимназий, соблюдая при этом тишину и приличие; здесь были, по-видимому, некоторые пришедшие прямо из дому и не подходившие раньше к нашей гимназии. Полицмейстер уговаривал учеников разойтись, что и было ими сделано, но лишь после того, как отдельные ученики из группы пробрались в женские гимназии, где по просьбе³ их занятия были прекращены.

Об изложенном имею честь донести Вашему превосходительству.
Директор И. Анненский.⁴

Приложение 2

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА И. Ф. АННЕНСКОГО
ПОПЕЧИТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

15 октября 1905 г.
Его превосходительству
Господину Попечителю С.-Петербургского
Учебного округа.

До четвертого урока в пятницу, 14 октября, всё в гимназии было вполне благополучно, хотя приподнятое настроение учеников было и раньше. По получении газет (запоздавших в этот день) дело изменилось: ученики двух седьмых классов обратились, одни на уроке, другие в перемену, к преподавателям вежливо с просьбой походатайствовать за них перед директором, чтобы он освободил их от занятий ввиду того, что положение дел так их волнует, что всё равно работать они не могут.¹ Хотя на просьбу я отвечал отказом, но никакого волнения

Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) — поэт; педагог. В 1895–1905 годах был на должности директора Императорской Николаевской гимназии. О нем см. справку в изд.: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 84–88. Попечителем С.-Петербургского учебного округа (и товарищем министра народного просвещения) в это время был Петр Петрович Извольский (1863–1928).

¹ В упомянутых И. Ф. Анненским «запоздавших газетах» сообщалось о состоявшихся 13 октября сходках в университете, в том числе воспитанников средних учебных заведений, по вопросу о присоединении к всеобщей забастовке. Сообщалось также, что в этот день были закрыты все казенные гимназии (Петербург. газ. 1905. 14 окт. С. 4).

---

² «Химическая обструкция» — акция с целью прекращения занятий в школьном помещении. Для этого учениками применялись химические вещества (чаще всего карбид кальция и сероводород), дающие при реакции выделение зловонного газа (см. в «Дневнике» Н. Яковлева (Приложение 1)).

³ Это слово Извольским было подчеркнуто и означено знаками вопроса и восклицательным на левом поле.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 10236. Машинопись, подпись — автограф. На бланке Императорской Николаевской гимназии в г. Царское Село. По тексту судя, «донесение» было затребовано Попечителем учебного округа в связи с сигналами о причастности учеников к приостановке занятий в царско-сельских женских гимназиях. В своей докладной записке Анненский, вероятно, обрисовал ситуацию в смягченных тонах: ученики Царскосельской Николаевской гимназии в феврале 1905 г. подписали «Заявление учащихся петербургских средних учебных заведений о борьбе с полицейским режимом в школе», причем количество подписей от гимназии — 111 — было значительно большим, чем от каждого другого среднего учебного заведения (Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX — начало XX века: сборник документов. СПб., 2000. С. 302–303, со ссылкой на публикацию в газ. «Право» 10 апр. 1905 г., № 14).

БОРИС СИНАНИ
АНАРХИСТ

Приложение 3

...Да, я видел его собственными глазами, собственными ушами слышал, как он говорит. Я ехал на конке, он сидел рядом. По виду никак невозможно было догадаться о его партийных убеждениях. На вид ему было лет 13; толстые губы обиженного «дитяти», наивные, отнюдь не «воинственные» глаза, маленький рост, — все обличало в нем ребенка... Но я ошибся...

Оказалось, что мы находимся в одном и том же училище, только я его никогда раньше не видал. Он, очевидно, знал меня лучше, потому что вдруг спросил:

— Кажется, эс-эры в Петербурге собираются бойкотировать Думу и в этом году? (Этот разговор происходил в начале декабря, и вопрос об участии партии в выборах не был выяснен¹). Я ответил, что ничего подобного не слышал.

Пробужденная мысль. СПб., 1907. Вып. I. С. 5–7. Подписано псевдонимом: Бъсь.

¹ Левые партии (социал-демократы, эсеры, анархисты) выборы в I Государственную Думу бойкотировали. Дебаты о бойкоте происходили, можно сказать, на глазах у тенишевцев: так, В. И. Ленин «в феврале 1906 года... выступил на собрании о тактике активного бойкота Государственной Думы» в одной из аудиторий училища, о чем гласит мемориальная доска на фасаде здания (в том же месяце А. Я. Острогорский поместил в «Образовании» главы из работы Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса“»). Выборы во II Государственную Думу состоялись в начале 1907 года. У Синани неточность: резолюция о выборах во II Государственную думу была принята на II Совете партии социалистов-революционеров в 20-х числах октября 1906 г. (Партийные известия. 1906. № 2, 25 ноября).

— Я знаю, что среди петербургских работников идет сильное течение против выборов.

Слыша его авторитетный тон, я счел за лучшее произнести многозначительное «гм». Он продолжал дальше.

— Вообще эс-эров теперь сильно подрывает максимализм;² это течение оттягивает от партии много сил, хотя в сущности в максимализме мало истинного. Я лично (!) вижу в максималистах нечто среднее между социалистами и анархистами, по тактике они стоят ближе к анархистам, но в то же время у них сохранилась программа-минимум, хотя они и называются максималистами.

— Кроме того их учение очень неясно и противоречиво; так, например, Та-гин³ говорит...

Он очень долго доказывал, что Та-гин говорит не то, что нужно, и что, вообще «одни максималисты говорят одно, а другие другое». Кончил он тем, что признал учение максимализма «слабым и нежизненным».

Когда он кончил, я спросил:

— Что же вы, эс-эр?

— Нет, я левее.

— Максималист?

— Нет, тоже левее.

— Вы, может быть, анархист? — робко спросил я. Он и «не поморщился». Самодовольно улыбнулся и спокойно произнес:

— Да, я склоняюсь к анархистам-коммунистам.⁴ Прежде всего потому, что социализм меня не удовлетворяет; он, в сущности, стесняет человеческую личность, как и наш существующий строй, он такой же строй — насилья. Например, я должен трудиться определенное количество часов, я стеснен, я не могу делать того, что хочу. Коммунизм

² Максималисты — группа, возникшая в рядах партии эсеров; организационно оформилась в октябре 1906 года в Союз социалистов-революционеров максималистов. С мая 1906 г. имела собственную боевую организацию, вскоре заявившую о себе громкими терактами (в т. ч. покушением на П. А. Столыпина) и экспроприациями. Идеологами и теоретиками этого направления были А. Троицкий, М. Энгельгардт, С. Светлов и др.

³ Криптоном; раскрыть его нам не удалось.

⁴ Анархисты-коммунисты. — Одно из основных течений в анархизме (последний в период первой революции был чрезвычайно распространенным, насчитывал до 7000 групп по всей России). По воззрениям были близки к эсерам-максималистам. Широко прибегали к экспроприациям и террору. Один из печатных органов анархистов-коммунистов — «Хлеб и воля» (редакторы — П. А. Кропоткин и М. И. Гольдсмит, Лондон, 30 октября 1906 — 5 июля 1907 гг.). В октябре 1906 г. провели свой съезд в Лондоне. Мандельштам также испытал «увлечение» анархизмом — см. наст. изд., с. 41 (примеч. 88).

устраняет это зло. Кроме того, социалисты — государственники, их социализм невозможен без государства, а между тем, как правильно заметил Кропоткин: «Нет в современном обществе института более вредного, чем государство». То же самое нужно сказать и относительно «права». Социалисты не хотят уничтожать законы, в социализме тоже будут они, может более хорошие, но все же законы, и, как таковые, они будут связывать человеческую личность.

— Значит, вы вообще отрицаете *всякое* право?

— Конечно, всякое право имеет за своей спиной насилие...

— Ну да, конечно, — поспешил согласиться я. — Как анархист-коммунист, вы считаете ненужным участвовать в выборах?

— О, конечно, — с живостью воскликнул он. — Парламентаризм, он не ведет ни к чему хорошему, он приучает народ верить в те грошовые подачки, которые бросает ему буржуазия, как в серьезные завоевания. Парламентаризм отдаляет социальную революцию, он прямо вреден.

— Значит, вы считаете ненужным выбирать и в России, в нашу Думу?

— Да, у нас также вера в то, что «Дума даст», только развращает народ. Думу нужно бойкотировать.

— Но одно дело Западная Европа, другое дело Россия, мы живем в эпоху революции... Кстати, как вы относитесь к нашей Революции?

— Никак.

— Никак?

— Ну да, я не могу наше движение назвать революцией. Революцию я могу признать только одну, социальную, которая произведет окончательный переворот, разрушит право, государство и собственность. Наше же движение, оно может добиться только частичных реформ, а эти частичные завоевания только вредят. Я считаю неоспоримой формулу: «чем хуже, тем лучше». Ну, а отсюда легко прийти к другой, определяющей тактику анархизма: «или всё, или ничего».

— Но вот вы сказали, что наше движение это не Революция, как же вы его находите? Что же оно такое?

— Это бунт.

— Как? — переспросил я.

— Бунт, не революция, а простой бунт, возмущение.

— Но как вы находите такое движение, полезным?

— Отчасти да. Как всякое возмущение, оно поднимает настроение народа, развивает в нем революционный дух, этим оно приближает социальную революцию. Что же касается той программы, которую выдвигает революция, — 8-час <овой> раб <очий> день и т. д., то эти требования, если они будут удовлетворены, принесут только вред.

К несчастью, мне нужно было слезать. Я попрощался с ним. Вдруг слышу, он кричит мне вдогонку:

— А вы против разделения труда?

— Т. е. как?

— Я хотел спросить, как вы относитесь к разделению труда. Я против всякого разделения труда...

Я спрыгнул с конки...

Смею уверить читателя, что все только что мною рассказанное не вымысел и даже не карриатура, не насмешка...

Как это ни печально, но многих этих скороспелых «анархистов» и «максималистов» революция, творя великие перевороты, рождая великанов, так часто создает и этих с детства исковерканных людей...

Владимир Гиппиус.
Фотография 1910-х гг.

Приложение 4

Вл. Гиппиус

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВОСПИТАНИИ
(Речь, произнесенная на годовичном акте Тенишевского училища)

I

Среди вопросов, волнующих в настоящее время тех, кто не равнодушен к воспитанию, по крайней мере своих детей, вопрос о чтении учащегося юношества представляет собой отнюдь не узкий вопрос

Печатается по тексту: Рус. школа. 1907. № 11. С. 19–34, с переводом на современный орфографический и пунктуационный режим и с исправлением опечаток. Доклад был прочитан на акте училища 8 сентября 1907 года. Вначале директор А. Я. Острогорский приветствовал выпускников; с ответным словом от имени выпуска 1907 года выступил Сергей Слободзинский (Тенишевец. 1907, год II. № 1, 15 окт. С. 30–31).

Данная статья существенна для понимания характера влияния Вл. В. Гиппиуса на эволюцию Мандельштама в последний год обучения в училище — от увлечения политикой (через год в письме к В. В. Гиппиусу он уже назовет его «периодом моего детского увлечения марксистской догмой») к времени первого периода поэтического творчества, отмеченного эстетизмом.

Из частных в статье следует отметить, в связи с нашей темой, наблюдения Вл. В. Гиппиуса о «поразительном успехе брошюрной литературы политического содержания», в котором обретает свой контекст то его замечание, которое запомнилось Мандельштаму, — «Чего ты читаешь брошюры? Ну какой в них толк? <...> Хочешь познакомиться с марксизмом? Возьми „Капитал“ Маркса» (с. 238). Знаменательное совпадение взглядов учителя и ученика — в характеристике прогресса. Вл. Гиппиус пишет, характеризуя «религию прогресса»: «Люди по пути своего исторического прогресса растеривают много ценных культурных благ, не всегда вознаграждая потом приобретением новых», и Мандельштам применяет слышанное от учителя к своей характеристике смены форм в литературе: «но каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей» («О природе слова», 1922).

педагогической практики или даже теории, но включает в себе вопросы самой напряженной общественной значительности. И если решение его, где бы то ни было, явилось бы решением одной из более или менее серьезных педагогических задач, у нас он становится задачей исторической судьбы русской жизни. Дело в том, что русское общество, по тем неисповедимым судьбам, которыми оно двигалось, пребывая долгие века в невежестве, в конце концов стало обществом по преимуществу читающим, книжным. Наши исторические обстоятельства были таковы, что школ у нас, как известно, издавна почти не было, а когда они явились, то плохие: сначала устарелые, потом наскоро переведенные со всевозможных языков, для большинства почти невнятных. И во всяком случае можно сказать, что ни прочной общественной среды, ни воспитывающего народного быта не было вовсе, а что в этом отношении проявлялось, то или слишком рано, или слишком поздно. В то же время, чем ближе к современности, тем больше обнаруживалась бездна между ростом могущественной европейской державы, какой стала новая Россия, и вялым существованием вытянутой по швам общественной жизни, скудно ограниченной в образовательных средствах и других умственных впечатлениях. Но, как жизнеспособное в высшей степени и полное великих залогов, русское общество, все более развиваясь до уровня такой повышенной умственной жизни, какая свойственна только самым культурным народам со старинной цивилизацией, — в течение последнего века предалось в особенности литературным занятиям, развернуло своеобразную журнальную деятельность и создало одну из замечательных и оригинальных литератур. Литература заменила нам и среднюю школу, и университет, и парламент. Чем менее оставлялось путей для проявления общественной энергии, тем более оно уходило в себя, разгораясь внутри, и тем все более принимая чисто идейный, отвлеченный характер. Таким образом, исторический ход жизни сделал из русского человека то, что у нас называется развитым человеком, интеллигентом, т. е. человеком чисто умственным, книжным, до крайности возбужденным внутренне и без привычки проявляться вовне; наконец, даже с особым, отрицающим все внешние формы, мировоззрением, с известного рода светским аскетизмом, повторявшим старый церковный аскетизм — в новых условиях и формах.

Могли бы возразить, что такой общественный тип вывелся и заменился другим, более жизненным. Но это возражение опровергают сами события. Как 70-е годы, когда впервые сформировался этот тип русского интеллигента, так и история последних лет показали иное. Надежды на «реалистическое мировоззрение», которым гордились тогда и теперь, — как тогда, так и теперь оказываются тщетными; и оно, в противоречие с своими собственными принципами, в своих отношениях к народной жизни отвлеченно, как и все другие наши отношения

к окружающей жизни, иногда даже более чем те, которые называют себя прямо идеалистическими. Я имею здесь в виду, разумеется, не их теоретическое определение, но значение для исторической действительности, а в этом смысле жизнеотношение русских развитых людей всех оттенков следует назвать одинаково — идеологическим, или даже проще, литературным.

Не знаю, приходилось ли кому-нибудь из вас, господа, прислушиваться к тем суждениям о жизни и людях, которые произносятся обыкновенно нашей молодежью. Меня лично всегда поражала не наивность, что было бы не удивительно, не юношеская идеалистичность, отсутствие чего было бы ужасно, но, если можно так выразиться, литературность точек зрения, оценок, мнений, иногда самих чувств. Я поясню это таким примером. Было время, когда у нас развился тип байронический, нашедший себе самое полное выражение в Евг. Онегине и Печорине. Уже очень скоро после его появления в самой же русской литературе стали над ним смеяться, да и сами поэты, отметившие его, едва ли имели в виду его идеализацию. И поэзия, и критика указывали, как на основную черту, — на книжность типа, не в том смысле, чтобы авторы создали его по книгам, а потому, что самые характеры образовались на книгах, а не на реальной жизни. То же самое относится и к другому типу того времени, к Ленскому, отчасти и к Татьяне. Их в свое время развенчали — противопоставив тип «мыслящего реалиста». Нам теперь тем более кажется, что эти явления давно миновавшие, а между тем, в существе, они дожили до наших дней, изменив только содержание и форму. Пушкинская Татьяна, тургеневская Лиза, Елена, Ася, гончаровская Вера, даже толстовская Наташа и сейчас для молодых девушек имеют такое же обаяние, как для Татьяны ее французские и английские героини; а для юношей если Онегины и Печорины утратили свое жизненное значение, за утратой всех обуславливающих причин, то Базаров, Марк Волохов, Карамазовы, Раскольников, в последнее время — проходимцы или борцы с мещанством Горького, их характеры, их идеи, их образ действия, не говоря уже о способе их выражения, обуславливают то литературное отношение к жизни, на которое я указываю. Наблюдательному человеку легко заметить, что начитанный юноша дает на то или иное явление жизни не собственную, свойственную именно ему, психологическую реакцию, а отмерив ее предварительно меркой излюбленных героев, ставя их на свое место, каждый раз спрашивая себя, как бы они реагировали в данном случае. Выражение Пушкина, первого создателя таких книжных типов, что «любви нас не Природа учит», а первый прочитанный «роман», не только остается в силе и до сих пор, но, сообразно расширившимся запросам и интересам, приложимо не к одной любви, а и к другим душевным переживаниям.

Что же в результате?

Непосредственное чувство жизни утрачивается, человек обезличивается и мельчает. Книги подчиняют себе и не дают самостоятельно развиваться личности.

II

Вопрос, что читать, с которым родители обращаются к школе или к педагогической литературе, заключает в себе, собственно, уже готовое признание безусловной целесообразности не только чтения, но и многочтения. Принципиальная сторона дела не смущает нас.

Таких детей, обеспеченных и интеллигентных классов, которые бы ничего не читали, очень мало, большинство читает всякий вздор, подвернувшийся под руку, не различая подлинной литературы от поддельной или ремесленной, писателей больших от слабых. Многочтение у нас ставится вообще в заслугу мальчику. «Это такой развитой мальчик, он столько читал...» На вопрос, обращенный к такому ученику, что он читал, в ответ мелькают имена большинства писателей, не только русских, но и иностранных, иногда несколько популярно-научных статей. Очень часто все эти Пушкины, Тургеневы, Гоголи, Толстые, Диккенсы, наряду с Немировичем-Данченко, Сенкевичем, Всев. Соловьевым, в последнее время — Горьким, Кропоткиным или Герценом, и еще такими именами, о которых знают, кроме самих учеников, только издатели их, читаются лет с 10 или даже 9 — тогда к 13–14 годам они действительно могут быть прочитаны; но нередко чтение их начато не больше как за год до предложенного вопроса. В таком случае ясно, что это количество страниц (ученик часто отвечает — всего Тургенева, всего Диккенса, всего Салиаса), все эти томы не могли быть прочитаны, а только просмотрены, проглочены известным, я думаю, знакомым многим из вас, слывших в свое время развитыми мальчиками и девочками, — способом, когда в романах пропускаются или слегка просматриваются так называемые «описания» и быстро прочитываются «разговоры» (напечатанные короткими строчками). Надо согласиться, что такое чтение ни с какой точки зрения не представляет ценности. Нечего и доказывать вред этого поверхностного скольжения внимания едва ли не по заголовкам. Если говорить о воспитательной пользе чтения, то может идти речь только о чтении внимательном, вдумчивом, а читая вдумчиво, много не начитаешь. Многочтение же никоим образом не может являться показателем общего развития. Как постепенно и все увереннее расстаются с ложной мыслью, что спасение в многопредметности и в обширности курсов, так пора вместе с тем перестать ставить многочтение условием общего развития.

Под влиянием господствующей в настоящее время религии прогресса (очень узко по большей части понимаемого) мы склонны думать, что мерки и оценки настоящего времени всегда выше прежних.

Без всякого сомнения, это большое заблуждение, и люди по пути своего исторического прогресса растеривают много ценных культурных благ, не всегда вознаграждая потом приобретением новых. Так и в отношении к чтению. В старину тип читателя был начетчик, под которым едва ли основательно представляют себе человека, много раз перечитавшего одну или несколько книг, оказавшихся у него в руках, выучившего их даже почти наизусть, но не понимавшего их смысла. Последнее едва ли вполне верно. Недостаток образования, разумеется, мог нередко выражаться на несколько внешнем усвоении содержания, но основная черта, однако, в типе начетчика вовсе не эта отрицательная, но положительная и утраченная для читателя наших дней, — это любовь к книге, любовь, в которой сказался бессознательный инстинкт культуры. Незрелый человек, знающий только грамоту, настолько был проникнут жаждой духовных впечатлений, что выучил наизусть чуть ли не всю книгу. Мы гордимся своей современностью, потому что наша эпоха — время всеобщей образованности, и мы вправе этим гордиться, однако в любви к книге старый начетчик был выше нас. У него не было много книг, он не мог прочесть всего Пушкина, всего Тургенева и т. д., но он вчитывался в те две-три, а то и одну книгу, которая у него была. Он уважал и любил ее, он был сосредоточен на ней одной. Это было достойное отношение к книге. Притом не надо забывать, что для него за книгой не стояла писательская личность, его интересовали, как человека еще грубого, сюжет, идеи и выражения. Мы же, утонченные до того, что способны ощутить за книгой личность ее автора, не уважая книги, не уважаем личности писателя.

Развить прежде всего такое отношение к книге как к одному из живых проявлений культурной жизни, к ее стилю как проявлению живой красоты человеческого слова, воскрешая таким образом в современном человеке то, что было ценно в древнем читателе, — это значит сделать книгу живой, не отвлеченной, не мертвой. Но это еще не все! Современный человек способен к большему — книга для него больше, чем стиль, сюжет и идеи. Приучить к чтению как к акту общения с писателем, пробудить ощущение этой живой связи с его личностью — это значит, в сущности, пробудить чувство любви к писателю.

Полюбить Толстого, полюбить Шекспира — как живых людей, со всем богатством их индивидуальности, со всем чувством красоты или правды, свойственным им, — вот настоящий педагогический результат, потому что это общение с носителями культурной мысли есть действительное приобретение для личности читателя. Вдумчивое чтение литературного произведения в наше время есть всегда акт общения между читателем и писателем. Личность автора невидимо с нами, она стоит за каждым написанным им словом, за каждым оттенком, приданным им тому или другому слову, за каждым особым, ему только свойственным

течением речи. Его настроения, его идеи, его чувство красоты, или добра, или правды присваиваются во время чтения читателю.

Это приобщение личности писателя и придает огромное общественно-педагогическое значение литературе, не как абстрактная работа мысли, но как конкретный жизненный фактор. Общение с полной определенностью, ценного в том или ином отношении душевного содержания личностью, присвоение себе хотя бы на время, хотя бы в воображении этого содержания не может не оставить впечатления на того, кто к такому впечатлению уже в возможности готов и по своим психологическим свойствам способен. Внутренне пережить хотя полчаса то, что переживала одна из великих индивидуальностей, хотя на полчаса стать подобным им — это значит самому подняться, лично вырасти с помощью чужой личной силы. Читая, мы тянемся к этим великим единицам, и они вводят нас в круг своих обаятельных и достойных человека интересов и страстей, преобразуя нас своим страданием и счастьем.

Вот живая, культурная ценность литературного чтения для человека, способного воспринять читаемое. Поэтому только что сказанное может относиться к возрасту довольно позднему. Таким образом, перед нами естественно стоит вопрос, доступны ли эти интересы, эти восприятия, эти страдания и счастье больших вдохновенных умов мальчику или девочке среднего школьного возраста? Конечно, доступны лишь отчасти, не все, порою становятся доступны, искусственно возбуждая огромной силой поэтического одушевления те чувства, которые, может быть, еще не родились сами по себе, не выношены в душе.

III

Перед нами труднейшая задача, которую решают на практике слишком небрежно, не придавая того значения, какое она имеет, — вопрос о том, желательно ли, чтобы юноши рано начинали жить литературой взрослого человека? И как установить время, когда уже желательно или допустимо? Я говорю, это труднейшая задача воспитания, при решении которой и обнаруживается весь сложный характер современного педагогического дела как одного из проявлений до крайности осложнившихся жизненных отношений. Так и в данном случае. Если эта, быть может самая важная из педагогических проблем, не просто решается на практике теми пределами возраста, которые при счастливых нормальных условиях легко устанавливаются физиологическими симптомами, то для менее счастливых, зато гораздо более частых случаев никакими сколько-нибудь определенными указаниями общего характера она не покрывается, более того — всякие общие указания оказались бы здесь сухой и бесполезной доктриной, которыми так изобиловала старая педагогическая литература, отпугивая общество своим ригоризмом от горячего интереса к ней.

Всякое воспитание, если оно задается не внешними целями, но имеет в виду развитие личности, должно быть индивидуализировано — насколько возможно — гибче, применительнее. И если в данном вопросе по отношению к одним следует принять метод охранения, изоляции от ранних сильных и острых влияний, то по отношению к другим — метод «прививки яда», по меткому выражению одного из критиков Тургенева, коснувшегося этой темы в своем анализе рассказа «Фауст», действительно очень интересного с этой стороны. Содержание его, как известно, заключается как раз в драме, разыгравшейся в жизни молодой женщины, с сильными и целомудренно-сдержанными страстями, которую рано разгадала мать и воспитала как бы замораживая ее, строго и заботливо оберегая от всех возбуждающих впечатлений, в частности и литературных. Она вышла замуж и стала матерью, ее жизнь текла покойно и счастливо до первого столкновения с тем, от чего ее так охраняла мать. Молодое существо гибнет от вспыхнувшей в ней с неожиданной силой страсти к тому, кто одним чтением Фауста ввел ее в мир мятежных человеческих страстей. Мать поняла дочь, но приняла ложное педагогическое решение. Сложная, глубокая натура девушки требовала «прививки яда», а не изоляции.

Но как бы то ни было, в каждом отдельном случае новая литература, своим содержанием своим, ставит перед современным воспитателем эту трудно разрешимую задачу, требующую большой психологической наблюдательности и педагогической чуткости, задачу, неизвестную ни древности, ни средним векам, ни запрошлому еще веку. Она заключается именно в том, что вся литература нового времени, естественно наиболее привлекающая к себе молодые умы, порождена смятенным духом XIX века, самое характерное проявление которого — пессимизм. Древняя литература знала пессимизм, но этот пессимизм, открывая в мире присутствие враждебных и неодолимых для человека сил, указывал на благоразумное пользование жизнью как на спасение от них, и самый скептицизм его не переходил в отчаяние, оставаясь или игрой, или работой критического сознания. Если средние века знали пессимизм церковный, то это было отрицание здешнего мира во имя бесспорного для сознания эпохи бытия мира иного, призывавшее человека к полной покорности, в надежде на спасение от зла этого мира, под угрозой мучений в том мире, уже бесконечных. Все это было иногда светло, иногда чрезвычайно мрачно, однако вполне определенно. Но тот мятежный дух, который сказался в новой литературе, порожденный идеей беспредельной свободы личности, ни во что не верит и ничем не удовлетворяется. Это дух ненасытный, вечно ищущий, и, чем ближе к нашему времени, — тем он становится беспокойнее и мучительнее. Если XV–XVI века родили Микель-Анджело, Реформацию, Шекспира, XVII — Декарта, Спинозу, XVIII — Вольтера, Руссо,

Канта, Гете, то XIX — Байрона, Шопенгауера, Ницше, Толстого, Достоевского и многих других. Изолировать от веяния этого ветра невозможно, и раз неизбежно таков дух времени, неизбежно придется жить в такой атмосфере, то нужно так или иначе считаться с ним. Положение воспитателя оказывается необыкновенно трудным. Как сын своего времени, он сам в существе таков же, как все, но как воспитатель — он не вправе предоставить влияниям времени своего воспитанника только потому, что эти влияния современны. Перед ним не может не стоять задача нравственной ответственности, о которой говорил один из самых чутких наших писателей. Вспомните благородную отповедь поэта на нападки журналиста в бездейственности у Лермонтова.

Поэт отказывается печатать то, в чем сказались «язвы старых ран», «соблазнительную повесть сокрытых дел и тайных дум, картины хладных разврата», воспоминания о том, что погибло «в омуте страстей».

*Право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
К чему?..
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...*

Поэт отказывается от самого дорогого для каждого писателя — от славы, только бы написанное им не нашло читателей в тех, чье сердце слабо, или в ребенке, еще не искушенном во зле. Это сознание ответственности писателя, так впечатлительно пережитое и переданное великим поэтом и так мало сознаваемое нашими современниками, должно жить в педагогической совести еще горячее, чем у самого писателя, и стоять перед ней как неотступный вопрос при выборе чтения. Приобщить юношу к тем эмоциям, которые в нем еще не пробудились, которые для него преждевременны и заведомо непосильны, есть такое же преступление, как преждевременное приобщение юноши к физиологической жизни взрослого человека во всех ее проявлениях. Но повторим, что, с другой стороны, бесплодны будут усилия и такого воспитателя, который, исходя из соображений идеальной нравственной чистоты и умственного равновесия, — захотел бы изолировать, во что бы то ни стало, своего воспитанника от впечатлений возбужденного и беспокойного духа века. Это было бы повторением ошибки педагогов

XVIII в., строивших абстрактные положения во имя абстрактного идеала в твердой уверенности, что люди по природе все одинаковы и притом одинаково добродетельны. К счастью, ни то, ни другое не верно, хотя с тех пор, как было создано противоположное, воспитание доставляет немало хлопот воспитателям. Легко было воспитание тогда, когда целью ставили, не считаясь с личностью воспитываемого, приготовить в педагогической мастерской спартанского гражданина или бенедиктинского монаха, но наше время ставит иные, сложнее задачи — задачи раскрытия всех сил, присущих данной личности, и даже пробуждение таких, какие мы признаем по опыту и разумению необходимым развить применительно к условиям всемирной культуры и национального быта. Сложные задачи требуют и сложных путей их решения. Если задачей является индивидуально-общественное воспитание, принятое во всем многообразии этих понятий, так и сложность решения этой задачи содержится в самом принципе решения: индивидуализации воспитания в условиях общей культуры и данной среды. Конкретно по отношению к чтению это означает, что русские юноши должны читать прежде всего своих писателей, но не всегда могут читать то же самое. Одному можно усиленно указать на Тургенева, другому на Толстого и пр.

IV

Бесспорное общее соображение, с которым нельзя не считаться в вопросе о чтении, это уже упомянутое соображение о возрасте. Только с возраста, соответствующего средним классам учебного заведения, может идти речь о литературном чтении в только что указанном мною значении. Другой вопрос, как относиться к специально-детской беллетристике, литературе для юношества. Эта литература, без всякого сомнения, не только не удовлетворяет, по большей части, настоящим литературным требованиям, но представляет собой и поддельный продукт, не в том лишь смысле, в каком является поддельной всякая литература для легкого чтения, как ремесленное изделие взамен подлинного художественного произведения, но поддельной потому, что автор книги для детей младшего или старшего возраста в целях педагогического воздействия (соображение в таком виде вовсе чуждое настоящего художника, как узкое и преднамеренное) пользуется средствами художественной литературы и упраздняет тем самым жизненное значение слова как органического проявления душевного переживания писателя. Потому-то так низок, по большей части, литературный уровень этих педагогических изделий. И кого, в самом деле, из эстетически развитых людей не возмущали в этом отношении сочинения Майн-Рида или Жюль-Верна? Разумеется, по литературному качеству они равны лубочным романам и всякой рыночной беллетристике, и чтение их с той точки зрения, с которой оно является приобщением читателя личности писателя, не

может, понятно, иметь никакого значения. Душевное содержание таких писателей ничтожно, форма выражения — ремесленная, культурно-педагогическое влияние поверхностно.

Что же, значит, отбросить их как материал негодный? Отказаться в принципе от специальной литературы для юношества? Это было бы простое, но едва ли верное решение задачи. Прежде, чем отречься от подобного рода литературы, как это склонны делать многие из наших педагогов, обратим внимание на то, какой юношеской потребности она отвечает.

Ведь выбрасывая ее, мы тем самым обязуемся удовлетворить иным образом вызвавшую ее потребность. А потребность эта, положительно, есть, и обусловлена как общей психологией молодой души, так, в частности, и условиями нашей общественной жизни. Нечего обманывать себя, русская действительность бедна впечатлениями сколько-нибудь яркими и возбуждающими. Под влиянием ли неблагоприятных естественных или исторических причин, давно замечено, что в нашей жизни мало живописности, основанной на смене резких контрастов, на громадности и изяществе форм, мало драматического развития событий, экспансивности чувств, игры страстей. В раскинутых на огромном пространстве городах, скупо снабженных культурными благами, в деревнях, лишенных их вовсе, наша жизнь шла, надо признаться, до сих пор сонно и вяло. Наша история отличалась стихийными взрывами чувств, но не развитием идей или событий. Наиболее романтические из наших поэтов рвались всегда в напряженную и красочную Западную Европу или до крайности идеализировали на родине то, что могло дать для идеализации какой-нибудь повод, например, стихийную ее силу или великую ее тишину, как бы предчувствие тайны или всемирного призвания в будущем.

Как бы то ни было, пришел или не пришел наш исторический час, или не суждено ему прийти вовсе — психология молодой души остается в существе та же. Это — жажда сильных жизненных впечатлений, потребность ярких красок, игры событий, выступления на историческое поприще больших одаренных личностей. Это — потребность, присущая человеческому духу в его основе, вообще, но молодой душе она свойственна по преимуществу. Она может быть впоследствии заглушена, забита, она может развиваться и в фаустовскую, и в прометеевскую жажду, она может сказаться с течением лет в иных, более сдержанных формах, но отнять у людей эту жажду, педагогу не считаться с нею — это значит быть бездушным доктринером, для которого самая жизнь лишена конкретного содержания и непосредственного интереса.

Не этой ли потребности в известной степени, хотя бы и грубо, удовлетворяет литература для легкого чтения; в раннем же возрасте такие сочинения, как романы Майн-Рида, Жюль Верна и т. п.? Я думаю,

что это именно так, что мы имеем здесь дело с той же психологией пушкинской Татьяны, осужденной на гибель в провинциальной глуши и создавшей себе из романов иной мир, непохожий на скучную обыденность. Есть потребность в ярких впечатлениях жизни, в героизме, в необыкновенном, поражающем. Жизнь не дает их — они заменяются беллетристикой. Если она литературно ничтожна, если она портит вкус к изящному и лишает чтение его серьезного значения, то — в условиях по крайней мере нашей действительности — она заменяет недостающие элементы самой жизни. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в какую бы энергичную борьбу ни вступил воспитатель с этой поддельной литературой, ее читатель не уступит ему, пока потребность, удовлетворяемая ею, не найдет себе удовлетворения в чем-нибудь для него равноценном. Уже в настоящее время, когда русская жизнь стала давать больше впечатлений, русское юношество порывисто бросилось на них. Заседания Государственной Думы или стачки рабочих становятся в значительной мере на место Майн-Рида или «Петербургских трущоб». Если мы хотим вступить в борьбу с исключительным влиянием и такого рода впечатлений, мы должны противопоставить им в самой жизни или в литературе что-либо отвечающее той же потребности, но не бороться с ней самой, с этим проявлением неизбежной и законной душевной жажды.

Здесь, кстати, будет уместно коснуться только что задетого мною вопроса, жгучий характер которого, правда, в последние дни несколько ослабел. Я имею в виду поразительный успех брошюрной литературы политического содержания и распространившееся чтение газет. Что касается до крайности возбужденного интереса к совершающимся на наших глазах политическим событиям, то, с точки зрения подъема гражданского чувства, он должен быть, разумеется, поддержан со всей силой педагогического влияния, но он не может быть предоставлен своему собственному течению, как склонны это допускать некоторые в увлечении подъемом гражданского инстинкта. Как всякий преждевременно пробудившийся инстинкт, и гражданский — надлежит до времени ввести внутрь сознания и там дать ему развиваться и окрепнуть. Самая повышенность этого инстинкта в раннем возрасте есть, без всякого сомнения, показатель искусственно вызванного событиями наступления политической зрелости. Радоваться этой преждевременности нечего. Не бороться с таким же преждевременным удовлетворением этого инстинкта, грозящим ослаблением нервной энергии, есть преступление и легкомыслие. Не противиться этому злу может только тот, кто забывает об ответственности перед нацией за современное поколение, которым история ее не кончается. Его энергией создается не только настоящее, но и будущее. Переутомление нации от преждевременного расходования социальной силы есть такая же реальная возможность,

как переутомление отдельного человека. Причина реакции не во внешних условиях, а всегда в самом обществе. Сегодня удовлетворение едва вспыхнувшего, еще не пустившего корней в сознании общественного инстинкта, завтра истощение сил, падение настроения и веры. Чем более современный русский воспитатель желает своей родине неутомимого и непрерывного прогресса, тем с большим напряжением ему приходится вступать в борьбу с ранним удовлетворением раньше срока вспыхнувшего инстинкта, не желающего терпеливо пережить период воздержания и внутреннего роста. Если нравственный долг его своевременно пробудит общественную совесть и ее деятельный порыв, то развитой гражданский разум должен указать ему на необходимость до времени сдержаться не только от выступления на политическом поприще, в целях сохранения национальной энергии, но и от исключительного увлечения вопросами политическими, так как только всестороннее развитие всех личных сил, широкая культурная отзывчивость — истинно жизнеспособны и плодотворны в жизни каждой отдельной нации и целого человечества...

Нельзя забывать, что область политических вопросов — есть область практического приложения общих идеалов. Чем культурно-требовательнее общество, чем глубже и многостороннее его идеализм, тем напряженнее говорят его общественные инстинкты. В то же время практическое приложение требует и знания реальных отношений, и развитого чувства конкретной жизни.

Надо заметить притом, что этот, столь возбужденный в наши дни, интерес к политическим событиям и литературе кроет под собой зачастую не психологию пробудившегося гражданского чувства, но как раз только что упомянутую психологию потребности в впечатлениях, т. е. собственно видоизмененного увлечения Майн-Ридом. Однако отношение воспитателя в данном случае должно быть иное. Если, предоставляя посредственной литературе удовлетворять потребность в впечатлениях, мы грешим перед литературой как перед одной из культурных ценностей (грех, в сущности, не особенно тяжелый и сравнительно легко искупаемый), то, предоставляя политическим явлениям удовлетворять эту потребность, мы развращаем тот самый общественный инстинкт, во имя которого интерес и поддерживается, так как приучаем, таким образом, относиться к политической жизни легкомысленно. Большинству юношей другое, серьезное, отношение, основанное на общем мировоззрении и сознательной вере в будущность своей нации, естественно, еще недоступно, но возможность относиться поверхностно к известному рода явлениям легко может стать привычкой сознания — едва ли желательный результат воспитания для страны, наконец с таким трудом выходящей на простор и нуждающейся в крепких и осмысленных верованиях. Но и более одаренному меньшинству не может быть ни в каком

случае доступна сложность входящих в политические вопросы теоретических и практических идей и отношений. Если большинство, бросившееся на брошюры и газеты, выйдет гражданским ничтожеством, меньшинство, быть может, и <выйдет> высокими, но отвлеченными и узкими идеологами, порождаемыми русской жизнью с тех пор, как она стала сознательной, и так жалко бессильными перед лицом реальной жизни. Отвлеченное и узкое развитие — великое наше общественное зло, с указания на которое я и начал свою речь.

VI

Из всех потребностей человеческой личности наше общество выделяет научные, политические и моральные. К остальным относится безучастно, несмотря на красноречивые проявления религиозных исканий в нашей жизни и литературе, несмотря на редкую артистическую чуткость немногих представителей нашего искусства, стихийную поэтическую силу нашей народной песни. Это пренебрежение к таким двум культурным факторам есть, конечно, явление совершенно временное, развившееся в последние 50 лет под влиянием лихорадочной внутри и сдавленной извне цивилизационной работы. Народ, способный к культуре, не может быть равнодушен к ним.

Не касаясь сейчас одного из затронутых факторов, как не имеющего близкого отношения к поднятому мною вопросу, укажу на другой, тесно связанный с литературой, именно на искусство, которое наша публицистика одно время, во имя господствующего мировоззрения, энергично развенчивала, а затем до последних дней глухо замалчивала. Так в младенческом сознании вступившего в элементарную цивилизационную работу общества была подорвана идея одного из самых жизненных и прекрасных культурных благ. Кроме учения, наше юношество знает только чтение; в наше время, после долгого реакционного перерыва, оно без оглядки сузило круг этого чтения пределами политических вопросов. Лишенное чувства конкретной жизни, оно холодно к религиозным исканиям, оно чуждо искусства, этого бесполезного, как сама жизнь, и великого, как сама жизнь, культурного достояния.

Молодежь, интеллигентно настроенная, много читает. В самом чтении, если только это не легкое чтение, — замена недостающих впечатлений действительной жизни, молодежь всегда ищет удовлетворения моральных или политических запросов, но не эстетических. Искусства она, можно сказать, не знает вовсе. Искусство не составляет обихода русского человека — один из показателей его односторонне рассудочного развития. У него развился жгучий политический инстинкт, у него есть великая литература, нередко несовершенная по форме, но нередко и гениальная по содержанию, — искусства нет.

Школа его состоит из учения и чтения, науки и частью литературы, то заменяющей реальную жизнь, то питающей социальный идеализм. Любимые и популярнейшие писатели те, в которых сильнее всего говорит этот идеализм, да у нас и немного таких, которые были бы вовсе чужды его.

А между тем мы нуждаемся более, чем какой-нибудь другой народ, именно в искусстве. Не в том безжизненном и бессодержательном искусстве буржуазного обывателя, ограниченном в самом себе и переходящем в бесплодную вычурность и манерность, но в том, которое, оставаясь верным своему безотносительному от раздражений текущей жизни служению красоте, несет ее в жизнь как возбуждающий стимул, как ее украшение и освящение, открывая в жизни бесспорное благо и радость, независимо от требований социальной и личной морали, — то искусство, которое было порождено в V веке до Р. Хр. свободолюбивым городом Афинами, вольными итальянскими республиками XV века и к которому зовут теперь лучшие умы благороднейшего и свободнейшего из современных народов — английского. Искусство не рассудочно, как наука, оно, по преимуществу, из всех культурных благ жизненно, потому что оно есть проявление самой любви к жизни и ее формам и выражение самой творческой из способностей человека — фантазии. Оно не теряет своей дорогой цены, становясь прикладным. Требуя всегда личного творчества или личного вкуса, повышая деятельность не одного ума, но и непосредственного живого чувства, оно в высшей степени способствует, таким образом, развитию личности. Кроме пробуждения образовательных стремлений, кроме развития общественно-го сознания, внесение в воспитание и искусства, в дополнение к литературе, — такова неотложная задача современной школы, если она хочет быть школой не только книжной, рассудочной, какой она была до сих пор, но истинно прогрессивной, в смысле выработки потребности в широкой и многосторонней культуре. Нельзя сомневаться, что с развитием у нас этой потребности и самые образовательные инстинкты станут напряженнее и углубятся. Никогда еще не было в истории человечества примеров, чтобы подъем интереса к искусству понижал научные интересы. Как раз наоборот: то возбуждение сознания, которым сопровождается любовь к прекрасному как к безотносительному, самоценному культурному благу, всегда возбуждало и теоретическую мысль как проявление интереса также безотносительного и самоценного.

Способное к напряженной политической жизни и лишенное ее в течение долгих веков, русское общество все еще болезненно боится всего, что может, как ему кажется, хоть несколько ослабить его политическую страсть. Но у жизнеспособного народа не может ослабеть эта страсть строительства жизни. Пока он жив, она будет гореть в нем.

Напротив, и у великого народа его развитие может принять одностороннее направление.

Не имея возможности сейчас касаться вопроса об искусстве в народной школе, вопроса, еще не поставленного у нас на очередь, скажу только, что его роль и там будет только прогрессивной, так как, повышая культурную требовательность, оно тем самым поддержит напряженность и обеспечит неутомимость социального движения. Для русского же юношества обеспеченных классов искусство, расширяя круг жизненных впечатлений новыми, чистыми и некнижными источниками, научит воспринимать явления литературы не так узко и сухо, не только со стороны ее общественного или морального содержания, — научит ценить книгу как художественное произведение и писателя, по аналогии с художником, как творца новых явлений. И здесь — в этой, уже культурной, среде, искусство еще более обострит и повысит ее культурную требовательность. Наконец, не забудем интересов и нашей первой национальной учительницы — русской литературы, переживающей сейчас свой кризис. Трудно отрицать, что ее заметное качественное понижение обусловлено понижением вкуса в обществе. Повысится требование читателя — подыметя и литература. Наша педагогическая мысль совершила крупное завоевание, она заменила часть книжного учения практическими занятиями по естествознанию, она сделала этим школу жизненнее, однако ничуть не победила этим и не могла победить ее рационалистического характера, так как естествознание, как бы оно практически ни ставилось, имеет в виду, главным образом, воспитать на конкретном материале метод индуктивного научного мышления — работа чисто интеллектуальная. Естествознание сближает с жизнью, но оно не задается и не может задаваться целью развить остроту и чуткость непосредственного восприятия жизни, а только такое восприятие ее и составляет сущность индивидуального отношения.

Отворим же двери эстетическому воспитанию во имя развития живого чувства жизни, во имя осуществления идеала всесторонней человеческой личности в нашем обществе, во имя его действительного европейского прогресса.

Приложение 5

ПРОГРАММЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(X–XVI СЕМЕСТРЫ)

Курс X семестра

[5-й класс, второе полугодие]

Понятие об историческом изучении литературы. Место русской литературы в ряду европейских литератур. Ее возникновение и общий ход развития.

Византийское влияние — и первые произведения письменной литературы в России в связи с судьбой устного народного творчества.¹ Древняя русская образованность — как одно из типических явлений средневековья. Киево-Печерская Лавра и Феодосий Печерский. Паломничество и «духовные стихи».

Печатается по тексту: Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 60–65.

В семейном архиве Синани сохранилась тетрадь с конспектами Мандельштама по истории русской литературы (ныне передана в РНБ). Эти конспекты легко датировать, сличая с программой: они соответствуют курсу 7-го и первой половины 8 класса, т. е. писались со второй половины 1905 года. Тетрадь включает конспекты: «Сентиментализм и романтизм», «Жан-Жак Руссо», «Общественное движение в России», «Карамзин в Англии», «Идеи Руссо у Карамзина», «Идеализм Жуковского», «Белинский о Пушкине» («Борис Годунов», «Домик в Коломне»), «Идеи Руссо у Пушкина», «Преступление и наказание в Борисе Годунове» (последний опубликован П. Нерлером в кн.: «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 5–9). В тетради имеются пометки Вл. В. Гиппиуса. Согласно записи Мандельштама, один из источников конспекта: Гефдинг Георг. Ж. Ж. Руссо и его философия. СПб.: Ред. журн. «Образование» (первое издание — 1898, второе издание — 1902?).

¹ Произведения устного народного творчества изучаются в одном из предшествующих семестров (VII–IX).

Летопись, приписываемая Нестору. Поучение Владимира Мономаха.

Слово о Полку Игореве: 1) как выражение политического самосознания, 2) как художественный памятник в связи с основными понятиями о поэзии вообще, о ее родах, видах и пр.

Умственная жизнь XIII–XV века: 1) монастырское движение, 2) ереси, 3) факты и легенды, подготовившие культурное оживление XVI века.

Курс XI семестра

[6-й класс, первое полугодие]

Общая характеристика русской литературы XVI века в связи с главнейшими явлениями Ренессанса в Зап. Европе.

Четьи-Минеи Митрополита Макария (кратко). Переписка Курбского с Грозным (кратко). Домострой (подробно).

Состояние устного народного творчества (одна из песен об Иване Грозном).

Общий обзор русской литературы XVII века как эпохи перелома: 1) Характерные повести (Горе-Злосчастье и Фрол Скобеев). 2) Юго-западная образованность и ее словесность (кратко). 3) Личность и судьба протопопа Аввакума в связи с расколом.

Культурное значение Петровского преобразования — в сопоставлении с общим ходом западноевропейской истории.

Судьба Стефана Яворского и Феофана Прокоповича (кратко). Посошков и его идеи (кратко). Кантемир и его первая сатира (кратко). Ломоносов — биография, оды: 1) Выбранная из Иова; 2) Вечернее размышление; 3) Утреннее размышление; 4) На день восшествия на престол Имп. Елизаветы 1747 г.), реформа лит. языка.

Классицизм: его происхождение и судьба в новых литературах. Определение французского классицизма. Значение Тредьяковского. Сумароков (трагедии, комедии, сатиры). Организация русского театра (Волков).

Курс XII семестра

[6-й класс, второе полугодие]

Умственная жизнь в Екатерининскую эпоху (личность Императрицы. Комиссия депутатов, идеи Вольтера, Монтескье и Руссо).

Державин: биография, оды: 1) На смерть князя Мещерского; 2) Бог; 3) Фелица; 4) Вельможа). Фон-Визин: биография, содержание «Бригадира», разбор «Недоросля».

Литературная и общественная деятельность Новикова. Масонство и его значение для русского общества. Радищев: биография, «Путешествие из Петербурга в Москву» с литературной и общественной стороны.

Краткая характеристика других популярных писателей этой эпохи (Херасков, Богданович, Княжнин).

Курс XIII семестра

[7-й класс, первое полугодие]

Общая характеристика романтического движения в европейских литературах (сантиментализм и романтизм) в связи с главными явлениями умственной и политической жизни.

Карамзин. 1) Его умственное развитие и литературная деятельность в 90-х годах XVIII века («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», лирика). 2) «История Государства Российского» с литературной и политической стороны. 3) Язык Карамзина и борьба «шишковцев».

Жуковский: биография, значение его поэзии вообще и переводов — в частности; разбор стихотворений для характеристики сантиментально-романтического направления («Сельское кладбище», «Теон и Эсхин», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Мотылек и Цветы», «Таинственный посетитель», «Море», «Я Музу юную, бывало...»); знакомство с главнейшими балладами, переведенными из Шиллера.

Общественно-политические настроения Александровской эпохи.

Литературная деятельность Крылова и его басни («Водолазы», «Лягушки, просящие царя», «Рыбьи пляски», «Листы и корни», «Пушки и Паруса», «Волк на псарне» и др.).

Грибоедов: биография, разбор «Горя от ума», статья Гончарова «Миллон терзаний».

Курс XIV семестра

[7-й класс, второе полугодие]

Пушкин. Национальное значение его гения; отношение русской критики от современности до наших дней. Биография и очерк литературной деятельности. Лирические стихотворения 20-х годов. (Послания к Чаадаеву, «Деревня», антологические, «Узник», «Наполеон», «Песнь о вещем Олеге», «19 октября 1825 г.»).

Значение «Руслана и Людмилы». Разбор «Кавказского пленника» и «Цыган» — в связи с идеями сантиментализма.

Разбор «Евгения Онегина» с литературной и общественной стороны — в связи с вопросом о романтизме Пушкина.

Отрывок из большой статьи Белинского о Пушкине, касающийся «Евгения Онегина».

Разбор «Бориса Годунова» в связи с вопросом о приемах «классической» и Шекспировской² драмы и общий обзор других драм Пушкина.

² При этом от учеников требуется самостоятельное знакомство с трагедиями Шекспира («Король Лир», «Юлий Цезарь», «Гамлет»).

Кружок Веневитинова и отношение к нему Пушкина. Разбор «Полтавы» и «Медного Всадника» (взгляд Пушкина на Петра Великого). Стихотворения Пушкина о призвании поэта и назначении поэзии («Прок», «Поэт», «Чернь», «Поэту», «Эхо», «Памятник»).

Общий обзор прозы Пушкина.³ Язык Пушкина.

Курс XV семестра

[8-й класс, первое полугодие]

30-е годы в русской литературе: преобладание религиозно-философских интересов, пессимизм и влияние немецкой романтической философии.

Лирика Пушкина 30-х годов. Лирика Баратынского. Чаадаев, его личность и идеи.

Гоголь. Биография и литературная деятельность.

Вопрос о романтизме Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Исторический романтизм. «Тарас Бульба». Натурализм Гоголя. «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Разбор «Ревизора» с литературной и общественной стороны.

Разбор первого тома «Мертвых душ» (типы и общественная идея).

Значение «Шинели».

Лермонтов. Биография. Характеристика его юношеской лирики и разбор наиболее характерных лирических стихотворений эпохи 1836–1841 гг. «Мцыри», «Демон», «Песнь об Иване Васильевиче Грозном...».

Разбор «Героя нашего времени» с литературной и общественной стороны.

Статья Белинского о «Герое нашего времени».

Личность и кружок Станкевича.

Кольцов. Биография, песни и думы.

Курс XVI семестра

[8-й класс, второе полугодие]

Умственные движения 40-х гг. в Западной Европе и в России (позитивизм, реализм и социальность в искусстве).

Белинский. Биография. Два периода в его умственной работе. Значение его критики в связи с общим очерком истории русской литературной критики. Характерные свойства критики Белинского. Отношение его к литературе: 1) XVIII века, 2) пушкинской поры, 3) сороковых годов.

³ «Капитанская дочка» подробно разбирается в одном из предшествующих семестров (VII–IX).

«Литературные мечтания», «Взгляд на литературу 1846 г.», статьи о Пушкине и Лермонтове.

Спор с Гоголем.

Западники и славянофилы. Главнейшие представители и их идеи.

Первые славянофилы. Общая характеристика их религиозного национализма и его судьба.

Лирика Тютчева. Личность Хомякова и характеристика славянофильских настроений (преимущественно по его стихам). Общественные идеи К. Аксакова.

Художественная литература 40-х годов.

Поэзия Некрасова и Фета.

Тургенев. Очерк литературной деятельности. Характеристика его лиризма. Изображение крестьянской жизни. «Записки охотника». Изображение интеллигенции («Гамлет Щигровского уезда», «Рудин»). Женские характеры («Дворянское гнездо», «Ася», «Накануне»).

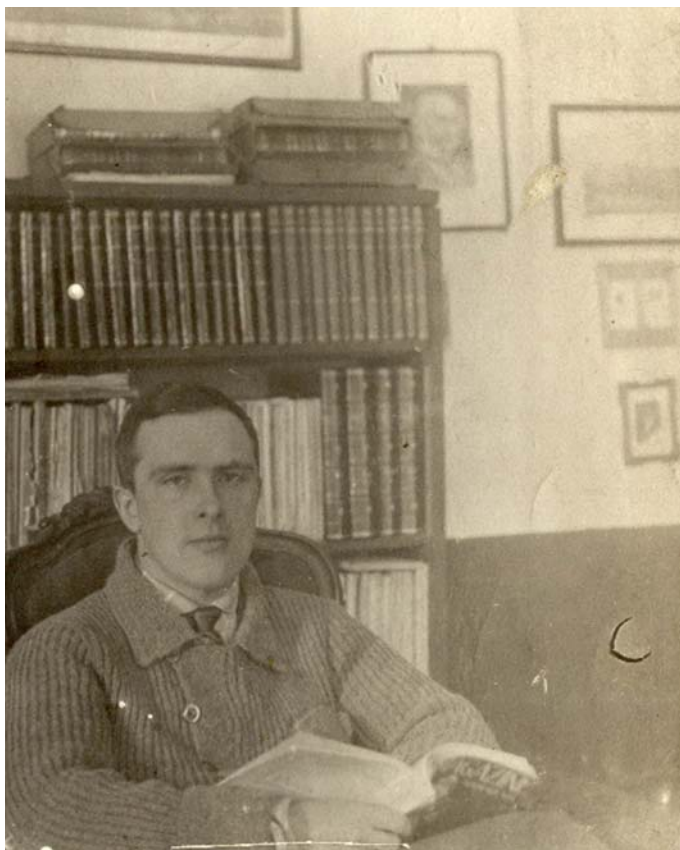
Приложение 6

Из рукописей Ю. А. Каменского

Юрий Андреевич Каменский родился 28 октября 1888 г. в Петербурге. Его детство и юность прошли на мызе Лядно в Новгородской губернии, близ Чудово, недалеко от Сябренец, где жил Г. И. Успенский. Окончил Тенишевское училище в 1907, и в том же году поступил в Политехнический институт (на экономическое отделение), в котором учился до 1915 года. После окончания института служил в Центральном военно-промышленном комитете, издал исследование: «Представительство общественных групп в военно-промышленных комитетах» (Пг., 1916). В 1920-е годы работал в Петрозаводске, в аппарате правительства Карельской трудовой коммуны, на Украине (в Днепропетровске, Харькове), в 1930-е годы — в Государственном Союзном институте по проектированию предприятий горнорудной промышленности («Гипроруда»), где был начальником экономического отдела. Издал книгу: *Каменский Ю. А., Тишбейн Ю. Р. Железные руды СССР для бессемера, мартена и томаса. Л.; М.; Свердловск, 1935.* В 1953 был награжден орденом В. И. Ленина. Умер в Ленинграде в 1956 году. Похоронен на Богословском кладбище.

В Тенишевском училище Ю. А. Каменский был одноклассником Осипа Мандельштама и Бориса Синани. Круг знакомств семей Каменского и Синани отчасти совпадал: отец Бориса навещал в Сябренцах Глеба Успенского и едва ли не был знаком с отцом Юрия, Андреем Васильевичем Каменским, соседом и приятелем Глеба Успенского. «Дневник» Бориса Наумовича Синани, лечившего Успенского в Колмовской больнице близ Новгорода, и воспоминания дяди Юрия, Льва Карловича Чермака, долгое время жившего в Лядно, были помещены в одном и том же посвященном Г. И. Успенскому томе «Летописей Государственного

Юрий Каменский. Лядно, 1910-е гг.
Семейный архив Коротковых

Литературного музея» (1939. Т. 4). Вместе с Борисом Синани и Анатолием Надежиным Юрий был активным участником «оппозиционного» ученического журнала «Пробужденная мысль», где помещал публицистику, политические и лирические стихи. Согласно его признанию в воспоминаниях, он в 1904–1905 годах «интересовался марксизмом и социальной революцией», что и находит подтверждение в его выступлениях в школьном журнале.

По его стихам в «Пробужденной мысли» видно, что когда Мандельштам писал: «зато Бальмонт в почете, и недурные у него подражатели» (глава «Эрфуртская программа» «Шума времени»), то он мог иметь в виду Каменского.¹ В «Шуме времени» Мандельштам, перечисляя одноклассников и прибавляя к именам характеристики, не

¹ По-видимому, Ю. А. Каменский считался в училище, как и Мандельштам, подающим надежды поэтом: 16 октября 1907 г., уже после окончания ими училища, А. Надежин читал на вечеринке тенишевцев стихи Каменского и Мандельштама, «вызвавшие сильные аплодисменты» (Тенишевцев. 1907. № 2). Приводим два его стихотворения из последнего, 3-го выпуска «Пробужденной мысли»:

Синие и красные сны

I

Тихих снов хоровод
Стройной цепью плывет
В синеве.
Их сквозная струя
Серебрится, звеня,
При луне.
Что-то шепчет она,
Шелестит, как листва,
В тишине.

Льются звуки несмелые,
Точно призраки белые,
Точно песни печальные,
Поцелуи прощальные.

Звуки льются в голубую вышину
И, баюкая уснувшую волну,
Замирают.
Звуки реют звонко синею мечтой,
Напоенные любовью молодой,
Тихо тают.
В них мерцают звезды яркие страстей,
Вспышки светлые смеющихся огней
Потухают.

называет имени Каменского — признак, вероятно, определенной к нему симпатии.² По воспоминаниям родственников Каменского известно, что приблизительно в 1914 году Юрий привозил Мандельштама в Лядно, где они «валялись на траве, читали стихи» (И. М. Тагеева, племянница Каменского, запомнила с их голоса строки из стихотворения Брюсова «Морская рыба на песке...» и из «Домби и сына» Мандельштама). Позднее, в 1916 или 1917 году, Мандельштам и Каменский время от времени появлялись в квартире Тагеевых на Таврической улице, и А. М. Тагеев (племянник Ю. А.) вспоминал строки из читавшихся поэтом стихов Марины Цветаевой. Жена Юрия³ не раз рассказывала дочерям, как они с мужем в 1924 или 1925 году навещали Мандельштамов в их квартире на Морской, и как поэт читал им тогда только что написанные воспоминания о Тенишевском училище. В 1930-е годы Мандельштамы навещали Каменских во время своих приездов в Ленинград. Запомнилось какое-то неудовольствие М. И. Калинин и обрывок шуточных стихов о нём: «И пропшикал на прощанье: До свиданья, до свиданья».

Золотой хоровод
В неизвестность плывет
В синеве
И сплетает цветы
Серебристой мечты
При луне.

II

Пришли безумные и смелые,
Сорвали прочь одежды белые,
Втоптали в грязь
Узоры тонкие,
Созвучья нежные
И звонкие.
Давно росла их злоба жгучая,
Давно таилась месть кипучая.
Они пришли,
Как сталь, упорные,
Пропели песни
Свои гордые,
Огни кровавого их знамени
В сияньи рдеющего пламени.

² Отметим еще и следующее обстоятельство: в своей книге Мандельштам называл по именам людей, с которыми в жизни давно потерял связь; с Каменским он связи поддерживал, у них был общий круг знакомых.

³ Юлия Германовна Каменская (урожд. Клюге, в первом браке Климова; 1899–1981).

Политический климат начала 1950-х годов, когда Ю. А. Каменский начал писать воспоминания, не позволял еще упоминать Мандельштама прямо, но цитаты из стихотворений «Камня» в них свидетельствуют об определенной роли, которую играли стихи его тенишевского товарища в «личной фабуле» (собственное определение Каменского), очерченной в рукописях 1929 года. В тетрадях 1929 года Каменский подводил итог своего духовного опыта и выразил его с большой энергией и убежденностью. Как видно из этих тетрадей, его «личная фабула» в сильнейшей степени определялась мировоззрением В. С. Соловьева. Рукописи Ю. А. Каменского свидетельствуют о глубоком и заинтересованном знакомстве с работами последнего, а также и о стремлении прилагать его идеи к собственному жизненному опыту. Ясно видно и то, что к теологии В. С. Соловьева он пришел, отправляясь от лирики Блока. На ту пору, когда в поэзию властно вступал Александр Блок, пришлось юность Каменского, и в своих воспоминаниях о детстве он несколькими словами упомянул «период юности, когда мной владел дух лирики и культ Прекрасной Дамы» и признавался, что тогда же «точно мое личное, прозвучали для меня стихи „Золота в лазури“ Андрея Белого».⁴

Одну из его рукописей 1929 года, извлечения из которой приводятся ниже, можно назвать оправданием дендизма. Напряженное повествование дает нам представление о поколении петербуржцев, выросшем «под знаком Блока», а после войны и революции остро переживавшем конфликт с новой социальной средой. Эти страницы перекликаются со словами одного из его современников: «Но самое ценное у этих много раз осмеянных и часто оклеветанных дэнди было живое чувство искусства. Дух искусства, пусть легкого, пусть недолговечного, но подлинного, не был им чужд. Не забудем, что из эстетизма родился Мандельштам, которого можно не любить и не принимать, но обойти которого нельзя».⁵

* * *

Рукописи Ю. А. Каменского и его личные документы находятся в семейном архиве Л. Ю. и А. И. Коротковых, которым приношу благодарность за предоставленные для публикации материалы. В примечаниях использованы воспоминания Льва Карловича Чермака (далее сокращенно: *Чермак*) и Надежды Викторовны Тагеевой (далее сокращенно: *Тагеева*). Оба источника находятся в том же семейном архиве. Используются также, в записи, устные воспоминания родственников

⁴ См.: Тыняновский сб. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. М.: Водолей, 2009. С. 497.

⁵ Оксенов И. А. Из воспоминаний // Семейный архив Оксеновых.

Ю. А. Каменского: его дочери Л. Ю. Коротковой, Л. С. Черкасской, А. М. Тагеева (1908–1994), И. М. Тагеевой (1903–1997).

За помощь в работе над комментарием приношу благодарность Н. Т. Ашимбаевой, Т. В. Васильевой, П. Л. Вахтиной, Д. В. Ворониной, М. Л. Гаспарову, А. Л. Дмитренко, Л. Н. Ивановой, Н. В. Котрелеву, Г. А. Левинтону, Л. Г. Степановой.

I

*Блок и его современники
(трагедия железного дня)⁶*

Блок и его современники стояли на рубеже двух исторических эпох. Годы революции и войны отделяют нас от того берега, где медленным плавным потоком двигалась жизнь культурного мира. И хотя не прошло и одного десятилетия, кажется он бесконечно далеким, как воспоминание об иной жизни. Пришедшие оттуда несут на себе бремя глубокой старости. Они в другом мире (или, как казалось для многих, осталось небытие, хаос призрачного полусуществования, а мир кончился). У современных людей (созданных войной и революцией) новое мироощущение. Они всегда действенны, с примитивно цельным сознанием, с большим запасом воли к жизни, не требующей никаких метафизических и религиозных оправданий. Их желания всегда определены, направлены на конкретное (то, что можно взять, осязать, такова их любовь к искусству).

Уверенность в себе, здоровый наивный эгоизм обеспечивает им успех. Жизнь их разворачивается в фабулу внешних переживаний без отраженных душевных реакций и символических обертонов. <...> Они всегда естественны, всегда настоящие. Они противоположность прежнего интеллигента с его раздвоенным сознанием и пониженной жизненностью. <...> Ценности, созданные культурой символического искусства, начали разлагаться уже с 1910 года. Вместо подлинных мистических переживаний, укрытых маской эстетизма и театральности, осталась одна эта маска. Мистическая интуиция сменилась скукой или кокетством денди, выполняющего по установленным эстетическим канонам привычный обряд.

*Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту.⁷*

⁶ Приводятся фрагменты первой главы из завершенной работы «Проблема Любви в лирике Александра Блока» (ок. 1929 г.).

⁷ Из стихотворения А. Блока «На островах» (1909).

В дальнейшем исчезает и последний соблазн, очарование маски денди, соблазн эстетизма, и остается какая-то абсолютная, безысходная скука, переходящая в оцепенение смерти. <...>

Не катастрофа последних восьми лет вызвала эту духовную смерть. Уже значительно ранее начало чувствоваться внутреннее запустение, точно иссякли потаенные ключи мистической эротики и символической лирики, питавшие интуитивную волю, и разрядилось напряжение духовной атмосферы, где уже слышались голоса, для которых еще не было слов, где, как при наступлении сумерек, бледнел и таял златотканый покров дневного мира и зрим становился мир таинственный духов.⁸ Точно избранные для подвига последнего освобождения отступили, впали в тайный грех; и, как возмездие, простерся над ними тот железный день, о котором говорит поэт. <...>

Символическая лирика давала особую радость узнавания, через нее сообщалось, как бы сигнализировалось о том, что было обретено многими, но не могло быть выражено по своей иррациональной сущности. Одинокие искатели потаенных кладов через искусство протягивали друг другу руки, находили общий путь. В свою эмоциональную символическую лирику, такую личную (всегда о себе) и в то же время близкую современникам, Блок замыкал их сокровенные устремления. Казалось, что души Поэта и его читателей слились в одно и уже не могло быть иных символов-слов для выявления их тайной воли.

II

<Из работы о лирике А. Блока>

Мы живем под знаком лирики, стихи для нас магичны. Закрывают черную рожу мрака, и мы знаем, что нам суждено встретиться и, может, будет поражение. Оттого грусть, светлый стяг над нашими полками не взвоется никогда.⁹ Наш Китеж. И странное чувство, невыразимая прелесть, нам раскрытая, такая хрупкая, женственная. Она будет уничтожена, но это здесь, а там — мы придем к ней, не в потустороннем <мире>, мир един и звучит небывалой музыкой: легкий, доселе не слышанный звон. Это в другом аспекте. Внешне нигилизм. Отрицание семьи, чувства рода, брака, государства, положительной религиозной догматики, это всё как отмирающая скорлупа, из нее возникает небывалое. Активная вражда к носорогу. Носорог — это тот, кто утверждает себя, пожирая. Это и в мысли, в науке, в искусстве — есть носорожье искусство,

⁸ Перефразируются строки из стихотворения Тютчева «День и ночь».

⁹ Цитата из стихотворения А. Блока «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» (1908), из цикла «На поле Куликовом». У Блока: «Светлый стяг над нашими полками Не взвоет больше никогда».

например, Арцыбашев,¹⁰ — в быту, в отношениях к людям, и больше всего — в половой сфере. Взять женщину. Мужской и прямо сексуальный подход к ней — это не разврат, это природно-естественный принцип пожирания. Подходя к красивой гордой девушке, носорог чувствует: ты моя самка, и берет ее своим желанием. В женщинах есть ответное, и, если оно заговорит, — всё кончено. Вместо преобразования — половое притяжение, покорность жизни, уничтожение самого ценного; носорог убивает красоту. Мы классифицировали: носорог сознательный, носорог-садист — не так страшно, с ним можно бороться, он выявлен и уже разложен, притом уязвим. Страшнее примитив, для которого это естественная функция, — он и не знает, что может быть иначе. Не черт, а вроде ящера третичной эпохи — это настоящий. <...> Но влечение вверх исчезает, и гаснет свет небывалого, она статична, это смерть. И вот наше чувство — не останавливаться ни на мгновение, в любви как в творчестве, постоянное напряжение, искание новых, небывалых форм, воплощения и преодоления их новой, еще большей ценностью; моя гордыня повелевает, чтобы я был больше того, что я есть, больше того, что я взял, лучше потерять взятое, лучше потерять самого себя, чем окопаться и сидеть на нем, огораживаясь путами привычных связей. Любовь есть, пока со мной дух эроса, пока я чувствую самую любовь как драгоценность, живое существо небывалой прелести, оно растет, раскрывается, и в раскрытии начинают падать пелены. Внешний мир, другие уже прозрачны, звучат ответно — уже не я, а мы. Углубленное чувство жизни, и за всем ясно сквозит ее лик. Эта любовь — дело, творческое преобразование мира в красоту, освобождение Ее из плена эмпирики. Может, это призрак, и романтическое чувство — только приманка для иных природных функций, как оперение у птиц. Не всё ли равно. Это есть в нас, и оно прекрасно, оно уже общее. Не первый раз человек идет новыми, еще не проложенными путями, и те, кто творили жизнь и культуру, всегда шли к неизвестному, а не сидели на готовой полочке. Человек сам творит себя, и нет предела раскрытию. Кто сказал, что потенциальная возможность раскрытия нашей ценности и силы имеет границы? Половое чувство — единственное, которое соединяет не внешней интеллектуальной связью, а внутренним полным единством. Оно стихийно, носорожье — это его обратный атавистический поток, восходящая любовь — это, как во всяком творческом порыве, переход к новым выявляниям от единения животного к раскрытию и утверждению духа. Любовь — новая форма познания.¹¹ Мы духовно настолько

¹⁰ Подразумевается роман М. П. Арцыбашева «Санин» (1907), герою которого присуще отрицание нравственных норм.

¹¹ Здесь и далее автор следует работам В. С. Соловьева «Смысл любви» (1894) и «Оправдание добра» (1897).

выросли, что уже томимся в нашей отграниченности, мы хотим расширяться, мы хотим не знать, не воспринимать окружающее в себе, а быть в нем. Всеединство — вот цель любви. Это не дуализм духа и плоти. Мы не хотим бесполой любви христианства, мы хотим, чтобы при небывалом нарастании напряжения любви сама плоть расплавилась, раскрылась, слилась с духом, стала абсолютно прекрасной. Намеки на это есть в каждой настоящей любви. Аналогия, ведь это можно передать только косвенно, символом, оно невыразимо. Как всякая еще не реализованная реальность, переход при нагревании тела в жидкое, газообразное состояние, а дальше деформация молекул, внутриаомное разложение и освобождение внутриаомной энергии. Разве не может быть того же в нашем душевном мире, и разве не может дух при его росте стать творящей силой не в изображении, а в сущности. Чудо Пигмалиона.¹² Чудо рождения мира в красоте. Раскрытие вечно женственной сущности мира. Почему эта мечта от философии александрийцев. Плотин¹³ проходит непрерывной нитью через мистические учения средневековья: расцвет — XIII век, культ прекрасной дамы, культ мадонны, и в XIX веке период романтики, и у нас декадентство, символизм. И во все эти периоды знали больше, чем говорили, знали в чувстве, в делании. Слова мертвы, только искусство говорит об этом, но только для тех, у кого есть отзвук, кто, по выражению Вячеслава Иванова, воспринимает не унисоном психологической поверхности, а контрапунктом душевной глубины.¹⁴ У нас есть чувство обреченности, мы узнали, поняли и полюбили наш путь, но мы не дойдем до конца, пионеры всегда гибнут. Наша гибель страшнее смерти, для тех, кто почувствовал прикосновение любви небывалой и отдался ей после поражения. Жизнь обычная — невыразимое страдание, черная ночь полного одиночества и мрака, ведь человеческое уже чуждо. Невыразимое зрелище торжества носорога и боль за Нее, распинаемую, пожираемую темной, тупой силой. Это наша расплата. Ее знал Блок: «Дева света, где ты, донна Анна. Анна, Анна — тишина».¹⁵ Об этом знали все поэты того времени, и от этого они гибли. Смерть Блока, ужас Андрея Белого: Москва под ударом.¹⁶

¹² Пигмалион — в др.-греч. мифологии царь Кипра, избегавший «земных» женщин и влюбившийся в изваянную им из слоновой кости статую прекрасной женщины. Статую по его мольбе оживила Афродита.

¹³ Плотин (204/205–270) — греческий философ-платоник.

¹⁴ Из «Мыслей о символизме» Вяч. Иванова: «...заставить самую душу слушателя петь со мной другим, нежели я, голосом, не унисоном ее психологической поверхности, но контрапунктом ее сокровенной глубины...» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 4; То же // Иванов В. И. Борозды и межи. М., 1916. С. 148).

¹⁵ Из стихотворения «Шаги командора» (1910–1912).

¹⁶ «Москва под ударом» — роман Андрея Белого (вторая часть трилогии), вышедший в 1926 г.

И удар был. Война четырнадцатого года, проявления и раньше. Распутин, страшная темная сила пола, темная колдовская мистика, поднимающаяся из народных низов. «Серебряный голубь» Андрея Белого,¹⁷ хлысты, а в культурной среде утонченный разврат, наслаждение извращенности, сатанизм. А в пределе тяга к примитиву; в Распутине привлекало и то, что он мужик и хам. Есть необычайная сладость в потере ценного, когда отдаемся и нисходим. От этого наслаждение становится беспредельным, и нужен контраст. В узко сексуальной среде, когда в нее вступает человек с даром иной любви. Уничтожение этого иного, сведение к одному дает огонь небывалой яркости и силы. Это как-то понятно, так и должно быть, ведь всё напряжение, творческая воля к неизвестному прорывается в уже данное, это поток воды в прорвавшейся плотине. И, когда началось, не остановится, пока не смочет всего до конца, тогда или статика опустошенной души как сон, или новое восхождение. И чем ближе свет, чем выше подъем, тем возможнее и страшнее эти прорывы и тем они соблазнительнее. Злая и страшная красота уничтожения. <...> Человек, прошедший путь восхождения, в жизни чувствует острее. Этот путь точно заряжает для жизненных эмоций потрясающей силы. При этом он жизненно беззащитней; ведь он был уведен от жизни и не выработал в себе средств самозащиты: цинизма, шкурности, хитрости, инстинктивного недоверия, осторожности, здравого смысла; потому он сильнее подпадает под удары и острее их воспринимает. Страсть у Блока. Этот страшный размах падения обозначился перед войной. <...> Война — это начало конца, это как в любви. Напряжение культурного, духовного роста прорвалось в страшной разрушающей силе. Но вершины не выдержали, человек исчез. Остались массы, муравейник. С тех пор пошли в ход массы, раньше были люди. С этого времени мы стали эмигрантами. И действовала усовершенствованная мясорубка. Не хочу говорить о войне. Я знал, что от нее надо уходить, Джаксону,¹⁸ кажется, говорил, что самое ценное не наиболее прочно; напротив, оно хрупко и нежно, как ребенок или молодое растение. Война сожрала ценное, осталось зверье. Кровавые закаты, запах гари. Страшная толпа на улицах. Что-то русское, мужицкое, как Ходынка, что-то от погрома. Люди как икра, а на тупых лицах — ужас. Были красивые жесты в начале, потом — только скука и тупое бессмысленное страданье. Чудовище Россия, Российская империя сожрала личность, жило только государство — это осталось до сих пор. Гипертрофированное государство. Потом и оно само стало раз-

лагаться, потому что в нем нет мысли, воли и нет органического роста. Это мертвое чудовище, оно и несет только смерть. Мы тогда говорили, что это конец культуры, дальше обрастем шерстью, будем бегать на четвереньках и грызться за пищу и самок. Это пришло почти. Во время войны умерла интеллигенция, исчезла общественность, рухнула религия.

Еще о дендизме. Это органическое отрицание хамства, это целомудренная гордость своей красотой. Щит, который ее закрывает. Прекрасное и умирать должно прекрасно, когда всё уже потеряно. Не визжи и не пресмыкайся. Всегда сохраняй свой лед и холод, это охрана целомудрия, прекрасного. Важно не что делать, а как делать, ибо сущность выражается не в фактах и событиях, а в их оформлении. Величайший подвиг можно совершить в такой психологической мотивации, что затошнит. Дендизм — отрицание трусости, дисциплина, его оружие — Юмор и Ирония. Сдержанность в словах и жестах и в то же время легкость. Это сознательное оформление прекрасного в себе самом и во всех своих проявлениях. Конечно, дендизм предполагает огромное внутреннее содержание и страшное напряжение, иначе это только маска, под которой ничего нет. Петербург-город — это воплощение дендизма: строгий, стройный вид, Невы державное течение,¹⁹ а ведь под этим Достоевский и вся страшная мистика города. Петербургский символизм не был криклив, как московский: «Мир искусства», «Аполлон»,²⁰ во всем лик Аполлона, строгие пластические формы архитектуры, корректность и сдержанность в манерах, в переживаниях. Очаровательные женщины, девушки, денди. Женский дендизм я встречал не часто, а он всего нужнее. В женском больше эмоциональной глубины, но нет четкости, женщина легче уходит, в ней атавистические течения сплетаются с новыми веяниями: так легко прекрасная культурная девушка обращается в самку-жену, уходит вся в материнство. <...>

Наша культура и искусство точно преображают жизнь, мы живем уже в ином, в жизни мы скептики-денди. Мой кружок: Шнакенбург — рыцарь прекрасной дамы, барон фон Гринвальдус;²¹ маленький злой трусливый Джаксон — точно заостряет с другой стороны: «я люблю черта, потому что он будит душу». Вальтер — хорошенький ловкий мальчик, необычайно легкий и точно лишенный страха; чего-то у него нет, чем держит жизнь? — умереть так же легко, как поцеловать красивую девушку, а легкость романа точно поездка на острова в туманный осенний петербургский день на хорошей лошади; внешняя четкость. Мне

¹⁷ Роман Андрея Белого, напечатан в 1909 г. Его герой сближается с хлыстовской сектой и гибнет от рук сектантов.

¹⁸ Приятель Каменского, возможно, — его соученик по Тенишевскому училищу Михаил Николаевич Джаксон (окончил училище в 1910 г.), о нем см. в Приложении 7.

¹⁹ Строгий, стройный вид... течение — из поэмы Пушкина «Медный всадник».

²⁰ «Мир искусства» (1899–1904), «Аполлон» (1909–1917) — петербургские художественные журналы.

²¹ Герой «Немецкой баллады» Козьмы Прутков.

нравился Вальтер.²² <...> Оформлялась идеология. Рождение в красоте — это любовь восходящая. Любовь как сила преобразования жизни и как высшая форма творчества искусства. Отрицание внешней рационалистической воли и утверждение воли интуитивной; смутное напряженное ожидание Ее явления и намеки на него, чувство невидимой, но реальной близости; Прекрасная Дама всегда со мной. Странное знание, что в нас воплотилась вершина культуры, что мы близимся к пределу, за которым либо смерть, либо новая жизнь.

Ходим в белые ночи по петербургским улицам и ждем встречи небывалого. Внешне всё четко — холодный гранит, дендизм, Петербург, его дисциплина. О главном не говорится или говорится символически, близость во взаимном понимании главного, целые ночи общения без слов. Ощущение огромной внутренней ценности и мечта о ее раскрытии в любви небывалой, тогда будет как у Блока: «полечу я с восторгами птицы, оставляющей перья в пути».²³

III

Первое свидание²⁴

Первое свидание (употребляя выражение Соловьева)²⁵ было, вероятно, на Пасху в деревне (Лядно) в 1905 или 1904 г. Как всегда, на Пасху

²² О приятелях Каменского Шнакенбурге и Вальтере нам не удалось получить сведений. О Джаксоне см. примеч. 18.

²³ Из стихотворения Блока «Очарованный вечер мой долог...» (1903).

²⁴ Следующие четыре фрагмента составляют цельную часть плана конца 1940-х — начала 1950-х годов. «Первое свидание» приводится по рукописи «Три свидания» (1940-е годы). «Второе свидание», «Предки», «Детство. Петербург и Лядно» — по тетради начала 1950-х годов с дневниковыми записями и набросками воспоминаний, в которой эти главки составляют цельный блок. В окончательной редакции воспоминаний о детстве и Лядно (1953) содержится следующее авторское отступление:

«Подумал сейчас, зачем я пишу о прошлом. Для чего закреплять воспоминания. Может, в старости, когда нет настоящего, цепляешься за прошлое, чтобы сохранить его. А оно исчезает от безгранично уходящей в неизмеримую даль жизни, осталась только горсть мелкого песка, ускользающего между пальцами —

*А вечность как морской песок,
Он осыпается с телеги,
Не хватит на кули рогож,
И, недовольный, о ноче
Монах рассказывает ложь.*

Я не знаю, всегда ли так изживается жизнь, я не чувствую старости как органического периода, как органично пришла и расцвела юность».

²⁵ Автор проводит аналогию с поэмой В. С. Соловьева «Три свидания» (1898).

много приезжих, студенты — товарищи Андрейки, Васи,²⁶ девушки-курсистки, братья, сестра, Успенские.²⁷ Кто-то приехал из соседей. Пасхальный стол с цветами гиацинтов. Вечером по другую стороны речки Ляденки. Против дома играли в рюхи; кто-то ушел на тягу. Может быть Левушка, мой брат.²⁸ Снег сошел, и местами уже немного проступила зелень. А в ямах в тенистых местах лежит грязно-синий снег. И весенняя дымка. Это хорошо у одного поэта:

*На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.²⁹*

Во всех канавах журчит вода, маленькие водопады, и к вечеру это журчанье сливается с отдаленным бормотаньем тетеревов. Какая-то птица повторяет одну фразу: не забудь, не забудь. Иногда нежной эоловой арфой дрожащий звук бекаса. Играть в рюхи кончили и разошлись. На другом берегу сквозь ветви сада — очертания дома и еще неяркие огни в окнах.

Я сижу на берегу разлившейся речки (Ляденки). У самой воды, быстро бегущей; местами крутни, проплывают щепки, последние маленькие льдинки, и монотонное журчанье со звоном льдинок и водяным шорохом.

Я не помню, был ли я влюблен в кого-нибудь. Но была общая влюбленность, с весенним влечением куда-то, со смутной надеждой небывалого. Я писал тогда:

*Будет манить, как прежде,
Ласковой далью весна,
Робкой и грустной надежде
Снова душа предана.*

И я чувствовал всё во мне и вне меня³⁰ единым, выражающим одно. Никакого волнения. Может быть, задумчивая грусть, одна. Я сидел на восток лицом, небо уже темнело, и на нем просквозило Ее лицо и точно приблизилось ко мне вместе с вечеряющим небом. Воспоминания

²⁶ Братья Юрия, Андрей (1869–1942) и Василий (1873–1946).

²⁷ Дочери Г. И. Успенского: Вера (род. 1877), Мария (род. 1879), Ольга (род. 1881).

²⁸ Лев Андреевич Каменский (1876–1940).

²⁹ Начало стихотворения О. Манделштама (1909).

³⁰ Перефразирован стих Тютчева «Всё во мне, и я во всём!» («Тени сизые смешались...», 1835).

воспоминаний, оно было нежное, как постель, очень юное, и задумчивое, и улыбочное, — только это всё не так, то, что я пишу, — условные намеки.

Второе свидание

Кажется, весна 1923 г. Мне 34 года. Петербург эпохи нэпа. Внешне у меня крайний упадок, квартира на 5-й линии (Саломей) ликвидирована,³¹ не служу с 22-го года, иногда продаю какие-то вещи. Ночую у Полины,³² у Каменских (Л. А.),³³ а иногда просто на улице. Сплошная канитель и пьянство с Валея³⁴ <...> И тем не менее внутренне большое утверждение себя. Только смущает теневое существование. Ничего эмпирического. Бываю у Полины, у Радлова Н. Э.,³⁵ у Эльзы,³⁶ у Анатолича,³⁷ у Кабецкого,³⁸ с Валея во всяких дебрях. Иногда реставрируюсь у Каменских.

Свадьба Кабецкого и Тамары в Европейской гостинице. Прекрасный номер Кабецкого в 1-м этаже. Еще сохранились заграничные вина, выдержанные, хорошая кухня, банкет. Запомнился Ходотов,³⁹ которого я видел в первый раз, песни под гитару. Его глазки голубые на свет божий не глядят.⁴⁰

³¹ Саломея Николаевна Андреева (урожд. Андроникова; 1888–1982), адресат стихотворения О. Мандельштама «Соломинка». Уехала из Петербурга в Алушту в июне 1917 г. и затем эмигрировала. В ее квартире (Васильевский остров, 5-я линия, 62, кв. 5) жили с зимы 1918/1919 года коммуной: Наталья Владимировна Гвоздева (урожд. Шумкова, во втором браке Султанова, 1895–1976), ее муж Алексей Александрович Гвоздев (1887–1939), В. В. Васильев (см. ниже) и его жена Ольга Константиновна Васильева (урожд. Афанасьева, во втором браке Васильева-Шведе, 1896–1987), Ю. А. Каменский, художник Василий Иванович Шухаев (1887–1973) и его жена Вера Федоровна Шухаева (урожд. Гвоздева, 1897–1979).

³² Подруга В. В. Васильева.

³³ Т. е. в семье брата, Льва Андреевича Каменского.

³⁴ Валентин Венедиктович Васильев (1895–1928), моряк службы связи Балтфлота; муж О. К. Васильевой.

³⁵ Радлов Николай Эрнестович (1889–1942), художник, в описываемое время сотрудник Института истории искусств.

³⁶ Жена Н. Э. Радлова, Эльза Яковлевна Радлова (урожд. Зандер; 1887–1924), художница.

³⁷ Владимир Анатольевич Яковлев, друг семьи Тагеевых (женой Михаила Леонидовича Тагеева была сестра Юрия Ольга). По профессии химик.

³⁸ Кто именно был Кабецкий, нам не удалось установить. По деталям рассказа о его свадьбе можно предположительно отождествить его с дипломатом Михаилом Вениаминовичем Кобецким (1881–1937).

³⁹ Ходотов Николай Николаевич (1878–1932), актер; создатель нового вида мелодекламации.

⁴⁰ По-видимому, цитата из исполнявшегося Ходотовым романса; текст нам не удалось разыскать.

Радловы, Эльза, Паллада,⁴¹ журналисты, поэты и т. д. Возвращаюсь домой вечером. Кажется, апрель; ясный тихий вечер. Сел на скамейку в Летнем саду. Адмиралтейство еще не закрыто зеленью. Думал о нем и об идеях Платона.⁴² Если здание исчезнет, идея останется. И точно увидел Адмиралтейство в идее, она не отделялась от здания, а точно обволакивала его. Как Душа.

Вспомнил обложку Добужинского к «Мечтателям». Поэт-денди в цилиндре, крыши Петербурга и на облаках Боги.⁴³ Петербургский классицизм: Бывало, Боги-женолюбцы вниз по закатным янтарям, из тучи выставив трезубцы, сходили к нашим матерям.⁴⁴ А Адмиралтейство, «как плуги брошены, ржавеют якоря, и вот расторгнуты трех измерений узы и открываются священные моря».⁴⁵

Полная легкость и гротеск богемы. Деревья Александровского сада в ажурных ветках и только что раскрывающейся листве. Цветы на стебельках, ветреница-медуница выросла прямо из земли, еще нет зелени.

Листо-жемчужно-серый весенний покров вечера, весенне юный и старинный, а шпиг Адмиралтейства озарен солнцем. Мысли о ней и ощущение полной легкости и возможности всего. И вот начало воплощаться: люди-фигурки ходят на близких аллеях-дорожках большие, на дальних — маленькие, но нет близкого и далекого, и одинаковая четкость, как на картинах раннего Возрождения. Просьба прийти Ей, и знание возможности вещей обличения невидимых.⁴⁶ Вот женщина приходит с грудным ребенком. Попросил (молча) сесть ее рядом и оказать свое. Села, стала кормить ребенка. Эрмитажная мадонна Лита. И еще узнаю души-Психеи как весенние цветы прямо из земли без листьев. Она стала передо мной на дорожке, в свете не ярком, а весеннем жемчужно-

⁴¹ Богданова-Бельская (Дерюжинская, Педди-Кабецкая) Паллада Олимповна (1887–1968) — поэтесса, известная участница жизни петербургской литературно-художественной богемы в 1910-е годы. О ней см.: *Парнис А. Е., Тищенко Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник-1983. Л., 1985. С. 253; *Тищенко Р. Д.* Богданова-Бельская <...> // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 299.

⁴² Идеи у Платона — идеальные сущности, лишённые телесности и являющиеся подлинно объективной реальностью, находящейся вне конкретных вещей и явлений; составляют собой идеальный мир.

⁴³ По описанию судя, подразумевается журнал «Записки мечтателей» (1919–1922), обложка работы А. И. Головина.

⁴⁴ Неточная цитата (с переменной мест стихов) из поэмы Андрея Белого «Первое свидание».

⁴⁵ Из стихотворения О. Мандельштама «Адмиралтейство» (1913), цитата не вполне точная.

⁴⁶ ...вещей обличения невидимых. — Из Послания Св. апостола Павла К Евреям (11: 1) в церковнославянском переводе: Есть же вера уповаемых извещений, вещей обличения невидимых.

голубом, и чувство вечного и древнего и юного, как весна, и полнота без нервной восторженности. Красота абсолютная, Реальность бóльшая всего, что когда-либо было. Я видел ее и воспринимал зрением, но как-то особенно — не глазами только, а всем существом. При полной ясности и раскрытии — всего не помню или не видел, обнаженная она или в одежде. Вероятно потому, что обнаженность естественна, как одежда. <...> Как она закрылась внешним миром — не знаю, не помню. Во мне более чем раньше осталось ощущение ее присутствия, знание невыразимое себя во всем и своего пути, грусти и радости вместе.

*Это полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На лугу, на зеленой поляне,
Неразрывный и радостный круг.⁴⁷*

IV Предки⁴⁸

Их портреты висели в Лядне в кабинете отца и в ситинг рум (комната, где сидят). Дедушка Василий Павлович — портрет, масло, вьющиеся волосы, опущенные книзу усы, восточные глаза. Он же на картине

⁴⁷ Из стихотворения Блока «Пляски осенние» (1905), цитата не вполне точная.

⁴⁸ По линии матери Ю. А. Каменский был правнуком выходца из Вены Леонтия Ивановича Чермака (1770-е гг. — ?), в пансионе которого в Москве обучался Ф. М. Достоевский. Дедом Юрия был Карл Леонтьевич Чермак (1809–1889), многие годы проработавший на педагогическом поприще в Баку, где он и познакомился с Андреем Васильевичем Каменским, отцом Юрия. Женой Карла Леонтьевича (с 1841 г.) была Софья Яковлевна Грегориус (ок. 1825–1894). Их дочь, мать Юрия — Леонтина Карловна Чермак (1848–1918). В 1887 г. Карл Леонтьевич приобрел по соседству с Лядном имение при деревне Крутик (Чермак. С. 43).

Род Каменских происходил из Польши. Согласно семейному преданию, в Россию переселился Федор Пантелеевич Каменский, он и был автором упоминаемой Ю. А. рукописи. Его сын Павел Федорович, военный, был прадедом Ю. А. В комментируемой главе упоминаются его дети: Василий Павлович (дед Ю. А.), Константин Павлович (биографических сведений о нем нам не удалось получить), Федор Павлович, Павел Павлович (см. ниже), Гавриил Павлович (другой Гавриил Павлович — «дядя Ганя» — был сыном Павла Павловича Каменского, об обоих справки даны ниже).

Отец Юрия, Андрей Васильевич (1843–1913), воспитывался в Англии, в семье своего дяди Гавриила Павловича (см. ниже). Был флотским инженером. В 1860-е годы служил в Баку. Через 6 лет после женитьбы вместе с семьей переехал в Петербург (1874). Там он познакомился с Г. И. Успенским и с тех пор входил в ближайшее окружение писателя. Вышел в отставку в должности главного инженер-механика флота, с чином титулярного советника, был кавалером ордена Св. Князя Владимира.

Брюллова «Запорожцы на приеме у Екатерины II», в жупане. Фотография бабушки — мать отца⁴⁹ (никогда ее не видел), акварель, написанная, кажется, ее сестрой; две миниатюры прадедушек во фраках с торчащими из-под высоких воротничков уголками воротничков.⁵⁰ Масса фотографий, бабушка со стороны матери Софья Яковлевна, мать в длинном платье с тренем.⁵¹ Дедушка со стороны матери Карл Леонтьевич и много, много старых фотографий общественных и революционных деятелей, близких людей отца и матери. Успенский Г. И.,⁵² Веймар О. Э., увезший Кропоткина,⁵³ красавица Виктория Ивановна Ребиндер⁵⁴ и много других, забытых мною; у дам длинные с тренем платья, кружевные воротнички и манжеты. Мужчины с баками — тесные фраки и сюртуки, с широкими светлыми брюками. Темный фон фотографий. Еще больше предков в версте от нас в доме дяди Гани:⁵⁵ бабушка Мария Федоровна,⁵⁶ а ее отец, Ф. Толстой,⁵⁷ — художник эпохи Александра

⁴⁹ Мария Андреевна Шестакова (Тагеева. С. 4, паг. 2-я).

⁵⁰ Так в тексте.

⁵¹ Трен — то же, что шлейф.

⁵² Успенский Глеб Иванович (1843–1902) — писатель. Был лично близок к народовольцам и деятелям народнического движения Н. К. Михайловскому, П. Л. Лаврову, Д. Н. Клеменцу, С. М. Кравчинскому, В. Н. Фигнер и другим; в 1880, по воспоминаниям И. И. Успенского, на квартире Г. Успенского в Петербурге прошло совещание боевой организации «Народной воли» (Летописи Государственного Литературного музея. М., 1939. Т. 4. С. 360). Многие народовольцы бывали в доме Успенского в Сябренницах и у его приятеля А. В. Каменского в Лядно. Дети Успенского (вскользь упоминаемые Ю. А. Каменским ниже) принимали активное участие в деятельности боевой организации эсеров, Вера Успенская как раз в описываемое Ю. Каменским время (1904–1906 гг.) была женой Бориса Савинкова, см.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. Л., 1990 (по указателю имен).

⁵³ Веймар Орест Эдуардович (1845–1885), врач, владелец ортопедической клиники в Петербурге; друг П. А. Кропоткина, организатор его побега из тюремного госпиталя (1876), см.: Кропоткин П. А. Записки революционера / Послел. и примеч. В. А. Твардовской. М., 1990. С. 336, 351. Арестован 3 апреля 1879 г., содержался в Петропавловской крепости. Военно-окружным судом 14 мая 1880 г. приговорен к 15 годам каторги. Умер на Каре. По свидетельству Л. К. Чермака, А. В. Каменский выступал на процессе О. Э. Веймара свидетелем со стороны защиты, отчего потерял службу (Чермак. С. 151).

⁵⁴ Ребиндер (урожд. Константинович) Виктория Ивановна (1846–1899/1900).

⁵⁵ Дядя Ганя — Гавриил Павлович Каменский (1853–1912), художник-пейзажист. Сын П. П. и М. Ф. Каменских.

⁵⁶ Каменская Мария Федоровна (урожд. Толстая; 1817–1898), писательница. Мать Гавриила Павловича Каменского («дядя Ганя»). См. статью О. Е. Бликиной: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 452–453.

⁵⁷ Толстой Федор Петрович (1783–1873), скульптор, гравер, медальер. Вице-президент Российской Академии художеств, почетный член Флорентийской Академии художеств; отец М. Ф. Каменской.

и Николая I. Его барельефы, воск и бронза. Предки для меня слиты с Лядном, народовольцами и историей Лядна. Но, конечно, они часть его, начиная с автора «Жизни, колеблющейся в счастье и несчастье, российского дворянина К.».⁵⁸ Эпоха семилетней войны, Елизаветы, Екатерины. По его запискам, написанных в виде писем к одному приятелю, К<аменские> — выходцы из Польши, попавшие в Россию при Сигизмунде III (Смутное время), шляхта. Почему-то ни у кого из них не было имений и крепостных, все служили, но особенно ничем жалованы не были. С самого начала Петербург. Чиновники мелкие, вроде Евгения в «Медном всаднике», или военные невысоких чинов. Автор «Записок жизни, колеблющейся...» после долгой военной службы попал городничим города Таганрога. По его описаниям, городничим, которые не воровали и не брали взяток, было весьма туго (оказывается, попадались и такие). Предок произнес населению Таганрога речь в духе Монтескье. Либеральный период начала царствования Екатерины (Новиков, Радищев). Выступление туманное и невразумительное. Последующие предки по рассказам дяди Гани: старший, Константин Павлович,⁵⁹ игрок, кажется, кавалерист; у многих тяготение к искусству, но увя — стиль Кукольника и отчасти Марлинского. Ф. Ф. Каменский⁶⁰ — скульптор. Но живут в долгах, как-то состоят при Публичной библиотеке или театрах. Богемный уклон. П. П. Каменский воевал на Кавказе, писал рассказы в духе Марлинского, преклонялся перед искусством, человек восторженный и сумбурный. О нем есть в записках Григоровича и Панаева. Женился на Толстой М. Ф. — дочери художника, отличался канительностью и гениальной способностью делать долги, был должен даже великанам, выступавшим в балагане на Марсовом поле.⁶¹ О моем деду Василии Павловиче ничего не знаю. Впрочем, красил <...> носки <...> голландского полотна.⁶² Из поколения моих предков (дедов) карьеру сделал только один Гавриил Павлович. Что-то преподавал в доме Бороздиных или репетировал. Женился на дочери генерала Бороздина. При Николае I и Александре II был экономическим представителем России в Англии. Написал книгу — что-то вроде «Богатства народов», пробовал

⁵⁸ Автор — Федор Пантелеевич Каменский (*Тегеева*. С. 1, паг. 2-я). Местонахождение рукописи ныне неизвестно.

⁵⁹ Биографических сведений о К. П. Каменском нам не удалось получить.

⁶⁰ Каменский Федор Федорович (1836–1913), скульптор, академик живописи; двоюродный брат А. В. Каменского.

⁶¹ Каменский Павел Павлович (1810–1871) — отец Гавриила Павловича («дяди Гани»). См. о нем статью А. И. Рейтблата: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 459–460. Его жена — Мария Федоровна Каменская, см. примеч. 56. О его «гениальной способности делать долги» см.: *Григорович Д.* Литературные воспоминания. М., 1987. С. 71–72.

⁶² Несколько слов в этой фразе неразборчивы.

я ее читать, но увял немедленно.⁶³ Не знаю, была ли у кого-либо из предков связь с декабристами, думаю, что не было; декабристы принадлежали к более аристократической военной среде. Мои предки смахивают на разночинцев. Ведь Пушкин презирал Кукольника и проч. не только по литературным мотивам, но как аристократ-денди — личности дурного тона.⁶⁴ Подозреваю, что мои предки хорошим тоном не блистали. Но все время Петербург. Богема, искусство, хотя бы и второстепенное, — это наложило особую печать.

V

Детство. Петербург и Лядно

В Петербурге помню себя лет 4-х–5. Живем на Васильевском острове. С тех пор помню особый запах Петербургских лестниц. Сырость, кухонный чад и еще что-то. Запах субстанции города. На дворах сажени березовых и осиновых дров. Снег ранний талый, самое притягательное — Исакиевский собор поднимается золотым куполом и темным гранитом ложится над домами за Невой, когда иду гулять с кухаркой Варей, всегда ищущего его.

⁶³ Гавриил Павлович Каменский (1824–1898) — экономист. По справке в словаре Брокгауза и Ефрона, «окончил курс в Петербургском университете. С 1848 г. состоял агентом русского мин. финансов в Лондоне; должность эту занимал до самой смерти; был комиссаром русских отделов на международных выставках в Англии и делегатом на разных конференциях, касавшихся торговых сношений России с Англией и другими европейскими государствами. Помещал много статей в лондонской газете «Times» и в русских изданиях». Издал исследование: Государственное хозяйство Англии за шесть лет управления тори 1887/88 — 1892/93 гг. СПб., 1895. Был женат на дочери генерала Николая Михайловича Бороздина (1777–1830) Наталье Николаевне. Упоминаемая Ю. А. Каменским книга: Новый опыт о богатстве народном / Гавриила Каменского, бывшего агента Министерства финансов в Лондоне. СПб., 1856.

⁶⁴ *Пушкин презирал Кукольника.* — Что лежит в основе данного суждения автора, нам не удалось выяснить. Об отношении Пушкина к Н. В. Кукольникову см. в статье Н. Г. Охотина, А. Г. Ранчина: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 215.

Выпускники Тенишевского училища
(1905–1912)¹

Приложение 7

Первый выпуск (1905)

1. Альмединген Борис Алексеевич (род. 1887)
Впоследствии художник театра, живописец и архитектор. Ум. 1960.
2. Максимов Андрей Васильевич (род. 1887)
3. Монтвиж-Монтвид Виктор Эдуардович (род. 1887)
Правильное написание фамилии: Монвиж-Монтвид. Впоследствии экономист, статистик. Был женат на сестре выпускника училища Б. Б. Синани. Ум. ок. 1946.
4. Соколовский Виктор Иосифович (род. 1887)
5. Сувчинский Борис Корнилиевич (род. 1887)
6. Шнитников Борис Николаевич (род. 1886)
Окончил Политехнический институт. После Октября в эмиграции вместе с отцом и братом В. Н. Шнитниковым (см. ниже). В 1918 — представитель Русского торгового флота в Гонконге. Жил в Париже, Лондоне, США. Муж художницы Л. Е. Чириковой. Автор казахско-английского словаря. Ум. 1961.

Второй выпуск (1906)

7. Ивашкевич Борис Анатольевич (род. 1889)
Окончил СПб. Лесной институт (1913). Впоследствии специалист по лесоведению и лесоводству, профессор. Ум. 1936.

¹ В первом абзаце приводятся данные аттестата по архиву училища (Ф. 176. Оп. 3). Во втором — краткие справки о жизни и деятельности. Предположительные сведения предваряются знаком звездочки (*).

Читателей, имеющих дополнения или поправки к данным этого раздела, просим сообщать по адресу agmets@mail.ru с пометой: Тенишевское училище.

8. Наливкин Дмитрий Васильевич (род. 1889)
Впоследствии геолог и палеонтолог. Академик АН СССР (1946). Ум. 1982.
9. Неведомский Николай Константинович (род. 1888)
10. Пертель Борис Владимирович (род. 1888)
11. Пётрович Андрей Всеволодович (род. 1888)
12. Поземковский Владимир Михайлович (род. 1890)
*В дальнейшем офицер Семеновского полка, после Октября — бухгалтер. Дядя композитора Никиты Богословского. Выслан в Оренбург в 1935. Расстрелян в 1937.
13. Путвинский Дмитрий Антонович (род. 1888)
14. Рубакин Александр Николаевич (род. 1889)
Впоследствии врач, писатель. Автор книги воспоминаний «Над рекою времени» (М., 1966). Ум. 1979.
15. Шнитников Всеволод Николаевич (род. 1889)
После Октября в эмиграции вместе с отцом и братом (см. выше).

Третий выпуск (1907)

17. Аршаулов Олег Вадимович (род. 1887)
Получил специальность инженера. После Октября в эмиграции вместе с отцом. Ум. 1954. Отец — Аршаулов Вадим Павлович (1859–1942), видный инженер, изобретатель; преподаватель Института путей сообщения и Технологического института.
18. Зарубин Леонтий Константинович (род. 1889)
19. Каменский Юрий Андреевич (род. 1889)
Родился, по другим данным, в 1888. Окончил Политехнический институт, работал экономистом. Автор воспоминаний: Тыняновский сб. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. М.: Водолей, 2009. Ум. 1956.
20. Кан Макс (род. 1890)
21. Корсаков Иван Павлович (род. 1890)
Учился на романо-германском отделении ист.-фил. факультета СПб университета (окончил в 1913). После Октября в эмиграции (?). Отец, П. А. Корсаков (1847–1908), — юрист, депутат I Государственной думы.
22. Кошкарлов Борис Алексеевич (род. 1886)
23. Ляндау Феодосий Юлианович (род. 1888)
Брат К. Ю. Ляндау (см. ниже).
24. Мандельштам Осип Эмильевич (род. 1891)
Поэт. Ум. в пересыльном лагере в 1938.
25. Синани Борис Борисович (род. 1889)
Учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Ум. 1911.
26. Слободзинский Сергей Николаевич (род. 1889)

Четвертый выпуск (1908)

27. Барац Владимир Семенович (род. 1889)
28. Бобров Владимир Николаевич (род. 1889)
29. Бунаков Борис Алексеевич (род. 1888)
30. Валенков Владимир Николаевич (род. 1889)
После Октября в эмиграции. В 1960-е гг. жил в Западной Германии, работал учителем в гимназии. Ум. 1971.
31. Вольф Марк Адольфович (род. 1890)
Впоследствии инженер. Жил в Выборге (с 1918 г. на территории Финляндии). Ум. 1964 в Хельсинки.
32. Жирмунский Виктор Максимович (род. 1891)
Впоследствии филолог, известный ученый; академик АН СССР (1966). Ум. 1971.
33. Изнар Вадим Николаевич (род. 1890)
Сын инженера путей сообщения Н. Н. Изнара, автора воспоминаний; после 1920 в эмиграции (Вопросы истории. 2003. № 11. С. 85).
34. Ильин Георгий Алексеевич (род. 1891)
35. Кантакузин Юрий Павлович, князь (род. 1890)
По неуточненным данным, правильное написание его фамилии — Кантакузен, полное имя — Георгий.
36. Ляндау Константин Юлианович (род. 1890)
Впоследствии театральный режиссер. Эмигрировал в 1920. Автор воспоминаний: *Constantin Peter von Landau-Gruningen. Ruchtige Erinnerungen en Sergej Jessenin // Osteuropa. Stuttgart, 1966. Jg. 16. Hf. 9. S. 585–593.* Ум. 1969 в Бельгии.
37. Надежин Анатолий Алексеевич (род. 1889)
38. Надежин Вячеслав Алексеевич (род. 1890)
39. Нечволодов Георгий Платонович (род. 1889)
40. Покровский Корнилий Павлович (род. 1891)
Впоследствии гвардейский офицер, после Октября инженер. Адресат одного из посвящений в книге М. А. Кузмина «Форель разбивает лед». Муж А. Д. Радловой в 1926. Кончил жизнь самоубийством в 1938.
41. Померанцев Андрей Андреевич (род. 1890)
42. Рейнгерц Владимир Аркадьевич (род. 1890)
43. Тахтаров Валерий Михайлович (род. 1889)
44. Турба Орест Васильевич (род. 1888)
45. Фалевич Иван Войтехович (род. 1890)
46. Фербер Михаил Борухович (Борисович) (род. 1890)
47. Яковлев Владимир Николаевич (род. 1890)

Пятый выпуск (1909, 15 мая)

48. Балинский Владислав Казимирович (род. 1889)
49. Бартмер Андрей Петрович (род. 1889)
50. Бенуа Эдуард Юльевич (род. 1889)

51. Бершадский Родион Львович (род. 1889)
52. Галунов Иван Андреевич (род. 1890)
53. Гильбих Георгий Петрович (род. 1890)
54. Счастнев Сергей Сергеевич (род. 1891)
55. Гримм Сергей Оскарович (род. 1889)
56. Гойнинген-Гюне Владимир Николаевич (род. 1891)
*Впоследствии военный моряк, лейтенант (1915).
57. Дейзенрот Вильгельм Вильгельмович (род. 1888)
58. Дурнякин Анатолий Георгиевич (род. 1891)
59. Лучинский Владимир Владимирович (род. 1889)
60. Мейен Георгий Владимирович (род. 1890)
61. Ольшанский Борис Константинович (род. 1891)
62. Пржисецкий Антон Иосифович (род. 1889)
63. Трёмбовецкий Александр Христофорович (род. 1890)
64. Хренов Дмитрий Александрович (род. 1890)
65. Шателен Александр Михайлович (род. 1892)
66. Несмачный Георгий Ильич (род. 1891)
*Впоследствии военный, артиллерист. Находился в Кронштадте во время восстания в марте 1921 г.

Шестой выпуск (1909, 15 мая)

67. Афросимов Георгий Александрович (род. 1890)
*В 1959 г. находился во Франции.
68. Балабанов Александр Викторович (род. 1891)
*Ум. 1942 во время блокады Ленинграда.
69. Блох Яков Ноевич (род. 1892)
Впоследствии филолог; основатель издательства «Petropolis». С 1922 в эмиграции. Ум. 1968.
70. Витте Юрий Николаевич (род. 1891)
Впоследствии морской офицер, командир эсминца «Бесстрашный». В войсках Колчака с 1918. Попал в плен и расстрелян в 1920.
71. Вольф Марк Михайлович (род. 1891)
Впоследствии юрист, адвокат. После Октября в эмиграции. Ум. 1987 в Лондоне.
72. Даниэль Борис Евгеньевич (род. 1889)
73. Жарин Сергей Иванович (род. 1889)
74. Жуковский Алексей Михайлович (род. 1892)
После Октября в эмиграции. Ум. в Лондоне (сообщение М. М. Вольфа).
75. Козлов Петр Васильевич (род. 1889)
76. Леман Михаил Петрович (род. 1892)
77. Никольский Евгений Дмитриевич (род. 1891)
78. Розеноер Александр Михайлович (род. 1891)
79. Рубашев Ной Иосифович (род. 1891)
После Октября в эмиграции (сообщение М. М. Вольфа).

80. Соколовский Александр Казимирович (род. 1890)
81. Чемолосов Борис Степанович (род. 1890)

Седьмой выпуск (1910, 25 января)

82. Борман Аркадий Альфредович
Аттестат в архиве отсутствует. Имя установлено по «Записи аттестатов...» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 94). Даты жизни: 1891–1974. Сын А. В. Тырковой-Вильямс от первого брака. Активный участник белого движения. После 1920 в эмиграции.
83. Гейслер Александр Николаевич (род. 1892)
84. Голубятников Владимир Дмитриевич (род. 1892)
85. Горвиц Николай Михайлович (род. 1891)
86. Джаксон Михаил Николаевич (род. 1891)
В 1920-е заведовал Статистическим подотделом Учетно-экономического отдела Геологического комитета.
Арестован в 1928 по обвинению в принадлежности к контрреволюционной и шпионской организации. Приговорен к расстрелу, заменено на 10 лет лишения свободы. В начале 1930-х, оставаясь заключенным, работал в Особом геологическом бюро в Мурманске (см.: Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999).
87. Дурнякин Георгий Георгиевич (род. 1892)
88. Левинсон Арон Иосифович (род. 1890)
89. Ляховский Ефим Соломонович (род. 1890)
90. Пинес Иоахим Семенович (род. 1891)
91. Полунин Аркадий Павлович (род. 1889)
Учился в Политехническом институте и на юридическом факультете Петербургского университета. Ушел на фронт в 1914. Участник походов в Восточную Пруссию, Месопотамию и Персию. После 1920 в эмиграции. В 1923 вместе с М. М. Конради был привлечен к суду как соучастник убийства В. В. Воровского. Ум. 1933 в Париже при неясных обстоятельствах (см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин: Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2009. Т. 2. С. 459–460 и предшествующие).
92. Путвинский Иван Антонович (род. 1892)
93. Смуров Анатолий Антонович (род. 1891)

Восьмой выпуск (1910, 20 мая)

94. Ашешов Игорь Николаевич (род. 1891)
Впоследствии бактериолог и вирусолог. После 1920 в эмиграции. Ум. 1961 в Лондоне.
95. Беляев Николай Сергеевич (род. 1891)
96. Гориневский Георгий Валентинович (род. 1892)
Учился на физико-математическом факультете СПб университета, с 1912 — на архитектурном факультете Академии Художеств. Работал архитектором в Москве. Входил в «Орден тамплиеров». Арестован

- в 1937 по делу «Ордена света». В 1938–1942 в Ухтпечлаге и др. лагерях. В 1951 повторно арестован и сослан в Красноярский край, после освобождения жил в Крыму. Ум. 1966. Автор воспоминаний: *Путь*. 1993. № 3.
97. Захер Яков Михайлович (род. 1893)
Впоследствии известный историк. Ум. 1963.
98. Клойбер Николай Адольфович (род. 1892)
99. Копельман Ефим Соломонович (род. 1890)
100. Маркович Александр Львович (род. 1892)
101. Марсер Петр Павлович (род. 1891)
102. Михайлов Виктор Александрович (род. 1890)
103. Мокеев Александр Николаевич (род. 1892)
104. Островский Аркадий Владимирович (род. 1891)
105. Петерс Евгений Ричардович (род. 1892)
106. Розенталь Николай Николаевич (род. 1892)
Впоследствии доктор исторических наук, автор трудов по истории и научному атеизму. Автор воспоминаний (не изданы). Ум. 1960.
107. Ростовцев Георгий Николаевич (род. 1893)
108. Фон-Рутцен Александр Александрович (род. 1892)
*В советское время носил фамилию Рутцен. Впоследствии экономист. Расстрелян 1938 по обвинению в шпионаже.
109. Сапожников Сергей Алексеевич (род. 1891)
110. Скобельцын Дмитрий Владимирович (род. 1892)
Впоследствии видный физик-ядерщик, академик АН СССР (1946). Ум. 1990.
111. Федоров Сергей Петрович (род. 1892)

Девятый выпуск (1911, 27 января)

112. Аверин Иван Иванович (род. 1891)
113. Акерман Борис Александрович (род. 1892)
114. Бруни Николай Александрович (род. 1891)
Сын архитектора А. А. Бруни. Окончил С.-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано; поэт. Участник I мировой войны, летчик. Репрессирован (1934), расстрелян в лагере (1938).
115. Изъединов Юрий Львович (род. 1891)
*Вероятно, он же — князь Юрий (Георгий) Львович Дондуков-Изъединов (1891–1967) — поручик лейб-гвардии Гусарского полка. Воевал в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции во Франции. Ум. 1967 в Париже.
116. Коленкин Александр Александрович (род. 1893)
117. Котылев Виктор Александрович (род. 1891)
118. Леман Георгий Петрович (род. 1893)
119. Ратьков-Рожнов Владимир Александрович (род. 1893)
120. Тенчинский Феликс Люцианович (род. 1891)
121. Фалевич Фаддей Войцехович (род. 1892)

122. Шумков Владимир Владимирович (род. 1892)
Брат Наталии Владимировны Султановой (урожд. Шумкова). Погиб на фронте в I Мировую войну.
123. Эпштейн Георгий Григорьевич (род. 1890)

Десятый выпуск (1911, 15 мая)

124. Беляев Алексей Яковлевич (род. 1891)
125. Веселаго Георгий Сергеевич (род. 1893)
Окончил Политехнический институт, инженер-гидротехник. Участник строительства Волховской ГЭС, Днепровской ГЭС (награжден орденом Ленина). Гл. инженер «Главгидроэнергопроекта». Погиб в железнодорожной катастрофе в 1937.
126. Виррих Владимир Эрнестович (род. 1893)
Сын архитектора Э. Ф. Вирриха. Учился в Институте гражданских инженеров. Во время Первой мировой войны был послан в Америку для службы в Военной комиссии и затем поступил в Архитектурную школу Колумбийского университета. После Октября оставался в США.
127. Гаген-Торн Орест Оскарович (род. 1892)
128. Гассовский Георгий Николаевич (род. 1893)
*Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Добровольческой армии 1918–1920, штурман канонерской лодки «Терец». Лейтенант с 1920. В эмиграции во Франции. Ум. 1934.
129. Дьяконов Дмитрий Михайлович (род. 1893)
130. Журавский Владимир Александрович (род. 1893)
131. Измайлов Николай Васильевич (род. 1893)
Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. С 1924 — заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома. В 1929 арестован и в 1931 осужден по «делу Академии наук». В 1957 вновь назначен заведующим Рукописным отделом. Лауреат Пушкинской премии Академии наук СССР (1980). Ум. 1981.
132. Казин Юрий Петрович (род. 1893)
133. Каменка Георгий Борисович (род. 1894)
134. Капустин Николай Николаевич (род. 1892)
135. Коварский Лев Абрамович (род. 1893)
136. Конгейм Владимир Моисеевич (род. 1893)
137. Корольков Михаил Михайлович (род. 1891)
138. Кривошеин Николай Григорьевич (род. 1893)
139. Левинсон-Лессинг Владимир Федорович (род. 1893)
По другим данным, отчество — Францевич. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. Впоследствии известный искусствовед, сотрудник Эрмитажа. Ум. 1972.
140. Никольский Георгий Александрович (род. 1893)
Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. После Октября эмигрировал в Сербию. Нелегально вернулся в Россию, арестован, умер в тюрьме в 1922.

141. Першин Лев Борисович (род. 1893)
142. Покровский Владимир Павлович (род. 1893)
Брат К. П. Покровского (см. выше). Впоследствии гвардейский офицер. После Октября — инженер-гидролог. Ум. 1974.
143. Сувчинский Петр Петрович (род. 1892)
Впоследствии музыковед, общественный деятель. После Октября в эмиграции. Один из основателей политического движения «Евразия». Ум. 1985.
144. Трифонов Иван Николаевич (род. 1895)
145. Троицкий-Сенютович Николай Сергеевич (род. 1894)
146. Хортик Сергей Яковлевич (род. 1893)
147. Хохряков Александр Алексеевич (род. 1891)
148. Черемшанский Георгий Аполлонович (род. 1892)
149. Черепенников Иван Иванович (род. 1893)
Брат Г. И. Черепенникова (см. ниже).

Одиннадцатый выпуск. 1912, 25 января

150. Быстров Сергей Федорович (род. 1892)
151. Генелес Александр Савельевич (род. 1892)
152. Горвиц Михаил Михайлович (род. 1892)
153. Иконников-Галицкий Николай Петрович (род. 1892)
Впоследствии известный ботаник. Ум. 1942.
154. Кестлин Георгий Иванович (род. 1892)
155. Кузнецовский Яков Яковлевич (род. 1893)
156. Кулеш Михаил Сергеевич (род. 1892)
157. Сапожников Алексей Алексеевич (род. 1893)

Двенадцатый выпуск. 1912, 20 мая

158. Беккер Сергей Борисович (род. 1894)
159. Берман Лазарь Васильевич (Вульфович) (род. 1894)
Окончил Петроградский университет (юридический факультет). Впоследствии поэт и писатель. Ум. 1980.
160. Бронштейн Абрам Михайлович (род. 1894)
161. Валенков Александр Николаевич (род. 1894)
*Ум. 1941 во время блокады Ленинграда.
162. Васильев Владимир Михайлович (род. 1894)
Был дипломатом, после Октября в эмиграции (сообщение Л. В. Розенталя).
163. Вилькорейский Федор Альбертович (род. 1895)
Погиб на фронте в 1918 (сообщение Л. В. Розенталя).
164. Герцман Лев Игнатьевич (род. 1896)
После Октября в эмиграции, репатриировался, стал членом ВКП(б) (сообщение Л. В. Розенталя).
165. Гржмелевский Стефан Владиславович (род. 1892)

166. Изнар Николай Сергеевич (род. 1893)
167. Каминка Александр Августович (род. 1894)
Отец — Август Исаакович Каминка (1865–1940), профессор права, член ЦК партии кадетов; после Октября в эмиграции, сотрудник редакции газ. «Руль».
168. Кан Георгий Иосифович (род. 1895)
169. Коллонтай Михаил Владимирович (род. 1894).
Сын А. М. Коллонтай от первого брака. Ум. 1958.
170. Комаров Владимир Александрович (род. 1894)
171. Кривский Георгий Леонидович (род. 1894)
172. Купреянов Николай Николаевич (род. 1894)
Впоследствии известный художник-график. Погиб в 1933.
173. Лишневецкий Борис Александрович (род. 1893)
Брат Веры Александровны Лишневецкой, жены основателя «Бродячей собаки» Б. К. Пронина (сообщение Л. В. Розенталя).
174. Малышев Владимир Николаевич (род. 1895)
175. Матковский Георгий Николаевич (род. 1892)
176. Петров Борис Аркадьевич (род. 1893)
177. Петров Семен Александрович (род. 1894)
178. Розенталь Лазарь Владимирович (род. 1894)
Впоследствии искусствовед, автор воспоминаний о Тенишевском училище, см. его книгу «Непримечательные достоверности» (М., 2010). Ум. 1990.
179. Ухтомский Александр Александрович (род. 1892)
Во время I мировой войны — офицер-артиллерист, в гражданской войне — на стороне красных. Впоследствии работал бухгалтером. Ум. 1966.
180. Храбров Олег Николаевич (род. 1894)
181. Хренов Сергей Александрович (род. 1893)
Брат Д. А. Хренова (см. выше). Погиб на фронте в 1917 (сообщение Л. В. Розенталя).
182. Черемшанский Сергей Аполлонович (род. 1894)
183. Черепенников Александр Андреевич (род. 1894)
184. Черепенников Григорий Иванович (род. 1894)
Отец — владелец гастрономического магазина. После Октября вместе с семьей в эмиграции в Стамбуле. Ум. после 1973.
185. Яковлев Михаил Николаевич (род. 1893)

АКМЕИСТЫ: ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГРУППЫ

ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ акмеистов состоялось во Всероссийском Литературном обществе (ВЛО) 25 апреля 1914 года. Содержательные сведения о нем стали известны после того, как были обнаружены три газетных отчета об этом заседании, которые приводим в начале.

*<Аноним> Литературное общество
(Петербург. курьер. 1914. 27 апр.)*

«Последние заседания Литературного общества неизменно посвящаются всестороннему ознакомлению с новейшими течениями в русской литературе.

В пятницу, 25 апреля, выступил ряд виднейших представителей отколовшейся от символистов группы, именующих себя акмеистами. Вступительный чисто теоретический доклад об „аналитическом и синтетическом искусстве“ сделал Н. Гумилев.

Интересным было выступление Сергея Городецкого, уже не в первый раз возвещающего оригинальные „манифесты“ акмеистов.

— Пришедшие на смену предыдущим поколениям акмеисты, — говорит Сергей Городецкий, — с полным правом могли повторить историческую фразу: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет“. Состояние русской литературы было до крайности плачевным. Поняв всю ответственность исторически возложенной на них миссии, акмеисты с места в карьер приступили к „очистительной“ работе, и вот теперь, полтора-два года спустя,

---

Впервые: Пятое Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига, 1990, под названием «Эпизод истории акмеизма».

они имеют полное право сказать, что для очищения русской литературы ими сделано очень и очень много.

Чтобы поставить русскую литературу на должную высоту, акмеистам придется еще много поработать, поле их деятельности безгранично широко. Но, избрав единственно верный путь, они „наведут порядок“ в русской литературе.

— Есть, — скромно считает С. Городецкий под громкий смех всего собрания, — лишь две личности, которые могли бы очистить литературу: ваш покорный слуга и Алексей Толстой.

Часть собрания громко возмущается, другая часть добродушно хохочет над этими новоявленными пророками.

Гораздо интереснее было послушать несколько действительно талантливых стихотворений, прочитанных самими авторами: С. Городецким, М. Зенкевичем, О. Мандельштамом и другими. <...>»

***

*Агасфер.¹ В «Литературке»
(Воскрес. веч. газета. 1914. 27 апр.)*

«Последнее очередное собрание Всероссийского Литературного общества <...> можно назвать одним из наиболее оживленных. Чувствовался задор, энергия, живучесть той свежей массы, которая ворвалась в „Литературку“ вместе с молодежью.

Надо ведь сознаться — „стариками“ были бессильны сами в пополновении оживить общество, была инициатива, желание, но не было силы, физической и духовной возможности, нужно было расшевелить, взбудоражить братьев-писателей, и это сделала молодежь.

Права ли она, ошибается ли, — вопрос другой, — но Литературное общество оживилось... Даже развеселилось; кряхтя и охая, засмеялись старички и старушки, расхохоталась возмужалость, загудела молодежь, когда Н. Гумилев десятиэтажным штилем начал давить реализм, издеваться над символизмом и превозносить, как манну небесную, акмеизм...

Весело было, и весело потому, что жалко было молодого г. Гумилева, так неудачно строившего свои доказательства в докладе „Искусство аналитическое и синтетическое“.

Стыдно было, что такой серьезный вопрос остался туманным, непродуманным и, в конце концов, замкнутым... Конечно, с другой стороны, нельзя же было требовать от г. Гумилева серьезных вещей...

¹ Псевдоним Иосифа Яковлевича Воронко (1881–1952). См. справку о нем: *Тименчик Р. Д.* К вопросу о библиографии В. И. Нарбута // *De visu.* 1993. № 11. С. 56.

Не менее смехотворным было выступление молодых людей, г. г. Зенкевича и Мандельштама, — последний буквально провалил всё „дело“, начатое было г. Гумилевым.

В итоге „отец“ акмеизма — Сергей Городецкий вызвал бурю заявлением, что, мол, до сих пор русская литература, и в частности поэзия, „была велика и обильна, но порядка в ней не было, а мы, мол (акмеисты), пришли теперь и уже навели кой-какой порядок“. Утюжил г. Городецкий Леонида Андреева, валял Ф. Сологуба, чистил А. Ремизова и С. Ценского, хвалил А. Толстого и т. д., и было весело. Да и кому неизвестно, кем и чем только до сих пор не был г. Городецкий, — не перечить, — простится ему и его новое самозванство.

Весьма дельное отеческое внушение сделал А. М. Редько, отвечающий злополучным акмеистам. <...>».

***

*<Аноним>. Акмеисты, футуристы, стилизаторы и пр.
(День. 1914. 27 апр.)*

«На этот раз поэты-акмеисты сдержали свое слово, данное совету Литературного общества,² и явились к докладу Н. Гумилева почти в полном составе.

Акмеизм, представленный, кроме докладчика, Сергеем Городецким, Мих. Зенкевичем и О. Мандельштамом, выступил в полной боевой готовности и дал генеральное сражение символистам, реалистам, стилизаторам и футуристам. К сожалению, никто из них „боя“ не принял: символисты, футуристы и стилизаторы блистали своим отсутствием, а реалисты-критики, которым особенно достается не только, впрочем, от акмеистов, но и символистов (доклад А. Н. Чеботаревской³), хранили молчание, прерванное лишь раз просьбой: вместо теоретических рассуждений о композиции и эйдологии дать несколько живых образцов акмеистической поэзии.

Таким образом, доклад г. Гумилева (искусство аналитическое и синтетическое) особенных споров не вызвал, и выступления Городецкого, Зенкевича и Мандельштама лишь дополнили докладчика, который устанавливает следующее: футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их

² Подразумевается произошедшее на заседании ВЛО 7 марта 1914 года, об этом см. ниже.

³ Доклад состоялся 21 марта 1914 г. См.: *Чеботаревская Ан. Н.* Критика на критику // *Дневники писателей.* 1914. № 2.

аналитического метода; метод акмеизма синтетичен, и, наконец, как общественное явление, акмеизм выступил на смену боваризму XIX века (мечта о преображенной жизни).⁴ При этом символисты не обладают способностью „действовать“ на нас и без особого напряжения воли поняты быть не могут — что, естественно, нервирует читателя, восстанавливает его против поэта. Что же касается футуризма, то он представляет очень благодарный материал с точки зрения экспериментальной психологии, но, разумеется, к поэзии, к действенным отношениям между людьми никак не относится.

Талантливый Михаил Зенкевич выступил с декларацией культурных прав акмеизма. Если хотите, назовите акмеиста неореалистом. Такое название для него почетнее названия символиста или романтика. Но этот „неореализм акмеизма“ не имеет ничего общего ни с обывательским реализмом, ни с подновленным академизмом парнасцев. Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри, наибольшей готовности ко взрыву, а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей, — вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре. Атлантами этой новой мировой культуры будут великие страны Азии и одной из первых наша Россия.⁵

Сергей Городецкий был куда менее теоретичен. Дело обстоит очень просто: акмеисты приняли призыв „земля наша велика

и обильна, но порядка в ней нет“. Акмеисты пришли и „кой-какой порядок уже навели“.

Эффект получился неотразимый — собрание „засмеялось смехом“, какого давно не слышали стены Литературного общества.

А затем следовала декламация акмеистических стихов, за которые особенно горячо благодарили Сергея Городецкого».

Несколько слов о самом обществе. Основатели ВЛО вели генеалогию от Союза взаимопомощи русских писателей при Русском Литературном обществе (1896–1901). После перерыва оно возобновилось как «СПб Литературное общество» (1907–1911), а затем преобразовалось в ВЛО (1912–1914). Сколько-нибудь очерченной программы общество не имело. Вот образчик «целей общества» провозглашенных на одном из этапов его существования (1907): «1) сближение, общение и объединение деятелей всех отраслей литературы на почве литературных интересов; 2) всестороннее содействие развитию и процветанию литературы». Намечалась также и «разработка вопросов чисто профессионального характера». Деятельность общества, ядро которого составляли представители литературно-общественных течений последней четверти прошлого века (почему и были названы в одном из приведенных выше отчетов «стариками»), направлялась его советом, председателем которого в 1914 г. был Ф. Д. Батюшков, заместителем председателя — В. Я. Богучарский-Яковлев, секретарем — К. И. Диксон. Правление ВЛО, как было отмечено в одном из отчетов, стремилось «оживить» деятельность общества, предоставляя на своих заседаниях место для докладов о «новейших течениях в русской литературе». Так, в 1913 году в ВЛО были прочитаны доклады: Ф. Д. Батюшкова «О поэзии Валерия Брюсова», Д. С. Мережковского «Религиозное народничество», М. П. Неведомского «Вступление к беседе о новейшей русской литературе», Г. И. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет». В 1912–1914 годах расширился состав общества. Из литераторов символистского круга его членами стали Ф. К. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вл. В. Гиппиус, В. И. Гедройц, Д. В. Философов, Е. А. Зноско-Боровский, С. Л. Рафалович, В. А. Чудовский, В. А. Пяст, С. М. Городецкий, Ан. Н. Чеботаревская. Н. С. Гумилев и О. Э. Мандельштам были избраны членами ВЛО за неделю до выступления, 18 апреля 1914 г.⁶

⁴ Термин «боваризм» (от имени главной героини романа Флобера «Госпожа Бовари») ввел французский эссеист и философ Жюль де Готье (1858–1942). Означает потерю способности проводить четкую грань между действительностью и фантазией, когда факты реального мира подменяется воображаемыми. Термин использовал ранее И. Анненский в статье «Бальмонт-лирик», вошедшей в «Книгу отражений» (1906), см.: Анненский И. Ф. Книги отражений М., 1979. С. 101). На прошедшем раньше диспуте в Психоневрологическом институте 8 февраля 1914 года, Гумилев также говорил, что «символизм есть в сущности боваризм, стремление к недоступному. Символизм бежит от жизни и действия, в то время как мы все стремимся к действию» (Болтянский Г. Литературный диспут // Жизнь студентов Психоневрологического института. 1914. 12 февр. С. 2). Мандельштам писал о методе Флобера и «Госпоже Бовари» в статье «Девятнадцатый век» (1921). Диспут 8 февраля имел программный характер, на нем выступил также С. Городецкий, направив свою критику на «реалистический роман» (что смыкается с выступлением на ту же тему В. А. Чудовского, см. ниже в тексте статьи).

⁵ В этом месте корреспондент цитирует авторский текст декларации Зенкевича: согласно устному сообщению М. А. Зенкевича (Р. Д. Тименчику), один из корреспондентов взял у него текст декларации и включил в свой отчет. Благодарим Р. Д. Тименчика как за помощь в подготовке, так и за инициативу в осуществлении первой публикации статьи.

⁶ Все приведенные выше сведения о ВЛО почерпнуты из «Отчетов Всероссийского Литературного общества» за 1912 и 1913 годы (СПб. 1913; СПб. 1914).

Акмеисты уже выступали в ВЛО 15 февраля 1913 года — во второй раз в «зиму Sturm und Drang акмеизма»⁷ — и были встречены в общем доброжелательно,⁸ почему и через год избрали для выступления ту же аудиторию. В целом же провозглашение акмеизма сочувствия не вызвало, а самым болезненным ударом для акмеистов стал вердикт Валерия Брюсова: «Всего вероятнее, через год или два не останется никакого акмеизма. Исчезнет самое имя его».⁹ Уже вскоре в рядах группы началось брожение. 7 июня 1913 года В. И. Нарбут писал М. А. Зенкевичу из Петербурга:

«<...> О Манделе — ни слуху, ни духу.
О Гумиляе — тоже.

Впрочем, ни о ком я так не беспокоился и не беспокоюсь, как о тебе.

Мы ведь — как братья. Да оно и правда: по крови литературной мы — такие. Знаешь, я уверен, что акмеистов только 2:

⁷ Согласно определению Ахматовой: «В зиму Sturm und Drang акмеизма мы несколько раз выступали как группа. Гум<илев> и Гор<одецкий> читали доклады» (Ахматова А. Автобиографическая проза / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Р. Д. Тименчика // Лит. обозрение. 1989, № 5. С. 7). Первое выступление состоялось 19 дек. 1912 г. в «Бродячей собаке».

⁸ Ведущие деятели ВЛО, литераторы народнической и социал-демократической формации, увидели в творчестве акмеистов возврат к реализму. См.: Львов-Рогачевский В. Л. Символисты и наследники их // Современник. 1913. № 7. Он же. Символисты и адамисты // День. 1913. 23 февраля. Он же и через год повторил: «Выступление адамистов-акмеистов — это признание победы реализма» (Современник. 1914. № 2. С. 111). М. Неведомский определил акмеизм как явление «неореализма» (другим явлением неореализма он назвал «Ночные часы» А. Блока) в статье «Еще год молчания» (За семь дней. 1913. № 1. С. 12). О развернувшейся дискуссии см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Rus. literature. 1974. № 7/8. С. 33 (примеч. 36). В аспекте обсуждавшегося вопроса о соотношении акмеизма и реализма симптоматична фраза Нарбута из приведенного ниже его письма к Зенкевичу от 7 июня 1913 г.: «А мы — и не акмеисты, пожалуй, а — натуралисто-реалисты». Ср. также в позднейших воспоминаниях одного из членов Цеха поэтов: «Публика, литературная улица, посмеялась над словами „цех поэтов“, „акмеизм“ и т. д., но, в общем, приняла новаторов с сочувствием куда более искренним, чем их учителей — символистов. Уклон к реализму был публике по душе: символизм с его религиозным и мистико-философским одушевлением должен был остаться поэзией для немногих. Совет — избегать крайностей — подкупил даже такого критика старого закала, как Неведомский. Старая школа торжествовала победу: молодежь образумилась» (Гиппиус Вас. Вл. Цех поэтов // А. Ахматова. Десять лет. М., 1989. С. 83–84. См. также: Лит. наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 415).

⁹ Брюсов В. Я. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Рус. мысль. 1913. № 4. С. 142. То же // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, ст., рец. / Сост. Н. А. Богомолов, Н. А. Котрелев. М., 1990. С. 400).

я да ты. <...> Какая же Анна Андреевна — акмеистка, а Мандель? Сергей — еще туда-сюда, а о Гумилеве — и говорить не приходится. Не характерно ли, что все, кроме тебя, меня да Манделя (он, впрочем, лишь из чувства гурмана), боятся трогать Брюсова, Бальмонта, Сологуба. Иванова Вяч<еслава> Гумилев даже по головке погладил. Совсем как большой, как папа, сознающий свое превосходство в поэзии. Верить ли, Миша, — это — всё — не то, что нужно; это — все, и Гум, и Гор<одецкий>, лгут, шумят оттого, чтобы о них тараторили.

Господь с ними! Какие уж они — акмеисты!

А мы — и не акмеисты, пожалуй, а — натуралисто-реалисты».¹⁰

Осенью, когда после летнего перерыва возобновилась литературно-художественная жизнь Петербурга, в группе наметились черты раскола. Сезон проходил под знаком крепнувшего футуризма, и к этому времени относится давно известное мемуарное свидетельство Георгия Иванова о том, что в 1913 году Мандельштам «до того бурно увлекся кубофутуризмом, что едва не перешел в их группу».¹¹ Сейчас оно конкретизируется как опубликованной недавно записью устных воспоминаний М. А. Зенкевича,¹² так и письмом к последнему В. И. Нарбута:

¹⁰ Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма / Сост., подгот. текста, примеч. М. Котовой, С. Зенкевича, О. Лекманова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 239–240.

¹¹ Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619.

¹² «В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там (на лекции К. Чуковского — А. М.) должен был выступать Мандельштам от акмеистов. Мы с ним вместе кое-что работали к выступлению, но основное он сам всё сделал <...> Они хотели, чтобы туда вошли я, Нарбут и Мандельштам, и тогда соглашались блокироваться. Посредником был брат Бурлюка, Николай Бурлюк <...> Тут (на лекции К. Чуковского о футуризме. — А. М.) теоретически, не только со стихами, выступал Мандельштам. Он ко мне прибежал и говорил: «Я у них был... я их видел... Это такая богема, богема, знаешь... Я заново переписал свое выступление» — и так далее. И вот он там выступал. По-другому уже выступал, знаете, как он обычно — с апломбом несколько таким» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 26–28). Составители книги О. и М. Фигурновы датируют лекцию Чуковского ноябрем 1913 года (Указ. соч. С. 26), когда в прениях по лекции в Тенишевском зале выступал Маяковский (точная дата — 5 ноября); это предположение — одно из вероятных: ту же лекцию Чуковский впервые прочитал в Петербурге 5 октября (и Маяковский в тот день также выступил в прениях) и повторил 13 октября. О выступлении Мандельштама в прениях по лекции Чуковского сведений из других источников не имеется.

«17/XII <1913>

Милый Миша,

Пишу тебе, излагая те мысли, которые родились у меня после твоего последнего письма. Так. — О сближении с кубофутуристами. Думаю следующее: их успех основан главным образом на скандале (это — безусловно), и при том чисто практическом (т. е. на выступлениях с руганью). Я, конечно, не имею ничего против их литературной платформы. Даже больше: во многом с ней согласен. Поистине, отчего не плюнуть на Пушкина? <...> Антиэстетизм мной, как и тобой, вполне приемлем, при условии его живучести. На днях я пришлю тебе стихи, из которых ты увидишь, что я шагнул еще дальше, пожалуй, в отношении грубостей. И помнишь, Миша, мы говорили о необходимости, чрезвычайно необходимом противоядии Брюсовщине (и Гумилеву, добавлю). Так вот что: шагай дальше. Туда же идут и кубисты. Разница между ними и нами должна быть только в неабсурдности. Нельзя же стихи писать в виде больших и малых букв — только! Следовательно, почва для сближения между ими и нами (тобой и мной), безусловно, есть. Завяжи с ними небольшую дружбу и — переговори с ними как следует. Я — согласен и на слияние принципиальное. Мы — так сказать — будем у них центром. <...> На акмеизм я, признаться, просто махнул рукой. Что общего (кроме знакомства), в самом деле, между нами и Анной Андр., Гумилевым и Городецким? Тем более что „вожди“ (как теперь стало ясно) преследовали лишь свои цели. <...>

Относительно издания сборников — тоже вполне согласен: да, нужны — и твой, и мой. Можно и вместе (хорошо бы тогда пристегнуть стихи какого-нибудь примкнувшего к нам кубиста). Мандель мне не особенно улыбается для этой именно затеи. Лучше Маяковский или Крученых или еще кто-либо, чем такой тонкий (а Мандель, в сущности, такой) эстет». ¹³

Должно быть, колебания Мандельштама в эти месяцы были известны В. Пясту, поскольку он в своей лекции 7 декабря 1913 г. выделил его (наряду с Ахматовой и Северяниным) в качестве

¹³ Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Указ. соч. С. 242–243. Год написания устанавливается по факту обсуждения в письме стихотворения Зенкевича «Бык на бойне», вскоре напечатанного в № 9/10 журнала «Гиперборей», вышедшем весной 1914 года – эта часть письма нами опущена. В. И. Нарбут жил в это время на хуторе Нарбутовка Глуховского уезда Черниговской губернии. Как видно по тексту письма, оно является ответным; письма Зенкевича Нарбуту не сохранились.

поэтов «вне групп»,¹⁴ а чуть позже писал о Мандельштаме как о «приписанном к акмеизму».¹⁵

Союз с кубофутуристами у Зенкевича, Нарбута и Мандельштама не состоялся, Гумилеву и Городецкому как-то удалось вновь сплотить ряды группы, и 16 января 1914 года Гумилев, Городецкий и Мандельштам вместе «ломали копыя в защиту акмеизма» в прениях по лекции Г. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет»,¹⁶ а на 14 февраля было намечено выступление акмеистов в ВЛО.¹⁷ В назначенный день выступление не состоялось и было перенесено на 7 марта; это последнее освещалось в газетном отчете:

«Совершенно исключительной вышла последняя „пятница“ Литературного общества — и по небрежному отношению Н. Гумилева к той обязанности, которую он взял на себя, обещав Совету прочитать доклад об искусстве аналитическом и синтетическом, и по бесцеремонности некоторых „акмеистов“, которые должны были иллюстрировать теоретические и принципиальные споры об акмеизме, побеждающем символическую поэзию, своими стихотворениями, и, наконец, по „оригинальности“ метода расправы с символистами Сергея Городецкого, выступившего с „критикой критики“ акмеистического творчества.

Перед собранием Литературного общества должна была пройти целая плеяда акмеистов — Гумилев, Мандельштам, Анна Ахматова, Мих. Зенкевич. И та задача, которую поставил себе Сергей Городецкий, — доказать „зубоскальство и провинциальную обывательщину“, преподнесенные критиками акмеизма вместо истинного слова суждения и разбора, — должна была явиться достойным завершением акмеистического парада.

¹⁴ Тезисы лекции были помещены в газете «Речь» (1913. 7 дек.), см также: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник-1983. Л., 1985. С. 218. Отчеты публиковались: День. 1913, 8 дек.; Речь. 1913, 9 дек. Содержание лекции отразилось также в записи дневника И. В. Евдокимова (Лит. наследство. 1982. Т. 93, кн. 3. С. 426, 427). В своей лекции Пяст обсуждал и «теорию» «слова как такового» Крученых, что было намечено в тезисах: «Постепенное освобождение искусства слова от посторонних ему задач. Критика достижений и устремлений русских поэтов-будетлян. Умерла ли Психея».

¹⁵ Отклики: Лит. Искусство. Наука. Прилож. к № 8 газ. «День». 1914. № 1. 9 янв.

¹⁶ Ш. Искусство и жизнь: (Лекция г. Чулкова) // День. 17 янв. С. 3.

¹⁷ Дата устанавливается по письму Н. В. Недоброво к А. Г. Горнфельду (члену правления ВЛО) от 11 февр. 1914 г.: «Как слышно, 14-го в пятницу в Литературном обществе Гумилев и Городецкий будут делать доклады об акмеизме. Мне бы очень хотелось на них присутствовать, но, не зная порядков Общества, я не знаю, как это устроить. <...>» (РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 412. Л. 1).

Увы! Ни докладчик Гумилев, ни его иллюстраторы из „цеха поэтов“ не только не явились засвидетельствовать, что символизм больше не существует, но не предупредили даже об этом совет Литературного общества, и извиняться за „невыполненную программу“ пришлось, разумеется, Ф. Д. Батюшкову.

Таким образом, весь „вечер об акмеизме“ был сведен к тому, что г. С. Городецкий, указав на воспитательное значение акмеизма для некоторых „потерявших образ и подобие человеческие“ футуристов и на скромность как на заслуживающую особой признательности черту акмеистов, — отчитывал своих критиков, явивших образец „искусства непонимания“.

И при этом дело не обошлось без „крепкого словца“, правда, не по адресу критики, а по адресу того ныне сметенного литературного течения, на месте которого воцарился акмеизм.

В литературный спор г. Городецкий впутал... провокацию, и не какую-нибудь, а „величайшую“, т. е. самого Азефа. И „несуразные стены“ помещения Литературного общества, как выразился поэт-акмеист, наполнились возгласами негодования и протеста.

Отстоять акмеизм, — полагает г. Городецкий, — значит ошельмовать символизм. И линия мышления намечается у Сергея Городецкого такая: символизм, дуализм — двуличие — Азеф. Символизм в этике есть зыбкость нравственных устоев. Отсюда: величайшим символистом современности является... Азеф.¹⁸

<...> Слышались требования взять слова об Азефе-символисте назад, но г. Городецкий не пожелал отказаться от авторства и, еще раз „проанализировав метод символизма“, заявил, что „символисты напрасно волнуются“.

Расхлебывать так неудачно заваренную кашу пришлось опять-таки Ф. Д. Батюшкову, который предложил отложить прения до следующей пятницы, когда явятся, может быть, г. Гумилев и другие акмеисты и поединок пройдет под знаком исключительно принципиальных и критических рассуждений, без уклонения в сторону провокации.¹⁹ И все же Сергей Городецкий доставил многочисленному собранию большое удовольствие, когда читал свои стихи.²⁰

¹⁸ Об этом выпаде Городецкого Ал. Ник. Чеботаревская сообщила Блоку, см.: Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 215. Выступление Городецкого на этом заседании отражено и в отчете «Биржевых ведомостей», где были поименованы выступившие в прениях В. Пяст, А. Кремлев, К. Лонгвинович (Утренний вып. 1914, 8 марта. С. 6).

¹⁹ Продолжение состоялось не на следующем заседании, как предполагал Ф. Д. Батюшков, а через полтора месяца — 25 апреля.

²⁰ День. 1914, 9 марта. С. 6.

То, что Городецкий оказался на этом заседании один и вынужден был солировать — следствие его ссоры с Гумилевым. По письмам, которыми они обменялись 16 апреля 1914 года,²¹ и по данным из приведенных выше газетных отчетов можно судить о времени, которое ссора длилась, — с февраля по апрель. Временное примирение все же было достигнуто, и выступление группы состоялось — что показательно, как раз в первую годовщину появления брюсовской статьи. Возвращаясь снова к дате 25 апреля 1914 года и к газетным отчетам об этом дне, отметим, что на заседании ВЛО в этот день каждый из акмеистов²² начинал свое выступление с программной декларации. Выступления Гумилева, Городецкого, Зенкевича отчеты отразили достаточно содержательно, а выступление Мандельштама, засвидетельствованное в двух отчетах, — одной лишь невразумительной репликой о том, что он «буквально провалил все „дело“, начатое было г. Гумилевым» (в «Воскресной вечерней газете»). Что мог иметь в виду корреспондент?

За ответом следует прежде всего обратиться к программному тексту Мандельштама, который к этому времени уже был создан — «Утру акмеизма». Он начинается следующей фразой: «При огромном эмоциональном волнении, связанном с произведениями искусства, желательно, чтобы разговоры об искусстве отличались величайшей сдержанностью». Этот призыв к «сдержанности» и мог прозвучать диссонансом акцентированно-полюемическим выступлениям Гумилева и Городецкого, и реплика корреспондента о «провале дела» в отчете в таком случае выглядит мотивированной. Но «Утро акмеизма» попадает в контекст прошедшего выступления шире.

Тезис Гумилева о том, что «футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их аналитического метода» (из отчета в газете «День»), — недавний, он заменил провозглашенное год тому назад в программном манифесте положение о том, что именно акмеизм идет «на смену символизма» и должен «принять его наследство».²³ В новом тезисе, вопреки объективности, сказа-

²¹ См.: Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, вып. 1. С. 70–71.

²² Как видно из отчетов, группа выступала не в полном составе: В. И. Нарбута не было тогда в Петербурге, Ахматова в этом выступлении участия не приняла.

²³ Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42. То же // Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 17. Следует отметить, что новый тезис Гумилева в определенной мере совпадал с оценкой В. Л. Львова-Рогачевского,

лась реакция на уничтожительную статью Брюсова,²⁴ где Брюсов, негируя акмеизм («выдумка, прихоть, столичная причуда»), в то же время нашел «историческое оправдание» футуризму; была в тезисе и доля эпатажа, поскольку футуристы только что, в феврале, выступили с манифестом «Идите к черту!», где были осмеяны, между прочими, Федор Сологуб и «Василий» Брюсов.²⁵ Точно соответствующий новому тезису Гумилева пассаж обнаруживается в «Утре акмеизма»: «Футурист, не справившись с сознательным смыслом как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт и по существу повторил грубую ошибку своих предшественников» (т. е. символистов). Другое место в «Утре акмеизма» ясно корреспондирует с декларацией Зенкевича. Зенкевич, согласно цитате в отчете «Дня», писал в «Декларации культурных прав акмеизма»: «Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри <...> а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей, — вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре». В «Утре акмеизма» читаем: «Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает». Декларацию Зенкевича и «Утро акмеизма» сближают также отзвуки прошлогодней дискуссии о чертах реализма в акмеизме,²⁶ в первой: «Если хотите, назовите акмеиста неореалистом», во втором: «Он (художник. — А. М.) не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько усмехается, потому что знает бесконечно более убедительную действительность искусства». Тематическая переключка двух деклараций соотносится с приведенными выше данными о личном сближении Зенкевича и Мандельштама осенью 1913 года, когда они сообща искали контактов с кубофутуристами.

который в своем докладе «Символизм и реализм» в Психоневрологическом институте 8 февраля 1914 г. (в диспуте по которому, как уже упоминалось нами, выступил Гумилев) назвал футуризм «возвратным тифом символизма», поскольку в нем проявились «выводы и крайности символизма» (*Болтянский Г. Указ. соч.* С. 1).

²⁴ Как известно, Гумилев рассчитывал на его поддержку — см. письмо В. Я. Брюсову от 28 марта 1913 г. (Лит. наследство. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 512).

²⁵ Идите к черту! / Д. Бурлюк, А. Крученых, Б. Лившиц и др. // Рыкающий Парнас. [СПб., 1914]. Вкл. лист перед с. 1.

²⁶ См. примеч. 8.

Попутно отметим еще некоторые мотивы «Утра акмеизма». Здесь в главке IV читаем: «Средневековье, определяя по-своему *удельный вес* человека <...> признавало его за каждым <...> есть сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия», что точно корреспондирует с первым манифестом Гумилева: «Для нас иерархия в мире явлений — только *удельный вес* каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки неизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия — все явления братья».²⁷

Необходимости «чувства граней», заявленной в «Утре акмеизма» (главка VI), требовал также и В. А. Чудовский, на короткий период в начале 1913 года солидаризовавшийся с акмеистами:

«В предвзятой, неизменной „экзотике“ не может быть того, что мы называем акмеистической *полнотой*.

И вот перед новой эпохой, начало которой исповедуем мы, лежит большая и прекрасная задача <...> создать новый, *акмеистический*, т. е. вершинный роман. <...>

В искусстве мы прежде всего требуем определенных *граней*, а современный историзм грани отрицает».²⁸

Глагол «быть» («существовать»), дважды акцентированный в отглагольных существительных «бытие» и «небытие» в формуле «высшей заповеди акмеизма» («Утро акмеизма», главка IV), выражен знаком равно (=) в законе тождества (читается: А есть А), о котором поэт говорит, развивая мысль, в следующей главке: «А=А: какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом». Под «поэтической темой» здесь подразумевается традиция поэтических конструкций «Есть... есть...»: «Есть наслаждение и в дикости лесов, Есть радость на приморском бреге» у Батюшкова, «Певучесть есть в морских волнах, Гармония в стихийных спорах» у Тютчева (который дает немало таких примеров). Тема «закона тождества» дает некоторый ориентир для датировки статьи: 5 сентября 1913 года Мандельштам сдал университетский экзамен по логике,

²⁷ Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 43. То же // Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 18).

²⁸ Аполлон. 1913. № 2. С. 76–77. Чудовский намеревался писать статью о стихах Мандельштама, что отражено в дневнике С. П. Каблукова 2 декабря 1912 г., в записи, где передается рассказ Мандельштама о зарождающемся акмеизме (*Мандельштам О. Камень.. Л., 1990. С. 247. (Лит. памятники)*).

а включение «нового материала», осваиваемого при подготовке к университетским экзаменам, в творческие тексты отмечалось у Мандельштама неоднократно.²⁹

«Утро акмеизма» содержит и другие, легко распознаваемые, параллели со стихотворениями «Я ненавижу свет...», «Notre Dame», «Бах», со статьями «О собеседнике» и «Франсуа Виллон», но здесь мы их не регистрируем, поскольку все они написаны раньше мая 1913 года — предложенной Н. И. Харджиевым датировки «Утра акмеизма».³⁰ Эта датировка Н. И. Харджиевым в деталях не аргументировалась, но ясно, что он основывался на том, что выражение «слово как таковое» у Мандельштама (повторяется в «Утре акмеизма» трижды, причем в одном случае — в кавычках, в качестве цитаты) указывает на объект полемики — «Декларацию слова как такового» Алексея Крученых, вышедшей в мае 1913 года (точнее — в конце апреля). Но это основание приемлемо для определения только одной границы — «раньше которой не могло быть написано», *terminus ante quem* поп, и целиком корректным было бы: «не ранее мая 1913 г.». О наших границах датировки речь поведем ниже. Они также связаны с построениями Крученых, ибо «теорию» свою он продолжал развивать и позже.

Как указала И. Паперно в докладе «Поэтическое слово у Мандельштама и учение о Логосе» на 1-м международном симпозиуме в честь поэта (Bari, 1988), выражение «слово как таковое» было введено Андреем Белым в его статье о книге А. А. Потебни «Мысль и язык» (Логос. 1910. № 2).³¹ Вполне вероятно, что статья А. Белого была известна Мандельштаму со времени ее появления в печати (ср. особенно сближение имен Потебни и Белого как вызвавших к жизни «русскую науку о поэзии» в статье «Литературная Москва», 1922), но несомненно то, что определение «слово как таковое» приобрело актуальность лишь в новом контексте — после выхода названной декларации Крученых (с послесловием Н. Кульбина) в конце апреля 1913 года; вопрос о возможных источниках этого

выражения у Крученых здесь для нас не является существенным, и возникающие гипотезы мы не рассматриваем. «Декларация слова как такового» несла в себе следы каких-то попыток консолидации с акмеистами, так как следующее место в ней: «Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена» — варьирует положения С. Городецкого из статьи «Некоторые течения в современной русской поэзии»,³² к чему и относится реплика В. Хлебникова в его письме Крученых от 31 августа 1913 г.: «Пылкие слова в защиту Адама застают вас вдвоем вместе с Городецким».³³ Таким образом, «Декларация слова как такового» и ее автор как будто не могли дать акмеистам поводов для полемики, в то время как в «Утре акмеизма» объектом полемики становится «футурист» (в единственном числе, что у Мандельштама должно быть понято как признак персонификации), «не справившийся с сознательным смыслом». По поэтической практике и теоретическим выступлениям лишь имя Алексея Крученых удовлетворяет условиям персонификации «футуриста» в «Утре акмеизма»; неувязка проясняется при обращении к созданным позже «Декларации слова...» текстам Крученых.

В статье «Новые пути слова» (сентябрь 1913 года) Крученых писал:

«Ясное и решительное доказательство тому, что до сих пор слово было в кандалах, является его подчиненность смыслу до сих пор утверждали:

„мысль диктует свои законы слову, а не наоборот“.

Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный и вселенский.

Через мысль шли художники прежние к слову, мы же через слово к непосредственному постижению. <...>

В искусстве мы заявили:

СЛОВО ШИРЕ СМЫСЛА

слово (и составляющие его — звуки) не только куца мысль, не только логика, но, главным образом, заумное (иррациональные части, мистические и эстетические)».³⁴

²⁹ Как убедительно показала Э. Русинко, источником формулы закона тождества в контексте философствования об оппозиции бытие/небытие в «Утре акмеизма» послужила книга А. Бергсона «Творческая эволюция» (*Rusinko E. Acmeism, postsymbolism, and Henry Bergson // Slavic Review. 1982. Vol. 41, N 3. P. 508*). Мандельштам, однако, переориентирует эту тему с философии на поэзию.

³⁰ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 255 (Б-ка поэта. Большая сер.).

³¹ Паперно И. О природе поэтического слова: богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 36 (сноска 21).

³² Аполлон. 1913. № 1. С. 49 и след.

³³ Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 367. Данное место письма впервые прокомментировал М. Б. Мейлах (Об именах Ахматовой: 1. Анна // *Rus. Lit.* 1975. N 10/11. P. 36–37).

³⁴ Трое / Е. Гуро, В. Хлебников, А. Крученых. СПб., 1913. С. 22, 25.

В цитированном отрывке Крученых атакует связь «слова» с «мыслью», «логикой», «смыслом», что точно соответствует фокусу полемики в «Утре акмеизма» (— «не справившийся с сознательным смыслом»). Следующий шаг был сделан Крученых в его статье «О художественных произведениях» (сборник «Слово, как таковое», вышел в октябре):

«Мы же думаем, что язык должен быть прежде всего *языком* и если уж напоминать что-нибудь, то скорее всего пилу или отравленную стрелу дикаря. <...>

Из вышеизложенного видно, что до нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой „душе“ (загадки духа, страстей и чувств), но плохо знали, что душу создают баячи, а так как мы, баячи будетляне, больше думали о слове, чем об затасканной предшественниками „Психее“, то она умерла в одиночестве и теперь в нашей власти создать любую новую... захотим ли?.. Нет!..

пусть уж лучше поживут словом как таковым, а не собой». ³⁵

В те же месяцы «теория» Крученых получает резонанс. Виктор Шкловский опирается на выводы Крученых в своем докладе «Место футуризма в истории языка», прочитанном 23 декабря 1913 года в «Бродячей собаке» («„Тугой язык“ Крученых и „полированная поверхность“ Владимира Короленко»³⁶), а из другого лагеря положения Крученых контратаковались: один из тезисов лекции Г. Чулкова 16 января 1914 года — «Слово как таковое. Смерть Психеи» — указывает на предмет полемики («Психея», по Крученых, «умерла» — см. выше). На этой лекции Гумилев, Городецкий и Мандельштам выступили в прениях.

Далее свой вклад в разрешение проблемы поэтического слова вносит Н. Кульбин в вышедшей в начале февраля декларации «Что есть слово (II-я декларация слова, как такового)»,³⁷ в сносках которой зафиксировано соавторство и Мандельштама, и Крученых:

«В слове — идея (первое лицо человека и вселенной — сознание).

Разгадка слова — в букве.

³⁵ Слово, как таковое / А. Крученых, В. Хлебников. М., 1913. С. 10–11.

³⁶ Из тезисов, см.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник-1983. Л., 1985. С. 221.

³⁷ Датирована автором 27-м января 1914 г.; содержит указание на то, что брошюра является приложением к книге «Буква как таковая» А. Крученых и Н. Кульбина.

Буква — элемент слова, как такового.
Она — символ, содержащий идею слова (имя), фоническую форму и начертательную.
Слово — имя* (наречение).
Тело слова — буква.**
Значение каждой буквы — своеобразное, непреложное.
Каждая буква — уже имя.
Словесность — творческое сочетание имен.
Словесное творчество — брачная борьба диссонирующих элементов слова, удовлетворяющая созвучным разрешением или дающая эстетическую неудовлетворенность.
Результат этого творчества — словесные ценности.
Словесность — совокупность словесных организмов,** * словесных неделимых». ³⁸

Таким образом, концепция «слова как такового» осенью и зимой 1913/1914 года была в центре интенсивного обсуждения, одной из сторон которого был Мандельштам со своим «Утром акмеизма». Согласно цитированному нами мемуарному свидетельству Зенкевича, относящемуся к октябрю-декабрю 1913 года, Мандельштам в это время «заново переписал свое выступление», т. е. переработал или доработал изложение своего *credo*. В это же время он обсуждал тему с Кульбиным (общий тезис в работе «Что есть слово»³⁹). Из анализа дат следует, что «Утро акмеизма» появилось в результате некоторой, более или менее продолжительной, работы, завершённой не ранее декабря 1913 года. Собственная интерпретация темы изложена в самом начале статьи:

«Медленно рождалось „слово как таковое“. Постепенно, один за другим, все элементы слова втягивались в понятие формы, только сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно

* Это положение выработано мною совместно с Осипом Мандельштамом. (Примеч. Н. Кульбина. — *Ред.*)

** Это положение выработано мною совместно с А. Крученых: который говорит об обязательности слова. (Примеч. Н. Кульбина. — *Ред.*)

*** В книге К. Эрберга «Цель творчества» есть ценная строка: Словесность — организация слов. Очень ценны мнения Д. Бурлюка об организации слова. (Примеч. Н. Кульбина. — *Ред.*)

³⁸ Кульбин Н. И. Что есть слово: (II декларация слова, как такового). СПб., [1914]. С. 1.

³⁹ Имея в виду, должно быть, этот общий Кульбина и Мандельштама тезис, Городецкий вскоре заметил, что акмеизм «кульбинисты вставляли... как тоже занятное стеклышко, в пеструю мозаику кульбинизмов» (Городецкий С. М. Цветущий посох. СПб., 1914. С. 16).

и произвольно почитается содержанием. От этого ненужного почта Логос только проигрывает. Логос требует только равноправия с другими элементами слова. Футурист, не справившись с сознательным смыслом как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт и по существу повторил грубую ошибку своих предшественников».

Подведем краткий итог. Сопоставление «Утра акмеизма» с приведенными выше текстами обнаруживает связь с рассмотренным выше тезисом Гумилева, выработанным не раньше осени 1913 года, и содержит критику «теории» Крученых (имплицитно включая его имя), которую следует отнести к зиме 1913/1914 года, когда завершились неудачей попытки Мандельштама и Зенкевича наладить взаимодействие с кубофутуристами. Можно утверждать, что время создания известной нам редакции статьи относится не ко времени выхода «Декларации слова, как такового» в конце апреля 1913 года, а к более позднему: не раньше осени 1913 года, не позднее апреля 1914 года.⁴⁰ Представляется несомненным, что 25 апреля 1914 года в ВЛО Мандельштам выступил с чтением «Утра акмеизма» как манифеста.

В качестве эпилога приведем примечательный текст Хлебникова. Его оппозиции удивительно точно соответствуют позициям оппонентов в описанном нами споре «о природе слова», а уподобление «слова» «камню» дает прямую аналогию к «Утру акмеизма».

«Слово живет двойной жизнью. То оно просто растет как растение, плодит друзу звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть „всевеликим“ и самодержавным; звук становится „именем“ и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй вечной игрой цветет друзой себе подобных камней».⁴¹

⁴⁰ Вероятность существования ранней редакции статьи (ранее осени 1913 года) не исключена, но маловероятна: главы I и V, во всяком случае, как показывает проведенный выше анализ мотивов, в эту гипотетическую редакцию не входили.

⁴¹ Хлебников В. О современной поэзии // Пути творчества. Харьков 1920. № 6/7. С. 70. У Хлебникова в той же статье встречается образ «дерева слов» — у Мандельштама же «дерева слова» находим в стихотворении «Листьев сочувственный шорох...», 1910.

...и его время. Комментарии

«НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ» В «ГИМНЕ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП

СТИХОТВОРЕНИЕ 1918 года «Прославим, братья, сумерки свободы...» (в первой публикации — под названием «Гимн») критиками и исследователями до последнего времени устойчиво воспринималось как переломное в отношении поэта к Октябрьской революции.¹ Об основаниях к тому — ниже, а здесь скажем, что попытки его анализа наталкиваются на существенные трудности: настолько сюжет, символика и даже лексика в нем слабо отличаются от традиционных, присущих жанру. Из трех действующих в стихотворении активных сил — «мы» («братья», «мужи»), «народ», «вождь» — только последний образ осознается как нуждающийся в персонификации, которая, в свою очередь, встречается с необходимостью объяснить, почему «вождь» «берет бремя власти» — «в слезах». Первая из известных нам интерпретаций принадлежит Г. Маргвелашвили, который связал образ «вождя» в стихах

Доклад на международном симпозиуме в честь столетия Мандельштама. School of Slavonic and East European Studies. London, 1991, 1–5 июля. Впервые опубликован: Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Эрмитаж, 1994. Печатается с изменениями. См.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 103, 564.

¹ Стихотворение было впервые напечатано в левозсеровской газете «Знамя труда» 24 мая 1918 года с пометой «Москва, май 1918». Прямых откликов на стихотворение в печати не было, но несколько позднее В. Перцов в своей книге «Новое в современной русской поэзии» заметил, что оно «прошло через всю литературную Россию» (Рига, 1921. С. 6).

с «народным вождем и рулевым революции — Лениным».² Автор статьи не дал тому какого-либо обоснования — по-видимому, из-за казавшейся в то время самоочевидности такой ассоциации, но также, вероятно, повинувшись некоторой, более или менее длительной, устной традиции в истолковании этого образа.³ Эту персонификацию безоговорочно принял С. Бройд, апеллируя между прочим и к «Словарю современного русского языка».⁴ С основанием указывая на посвященные Ленину стихи Д. Бедного «Вождю» (Правда. 1918. 4 мая), автор не оговаривает, однако, совсем свежей недавности этой традиции. Обращаясь к выделенному нами выше определению «в слезах», Бройд истолковал его как признак «высокоэмоционального характера ленинского присвоения власти».⁵ В вышедшей несколько раньше, чем книга Бройда, статье Н. Нильсон подверг правомерность данной персонификации сомнению: «Как и „судия“ в первой строфе, „народный вождь“ скорее общепозитивский, отвлеченный концепт, не имеющий прямой связи с актуальной действительностью — „вождь“ принадлежал к поэтическому и политическому словарю послеоктябрьских лет. Его способ принятия бремени власти „в слезах“ напоминает нам героя классической или романтической трагедии больше, чем Ленина; можно было бы также думать о Христе, несущем свой крест. Слезы могли быть вызваны не только сложностью его задачи, но и состраданием к прошлому».⁶ Новые предположения выдвинули

² Маргвелашвили Г. Г. Об Осипе Мандельштаме // Лит. Грузия. 1967. № 1. С. 81.

³ На один из источников такой традиции сейчас можно указать — это была интерпретация Д. П. Святополк-Мирского. В статье «О современном состоянии русской поэзии», подготовленной в 1922 году для журнала «Русская мысль», но оставшейся в рукописи, он, цитируя стихотворение, продолжал: «Это из „Сумерек свободы“, оды Ленину, которого он прославил за то, за что, кажется, никто другой его не славил: за мужество ответственности —

Прославим власти роковое время,
Ее невыносимый гнет».

Статья была извлечена из архива журнала и опубликована в 1978 году Дж. Смитом: Нов. журн. 1978. Кн. 131. С. 102, 111–115; перепечатана: Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия / Сост., примеч. В. В. Перхина. СПб., 2002. С. 79, 312–313).

⁴ Brojde S. Osip Mandelstam and his age. Cambridge (Mass.); London, 1975. P. 59.

⁵ Там же. P. 51.

⁶ Nilsson N. A. Mandelstam and the Revolution // Scando-Slavica. 1973. Vol. 19. P. 12.

исследователи следующего поколения. О. Ронен в биографической статье о Мандельштаме писал, что в этом образе «сливаются» патриарх Тихон и А. Керенский,⁷ а Д. Сегал высказался в пользу А. Керенского, относя время действия в стихотворении к весне 1917 года.⁸

Как представляется, нам удалось найти точный источник этого образа. Это речь патриарха Тихона, произнесенная им сразу по избрании в патриархи на Всероссийском поместном соборе духовенства и мирян 5 (18) ноября 1917 года. В исторический момент восстановления патриаршества в России вновь избранный патриарх произнес краткую речь: «Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано „Плач и стон и горе“, каковой свиток и должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении... Подобно древнему вождю еврейского народа пророку Моисею, и мне придется говорить ко Господу: „Зачем мучаешь раба Твоего и почему Ты возложил на меня бремя всего народа...“».⁹ Из двух библейских цитат в речи патриарха текстуально складывается образ «народно-го вождя, в слезах берущего бремя власти».

Не вызывает сомнения, что эта речь была известна Мандельштаму. Тогда же, в ноябрьском стихотворении 1917 года «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» он уподобляет себя патриарху и провидит, что ему придется надеть «митру мрака». «Митра мрака» здесь поясняется: это бремя «неосвященного мира, чреватого слепотой и муками раздора». Митра — высокий головной убор круглой формы, атрибут облачения священников высшего сана; как атрибут власти в русском языке она связана со словом «бремя» через

⁷ В т. 10 справочного издания «European writers» (1990). В переводе на русский язык: Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 14. Вплоть до нашего доклада на симпозиуме статья Ронена, в связи с отсутствием в то время указанного издания в библиотеках Ленинграда, нам не была известна; его предположение не было нам известно и в изустной передаче.

⁸ Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Ист. альм. 1987. Вып. 3. С. 186–190.

⁹ Вечер. 1917. 13 (26) нояб. Текст выступления патриарха в этой газете сокращен приблизительно вдвое, полностью см.: Всерос. церковно-обществ. вестник. 1917. 12 нояб. С. 1. В речи цитируются: Книга пророка Иезекииля 2: 10; Четвертая книга Моисеева. Числа 11: 11. Образ «вождя» у Мандельштама повторяется еще раз в переводе стихотворения Макса Бартеля «Петербург» (здесь «вождь старинный»), и симптоматично, по связи с нашим сюжетом, что в переводе имеется в виду библейский Моисей.

известную поговорку «Тяжела ты, шапка Мономаха». «Мрак» — сквозной мотив поэзии Мандельштама, чаще в производной форме «сумрак» («Вернись в смесительное лоно...», «Как светотени мученик Рембрандт...»), и входит в лексический ареал «иудейской темы», но не исключительно: как видно из стихотворения, он является приметой и вообще «неосвященного мира». Тот же акцент и в «Гимне»: «власти время» — «сумрачное» («сумеречен» весь фон в стихотворении). Следующий стих в «Гимне» — «Ее невыносимый гнет» — дает некую дополнительную окраску, если взглянуть на него сквозь призму того же сюжета Чисел: «Я один не могу нести всего народа сего; потому что он тяжел для меня».¹⁰

В речи патриарх уподобил себя Моисею, выводящему народ из Египта, что у Мандельштама получило резонанс в другом ноябрьском стихотворении — «Среди священников левитом молодым...», также косвенно связанному с избранием патриарха. Оно было посвящено поборнику восстановления патриаршества А. В. Карташеву, и вскоре напечатано в газете «Страна» 7 апреля 1918 года («Кто знает, может быть...» было помещено в той же газете 21 апреля). Исторические реалии стихотворения таковы. Видный деятель Религиозно-философского общества в Петербурге, ученый-богослов, педагог, Карташев после Февраля становится товарищем (заместителем) обер-прокурора Синода, а затем министром исповеданий Временного правительства. Мандельштам знал Карташева по Религиозно-философскому обществу, заседания которого он посещал, и по беседам со своим старшим другом С. П. Каблуковым, секретарем Христианской секции этого общества.¹¹ Главным делом Карташева в 1917 году была подготовка Всероссийского поместного собора духовенства и мирян, и восстановление патриаршества — давнее чаяние Религиозно-философского общества в Петербурге — нужно считать во многом результатом его трудов. В мае 1917 года Карташев привлек Каблукова к работе по подготовке собора, и тот вошел в комиссии по делам монашества и по реформе духовно-учебных заведений, получил направление от этих комиссий на Всероссийский съезд духовенства и мирян (предсоборное совещание). 8 ноября 1917 года он, узнав об избрании патриарха, записал в своем дневнике: «Со всеми подлинно православными я безмерно радуюсь восстановлению патриаршества в России

¹⁰ Числа 11: 14 (синодальный перевод).

¹¹ О С. П. Каблукове см.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 356–357. (Лит. памятники).

как исполнению моей заветной и давней мечты».¹² Когда в ноябре 1917 года Мандельштам общался с Каблуковым, это событие не могло не стать предметом их бесед, так же как и судьба А. В. Карташева, от которого Каблуков в те дни получал письма из Петропавловской крепости, где Карташев был заключен вместе с другими членами Временного правительства. В январе 1918 года Мандельштам принял участие в благотворительном «утреннике» Красного Креста, сбор от которого предназначался узникам Петропавловской крепости.¹³

После освобождения из заключения, 25 января 1918 года, Карташев скрывался у знакомых, в том числе и у Каблукова, но затем жил легально в Москве, где Мандельштам мог видеть его в мае.¹⁴ По материалам «Красной книги ВЧК», он принял участие в деятельности подпольного Национального центра.¹⁵ С конца марта Карташев активно выступает в московской печати по актуальным вопросам церковной жизни. На апрель приходится некоторое смягчение политики новой власти по отношению к церкви.¹⁶ 1 апреля 1918 года Совет Народных Комиссаров в связи с приближающимися праздниками — 1 мая и Пасхи (5 мая) — выделил деньги на проведение обоих праздников; 28 апреля, в Вербное воскресенье, был разрешен крестовый ход из собора Василия Блаженного в Успенский собор Кремля (Кремль в то время был закрытой территорией). С другой стороны, в эти месяцы наметился перелом в сознании леволиберальной интеллигенции по отношению к церкви. Он зафиксирован в статье Карташева «Церковь», напечатанной 21 апреля в газете «Наше слово»: «вожди¹⁷ <...> не понимая ее (власти. — А. М.) созидательной и целительной силы, замалчивали государственную национальность и чурались национальной государственности, не понимая ее ничем другим не заменимых цементирующих и культурных сил для великого державного тела государства <...> Слава Богу, прозревающие начинают видеть камни,

¹² ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 48. Л. 375.

¹³ Об этом «утреннике» см. в статье «Как сделан „Арзамас“ Георгия Иванова» в наст. изд. (с. 255).

¹⁴ См.: Сахаров А. Н. Апостол истории «Святой Руси»: (Антон Владимирович Карташев) // Отеч. история. 1998. № 5. С. 92.

¹⁵ Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 2. С. 39, 147.

¹⁶ Ранее, 21 января 1918 года, был издан дискриминационный Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (не наделявший церковь правами юридического лица) и проведена конфискация церковного имущества.

¹⁷ Речь идет о «вождях» либеральной интеллигенции до Октября.

которыми пренебрегли жидущие <...> Новыми, добрыми глазами смотрят и на нашу церковь. Перемена психологии полная и почти неожиданная».

3 мая в той же газете была помещена статья Карташева «Итоги церковного собора», где говорилось: «В годину невиданного крушения великого государства и предательства всех национальных ценностей собор сберег в целостности среди развалин одну из твердынь русского национального духа, его культуры и самой русской государственности — нашу отечественную церковь <...> Это теперь реальная точка опоры, единственный пока маяк нашего национального воскресения».

О своих политических симпатиях того времени Мандельштам дал откровенные признания на следствии: «Октябрьский переворот воспринимаю резко отрицательно. На Советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит выражение в моем опубликованном в „Воле народа“ стихотворении „Керенский“¹⁸». ¹⁹ Пафос и других стихотворений, опубликованных им в те месяцы, соответствует показаниям поэта на следствии.

Атмосфера общественно-политической жизни в обеих столицах не исследована еще в степени, достаточной для продолжения нашей аргументации. Те или иные настроения в общественной среде могли быть неустойчивыми. Но в нашем случае требуется принять во внимание, что это было время, непосредственно предшествующее началу Гражданской войны (25 мая 1918 года — мятеж Чехословацкого корпуса), напряженность не могла не ощущаться, и, очевидно, настроения в пользу единения вокруг «третьей» силы, церкви, усиливались из-за этого в значительной степени. Сейчас мы в состоянии привести лишь отдельные свидетельства о подобных настроениях. Так, М. А. Волошин в «белом» Крыму выступил со статьей «Вся власть Патриарху»: «Какова должна быть конструкция временной власти, общей для всей России? Вот вопрос, который стоит сейчас перед нами и перед союзниками <...> Не случайно русская Церковь в тот самый момент, когда довершался разгром Русского государства, была возглавлена Патриархом. Не случайно большинство Собора, бывшее против Патриархата, тем не менее установила его, интуитивно повинувшись скрытому гению Русской истории. При развале Русского государства Патриарх, естественно, становится духовным главой России.

¹⁸ Стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...».

¹⁹ Огонек. 1991. № 1. С. 18.

Как в то время, когда насущной исторической задачей момента было разрушение России, проводимое последовательно и неуклонно по гениальным планам германского генерального штаба, лозунг момента был прекрасно сформулирован Лениным в его книге „Вся власть Советам!“, так теперь, когда дело идет о воссоздании единой России, лозунгом должна стать формула: „Вся власть Патриарху“.

Патриарх в настоящее время естественный глава России. Ему надлежит направлять действия Добровольческой Армии, ему право созывания Земского Собора; он предлагает Собору возможные формы постоянной власти, он благословляет власть, утвержденную Собором.

Это все вполне согласуется с исторической ролью Патриарха, который всегда принимает на себя временный распорядок светскими делами в эпохи смут и междуцарствий». ²⁰

В этом сюжете получают свой контекст слова Н. С. Гумилева, который в 1921 году в ответ на вопрос, кто будет править после падения большевиков, ответил неожиданным: «Патриарх». ²¹ Вполне вероятно, что настроения в пользу патриарха зародились в мае 1918 года, и именно они отозвались в «Гимне». Если так, то в этой связи открывается возможность нового прочтения «Гимна», своим центральным мотивом идущего от «небывалой свободы» в стихах «Камня».

²⁰ Таврический голос. Симферополь, 1918. 22 дек. Текст статьи предоставлен нам В. П. Купченко, которому за это благодарен.

²¹ Свидетельство Д. Д. Бушена, см.: Дедюлин С. В. «Со мной говорил Гумилев...» // Рус. мысль. 1987. 5 июня. Лит. прил. № 3/4. С. XI. Перепечатано: Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 86.

ЗАМЕТКИ К КОММЕНТАРИЮ

1. «КАК КОНИ МЕДЛЕННО СТУПАЮТ...»

Статья Е. Е. Топильской «Фольклорная аллюзия в лирике Мандельштама воронежского периода»¹ обосновывает необходимость изучения фольклорной аллюзии как особого слоя реминисцентных явлений в стихах Мандельштама, что и предопределяет ценность работы. Мы же обращаемся только к одному примеру из нее, который дает повод для полемики. Автор статьи анализирует фольклоризм «чужие люди» в «Я живу на важных огородах...» и в «Как кони медленно ступают...» и устанавливает тождество его функции в обоих стихотворениях: «фольклоризм способствует воплощению релевантных мотивов отчужденности и безразличия... приданию обоим лирическим текстам сходной эмоциональной модальности (горе, печаль)» (с. 269). Приведем текст второго стихотворения (выделения в тексте — наши):

*Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.*

¹ Впервые: Тыняновский сборник: Девятыне Тыняновские чтения. М., 2002. Вып. 11. С. 366–375.

¹ В сб.: «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 265–275.

*А я вверяюсь их заботе.
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте,
Навстречу звездному лучу.*

*Горячей головы качанье
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.*

1911

На самом деле сравнение двух стихотворений показывает иное: если в «Я живу на важных огородах...» фразеологизм функционирует так же, как в фольклоре, то в «Как кони...» его функция противоположна, это — «забота», которой «вверяется» поэт. Источник фольклоризма с противоположным знаком функциональности — пушкинские «Цыганы», рассказ Старика об Овидии:

*Не разумел он ничего,
И слаб, и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.*

Приведенное место из «Цыган» Мандельштам дважды цитирует в статьях — «Слове и культуре» и «О природе слова»,² причем в первой статье — в сочетании со словом «забота», как и в «Как кони медленно ступают...».

2. К ВОПРОСУ О ДАТАХ

Стихотворения «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...» (далее — ПТР), «Пусть имена цветущих городов...» (далее — ПИ) и «Когда держался Рим в союзе с естеством...» (другая редакция

² Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем.: В 3-х т. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2. С. 49 и 76. Функция этой цитаты из «Цыган» в статьях Мандельштама рассматривается в работе: Тоддес Е. А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Philologia. Рига, 1994. С. 102–103.

ПТР) датированы нами 1914 годом.³ Полученные дополнительные сведения обязывают вернуться к вопросу о времени их создания. Приведем тексты стихотворений.

*Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.*

*Природа — тот же Рим! И, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить —
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!*

***

*Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной:
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.*

*Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны;
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари!*

***

*Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе — как в цирке голубом —
На форуме полей и в колоннаде рощи;*

*А ныне человек — ни раб, ни властелин,
Не опьянен собой, а только отуманен;
Невольно думаешь: всемирный горожанин!
А хочется сказать: всемирный гражданин!*

Определение времени создания этих стихотворений до сих пор основывается на косвенных данных. Они не датированы ни в одном из архивных источников текстов (из источников ясно

лишь, что ПИ и ПТР написаны в одно время), а датировка «1914» под ПИ в «Стихотворениях» (1928) нуждается в критической проверке, поскольку некоторые из дат в этой книге оказались ошибочными (тем же годом, например, помечено «Собирались элины войною...», на самом деле написанное в 1916 году); А. А. Морозов, как увидим ниже, вовсе не обращался к дате ПИ в «Стихотворениях» как к аргументу.

История текстологических решений такова. Н. И. Харджиев в издании 1973 г.⁴ датировал ПИ 1917 годом на том основании, что его автограф (недатированный) в РГАЛИ находится на одном листе со стихотворением 1917 г. «Кто знает? Может быть, не хватит мне свечи...» (и, на том же основании, ПТР), и перенес оба стихотворения из раздела «Камень» в «Tristia». Ему возражал А. А. Морозов в примечании к записи дневника С. П. Каблукова от 6 сентября 1914 года: «Такой „двойчаткой“ здесь могут быть только два восьмистишия — „Пусть имена цветущих городов...“ и „Природа — тот же Рим и отразилась в нем...“ (они же, как, очевидно, не прошедшие цензуру, подклеены к стихотворению „О временах простых и грубых...“ в сборнике, составленном Каблуковым на основе печатного издания „Камня“ 1916 г.). Н. И. Харджиев <...> не прав, отнес эти стихи, и без всяких видимых причин, к 1917 году. Во втором стихотворении строчка „Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать...“ — по всей очевидности, имеет своим содержанием саратовское убийство (15 июня) и подготовку мировой войны».⁵

В издании «Камня»,⁶ соглашаясь с доводами А. А. Морозова, мы привели дополнительный аргумент: «Беловой автограф на бланке журнала «Аполлон», вместе со стихотворением «Пусть имена цветущих городов...» (в виде цикла), с визой редактора: «Аполлон № 9. Набор — корпус. С. Маковский». По визе с большой степенью вероятности можно датировать 1914 годом, поскольку в последующие годы ноябрьский выпуск входил лишь в сдвоенные номера журнала» (с. 313; то же обоснование мы дали в НБП, см. с. 535). Иными словами, предполагалось, что в визе редактора номер журнала должен был точно соответствовать осуществившемуся в тираже (одинарный — одинарному, сдвоенный — сдвоенному). Однако

⁴ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 105, 274. (Б-ка поэта. Большая сер.) (далее — БП).

⁵ Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Вестн. рус. христиан. движения. 1979. № 129. С. 146. Цитируем по републикации: Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 82.

⁶ Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 248. (Лит. памятники).

³ Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. СПб., 1995. С. 119, 339. (Новая б-ка поэта) (далее — НБП). См. также: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем.: В 3-х т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 76, 291. Далее сокращенно: ПССиП.

позже в архиве М. Л. Лозинского нам встретился лист со стихами В. К. Шилейко, виза Маковского на котором указывала одинарный номер журнала (2), а в тираже он вышел сдвоенным номером (1/2). Таким образом аргумент, который мы считали решающим, потерял силу, и к определению времени написания стихотворений приходится вернуться снова. Приведем исходные данные.

Источники текста

А. Списки С. П. Каблукова. ПИ и ПТР, без дат (с вариантом — «Когда держался Рим в союзе с естеством...»), на одном листе, нумерованы соответственно «III» и «IV», подклеены во второе издание «Камня» к с. 67 над стихотворением «На площадь выбежав, свободен...»; на развороте слева (с. 66) — стихотворение «О временах простых и грубых...». Нумерация Каблукова указывает на местоположение в цикле, несомненно, вместе со стихотворением «На площадь...», к которому подклеен лист, и с «О временах...», что будет ясно из дальнейшего. Цикл «Рим» засвидетельствован двумя записями от сентября 1914 года в дневнике Каблукова⁷ (но вошедшие в цикл стихотворения не названы) и в публикации журнала «Голос жизни» (1915. № 14), где под заглавием «Из цикла „Рим“» напечатаны «О временах простых и грубых...», «На площадь выбежав, свободен...» и «Посохой — моя свобода...», под номерами 1, 2, 3 (все стихи — 1914 года).

Б. Автографы ПИ и ПТР в архиве М. Л. Лозинского. Без дат, на одном листе, нумерованы в виде цикла, с визой Маковского о наборе (см. выше).

В. Автограф ПИ в РГАЛИ. Без даты, на одном листе со стихотворением 1917 года «Кто знает?..».

Публикации. Во второе издание «Камня» стихотворения не вошли. Первые публикации осуществились в начале 1918 года в газетах «Вечерняя звезда» (ПИ) и «Петроградское эхо» («Когда держался Рим в союзе с естеством...»). ПТР — в «Tristia» (1922), во всех публикациях без дат. В третьем издании «Камня» ПИ и ПТР помещены между стихами 1915 года («Обиженно уходят на холмы...» — «С веселым ржанием пасутся табуны...»), в «Стихотворениях» — в разделе «Камень», между стихами 1914 года «Есть ценностей незыблемая скала...» — «Я не слыхал рассказов Оссиана...», причем только в этом сборнике одно из стихотворений (ПИ) датировано («1914»).

⁷ См. в кн.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 248, записи № 26 и 27 (Лит. памятники).

Сумма противоречий

Основное противоречие — между предполагаемыми ранними датировками «1914» (или «1915») и невключением ПИ и ПТР во второе издание «Камня» (декабрь 1915), а также их поздними (1918) первыми публикациями. А. А. Морозов в своей аргументации (см. выше) объяснил невключение цензурным вмешательством, однако это объяснение противоречит содержанию записи дневника Каблукова за 30 декабря 1915 года, в которой исключенные цензурой стихотворения названы. Существенно, что и не обнаруживается оснований, по которым эти стихи могли бы привлечь внимание цензуры. А предположению о неудовлетворенности автора ПИ и ПТР противоречит попытка напечатать их в «Аполлоне» — все стихотворения, печатавшиеся в «Аполлоне» в 1913–1915 годах, во второе издание «Камня» были включены.

Данные к анализу

Сложившаяся текстологическая ситуация обязывает рассмотреть возможность датировки ПИ и ПТР каждым годом между крайними датами 1914–1917.

(1). Первые публикации в 1918 году являются существенным, но не решающим аргументом — Мандельштам публиковал некоторые свои стихотворения и через несколько лет после их создания (к обсуждению последнего обстоятельства мы еще должны будем вернуться). Факт, на который опирается аргумент Харджиева в пользу «1917», является лишь производным от обстоятельств, связанных с подготовкой первых публикаций стихотворений в конце 1917 — начале 1918, как раз в связи с чем, по-видимому, автограф ПИ в РГАЛИ и был записан на одном листе со стихотворением «Кто знает?..»; А. А. Морозов в устной беседе сообщил нам, что этот лист происходит из фонда Вяч. Полонского, которому, вероятно, был дан автором для публикации в одном из повременных изданий. Есть еще косвенные данные, которые нужно принимать во внимание.

— Анализ динамики публикаций стихов Мандельштама в «Аполлоне» (ноль в 1915 и 1917) и виз Маковского на его автографах в архиве М. Л. Лозинского (все другие стихотворения с визами были напечатаны) дает некоторые основания к предпочтению 1917 года (для дат виз на ПТР и ПИ), поскольку тогда можно было бы невключение стихов Мандельштама в номер связать с издательскими трудностями, предшествовавшими прекращению журнала;

тогда же из тиража был исключен заверстаный в № 8/10 перевод В. К. Шилейко «Хождение Иштар» (корректурные экземпляры — в архиве М. Л. Лозинского).

— Мотив «гражданственности» в «Когда держался Рим в союзе с естеством...» перекликается с «обетованным гражданством» в варианте стихотворения «Декабрист» (1917).⁸

— Если согласиться с тем, что образ «Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать» в ПТР несет аллюзию на политические реалии (по А. А. Морозову — «сараевское убийство»), то следует учитывать не менее подходящее событие — похороны «жертв революции» Февраля 1917 года (23 марта на Марсовом поле).

(2). В пользу «1914» (или «1915») самым обоснованным остается аргумент А. А. Морозова о местоположении списков ПИ и ПТР в «Камне», принадлежавшем С. П. Каблукову. Наличие на этих списках нумерации, указывающей на существование цикла, позволяет привлечь дополнительные данные. Нумерация предполагает, что в цикл «Рим» входило не менее пяти стихотворений: «О временах...», «На площадь...» и «Посох мой — моя свобода...» (помещенных в «Голосе жизни») плюс ПИ и ПТР. К ним тематически примыкают: «Поговорим о Риме...», «Ни триумфа, ни войны...», «Есть обитаемая духом...» (все — 1914); «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Обиженно уходят на холмы...», «Негодование старческой кифары...» (все — 1915). Два последних стихотворения во второе издание «Камня» не вошли, их списки подклеены Каблуковым в другом месте «Камня» и без означений, которые могли бы указывать на принадлежность к циклу. Эти данные позволяют с высокой степенью вероятности датировать списки ПИ и ПТР временем не позднее начала 1915 года.

К сказанному прибавим еще два наблюдения. «Вечный купол небес» («Есть обитаемая духом...») перекликается с первым членом триады образов в ПТР, в которой он мог бы занять место вместе с «форумом полей и колоннадой рощи» (но в ПТР он дан иначе: «В прозрачном воздухе, как в цирке голубом»), а «Есть... камни, чтобы строить» в ПТР устанавливает связь с соответствующими местами в «Утре акмеизма» (осень 1913 или начало 1914⁹).

⁸ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 455.

⁹ О датировке «Утра акмеизма» см. в статье «Акмеисты: последнее выступление группы» в наст. изд.

Вывод. Противоречие между крайними датами можно объяснить с помощью одного допущения. Существует небольшая группа стихотворений, отношение автора к которым со временем изменилось: они не были включены во второе издание «Камня», но включались в следующие сборники.¹⁰ Возможно, что в 1914 году (наиболее вероятное, на наш взгляд, время создания ПИ и ПТР) оба стихотворения автор считал несовершенными и не предназначал для печати до 1917 года. Но из-за сложности вопроса предлагаем это объяснение только в качестве рабочей гипотезы.

3. «МЫ ЖИВЕМ, ПОД СОБОЮ НЕ ЧУЯ СТРАНЫ...»

Одно из разночтений в обнаруженном в следственном деле автографе стихотворения не встречается больше ни в одной записи свидетелей-современников — «тараканьи глазища» (вместо «усища», как в остальных записях). В НБП оно объяснено следствием описки;¹¹ сейчас к корпусу прямых и косвенных показаний современников о тексте следует прибавить не распознанную ранее цитату в «Листках из дневника» Ахматовой: «Из каждого окна на нас глядели тараканьи усища „виновника торжества“». ¹² «Листки из дневника» писались в 1957–1963 годах, до первой публикации стихотворения (1963), что повышает ценность цитаты как текстологического источника.

«Смеются усища» примыкают к занимавшей Мандельштама физиономике сталинского лица, и соответствующие наблюдения интенсивно использованы в «Оде» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»): в первой строфе автор дважды говорит о намерении «исправить» линию брови на его портрете, а в четвертой соответственно одическому заданию реинтерпретируется вся совокупность данных: «глаза», снова «бровь», «рот», «веко», «морщинки» («зоркий слух» включает сюда и уши). Осколки портрета находим в одновременно писавшихся стихотворениях:

¹⁰ Об этой группе стихотворений см.: Рус. литература. 1988. № 3. С. 180. См. также: Мец А. Г. «Камень»: (К творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 280–281. (Лит. памятники).

¹¹ Заметим, что описки подобного характера репрезентируют версии, пробовавшиеся в процессе сочинения стихотворения; ср. в наст. изд., с. 233; см. также НБП. С. 621 (примеч. 261), то же: ПССИП, с. 260, примеч. «Еще не умер ты, еще ты не один...».

¹² Вопр. лит. 1989. № 2. С. 209 (подготовка текста В. Виленкина).

*И брони боевой и бровь, и голова
Вместе с глазами любовно собраны.*

(«Обороняет сон мою донскую сонь...»,
3–11 февр. 1937)

*Смотрит века могучая веха
И бровей начинается взмах.*

(«Средь народного шума
и спеха...», янв. 1937)

Сталин смеется еще один раз — «могучим смехом» — в последнем стихотворении, «Стансах» 1937 года.

В связи со сказанным привлечем внимание к зарисовке очевидца: «Особенностью лица Сталина, придающей ему некоторую жесткость, являются идущие косо наверх брови. Они кустятся и торчат под висками острыми волосиками. Когда Сталин смеется, а делает это он довольно часто, быстро жмурясь и нагибаясь, брови и усы бегут врозь и вверх, и в нем появляется нечто хитрое, я бы сказал, кошачье».¹³

4. «Ода»

В главе «Ода»¹⁴ «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам показана сеть образных соответствий, связывающих ее с окружающими стихами (и дана убедительная филологическая интерпретация этих связей): «Искусственно задуманное стихотворение... стало маткой целого цикла противоположно направленных, враждебных ему стихов <...> А самой первой реакцией на „Оду“ была жалоба, что „мое прямое дело тараторит вкось“, потому что „по нему прошло другое, надсмеялось, сбило ось“».¹⁵ Н. Я. Мандельштам сопоставляла

¹³ Зелинский К. Л. Вечер у Горького // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1992. № 10. С. 102. Публикация осуществлена без текстологической справки, но, согласно другой публикации, запись сделана на следующий день после встречи со Сталиным. А. Зелинским был на год раньше опубликован отредактированный автором в 1940-х годах „вариант“: Зелинский К. Л. Одна встреча у Горького: (Запись из дневника) // Вопр. лит. 1991. № 5. Приведенное нами место в этой публикации (с. 156) — с незначительными стилистическими изменениями, но с заменой «кошачьего» сравнения на «тигриное». Публикатор указал архивный источник: РГАЛИ. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 112–146 и указал время записи (с. 144–145).

¹⁴ «Ода» — «домашнее» название стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...». В сборнике, подготовленном для Союза писателей в 1937 году, была озаглавлена как «Стихи о Сталине» (Огонек. 1991. № 1. С. 20).

¹⁵ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989. С. 195–196.

«Оду» только со стихами «Второй воронежской тетради». Последние стихи, написанные через полгода после «Оды» — «На утесы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (4 июля 1937) и «Стансы» (4–5 июля 1937) ей не были тогда известны. Между тем оба стихотворения политически насыщены, и интерпретация их также бросает ответ на действительную интенцию «Оды». Обратимся к текстам.

Так, в «Стансах» 1937 года поэт присоединяется к стремлению Лили Поповой «оборонить» Сталина (мотив, повторяющий «Оду», где был призыв «беречь и охранять» вождя, а также одновременно написанного стихотворения «Обороняет сон мою донскую сонь...»). Логически ясное развитие темы неожиданно прерывается не очень понятной характеристикой:

.....
*С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого
Ошеломляющего нас.*

Смысл проясняется при сопоставлении с обращенным к Сталину стихотворением «Ты должен мной повелевать...» (1935), где обнаруживается парафраз:

*Ты должен мной повелевать,
А я обязан быть послушным.*
.....
*Так пробуй выдуманный метод
Напропалую, напрямик.*

Это стихотворение, вполне вменяемое по юридическим меркам 1935 года, ни поэтом, ни его женой на бумаге не фиксировалось и стало известно только по записи С. Б. Рудакова.

«Ты должен мной повелевать...» писалось в одно время со «Стансами» 1935 года.¹⁶ Эти последние окружены «вольными стихами» — в той же мере, что и «Ода». Стихотворение «Мир начинался страшен и велик...» (апрель 1935) к «вольным» стихам не относится, как относится, скажем, «Я живу на важных огородах...»; оно, скорее, стоит на полпути от «вольных стихов» к «Стансам» 1935 г. Но в нем содержится засвидетельствованная поэтом

¹⁶ Е. А. Тоддес привел данные, уточняющие время создания стихотворения «Ты должен мной повелевать...»; теперь его следует датировать: не ранее 4 мая 1935 г. (Тыняновский сборник: Девятые Тыняновские чтения. М., 2002. Вып. 11. С. 650).

двусмысленность — средство, которое применялось и в «Оде», и в других «политических» стихах 1935–1937 годов. Что следует из воспоминаний Я. Я. Рогинского:

«Однажды он появился у меня и с ходу стал читать только что написанные стихи:

*Мир начинался страшен и велик
<.....>
Привет тебе, скрепитель добровольный
Трудящихся, твой каменноугольный
Могучий мозг — гори, гори стране.*

<...> А потом неожиданно спросил: — Как вы считаете, Яков Яковлевич, вам было бы приятно, если бы вам сказали, что у вас мозг каменноугольный?»¹⁷ Согласно Рогинскому, поэт читает раннюю редакцию стихотворения; в окончательной редакции соответствующих строк — «Скрепитель дальнзоркий... Твой угольный, твой горький...» — двусмысленность едва ли не акцентирована еще больше.

Отношение поэта к «советской действительности» красноречиво и недвусмысленно дано в писавшемся в один день со «Стансами» 1937 года стихотворением «На утесы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», где строки

*Словно ходят по лугу, по лугу
Косари умалишенные...*

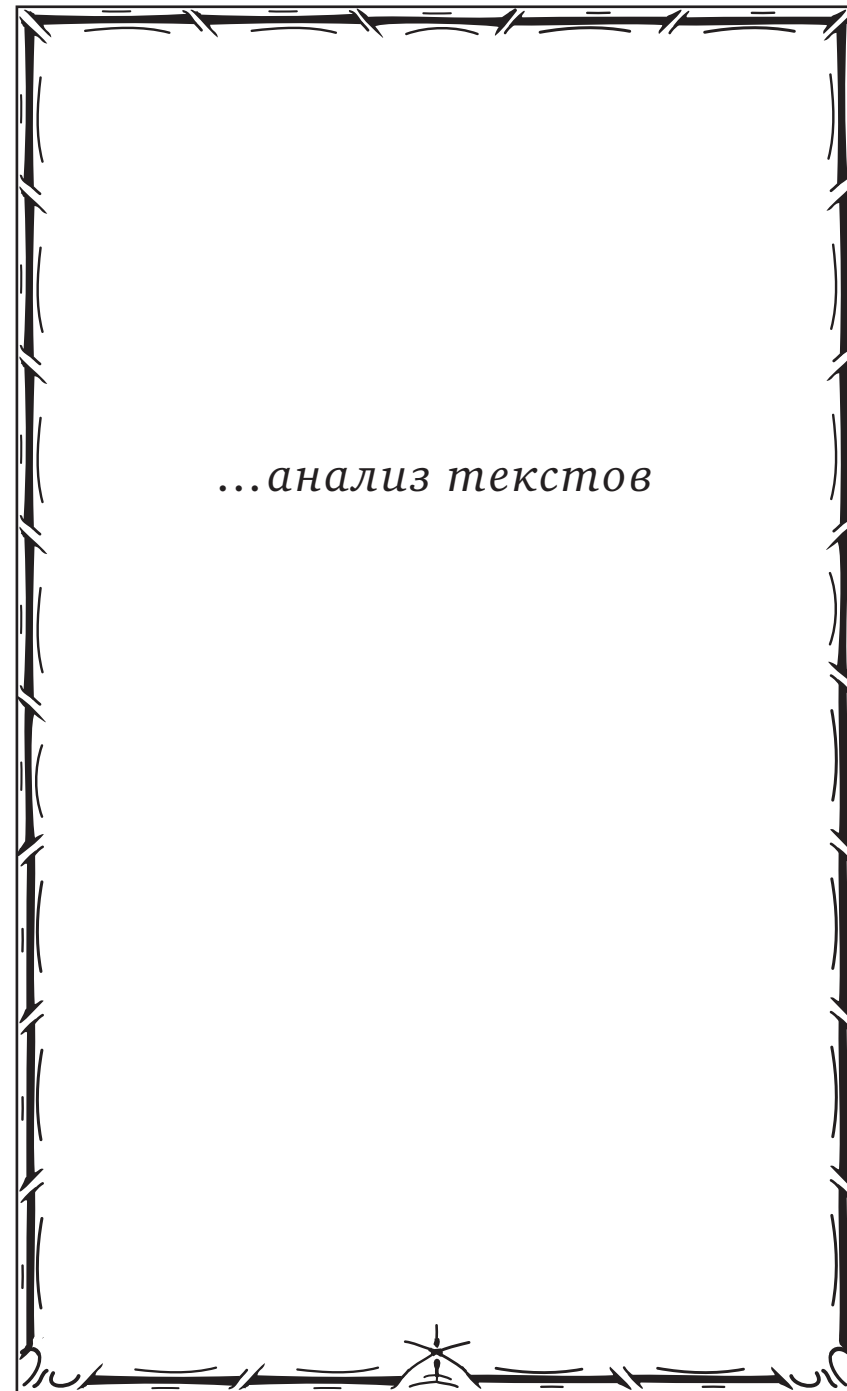
— передают впечатление от наличного в 1937 году состояния советского общества.

Этот образ уже встречался у Мандельштама в стихотворении «Я по лесенке приставной...» (1922), где было:

*Из гнезда упавших щеглов
Косари приносят назад —
Из горящих вырвусь рядов...*

Образ претерпел динамическое развитие: «косари» в 1937 году уже не обнаруживают человеческих качеств, и из «горящих рядов» выхода не предвидится...

¹⁷ Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 43.

«ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА»: ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИИ ТЕКСТА

І. ВВЕДЕНИЕ

История изучения черновиков «Грифельной оды» насчитывает уже более 30 лет. Первой по времени к ним обратилась Дж. Бейнс.¹ Ее целью была, как и заявлено в названии статьи, семантическая интерпретация образов стихотворения с привлечением текста некоторых черновиков.² Вскоре отдельные сведения об этих черновиках были даны Н. И. Харджиевым в примечаниях к тому стихов Мандельштама в большой серии «Библиотеки поэта».³

Углубленное исследование рукописей «Грифельной оды», и также с акцентом на семантику, предприняла И. М. Семенко в работе «О черновиках „Грифельной оды“».⁴ Она выделила в них

---

¹ Baines, J. 'Mandel'shtam's *Грифельная ода*: A Commentary in the Light of the Unpublished Rough Drafts' // *Oxford Slavonic Papers, New Series*. 1972. Vol. V. P. 61–82.

² К достоинствам работы следует отнести некоторые находки комментария. В ней (кажется, впервые) поставлены в связь образ «дубов зеленых» и «темный дуб» лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...».

³ Мандельштам О. Стихотворения / Сост. подгот. текста и примеч. Н. И. Харджиева. Л., 1973. (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁴ Впервые: Развитие метафор в «Грифельной оде» О. Э. Мандельштама (от черновых редакций к окончательному тексту) // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1985. Вып. 680. С. 117–136. (Блоковский сб. № 6). Мы будем цитировать ее работу по изданию: Семенко И. М. О черновиках «Грифельной оды» // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама / Сост. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Подгот. текста и примеч. С. В. Василенко. М., 1997. С. 6–30. Далее сокращенно — ППМ.

три редакции: А, В, С и опубликовала большинство семантически значимых слоев текста. И. М. Семенко не ставила перед собой задачу определить текст редакции А, а также и установить последовательность, в какой поэт вел работу, в чем сказалась ее профессиональная корректность: свой этап исследования она, несомненно, мыслила как предварительный. В ее чтения отдельных стихов в дальнейшем вносились коррективы.⁵

Новое обращение к рукописям, корпус которых пополнился к этому времени авторизованной копией ранней редакции, обнаруженной в фонде журнала «Красная новь»⁶ (далее — рукопись (редакция) КН), предпринял М. Л. Гаспаров в работе «„Грифельная ода“ Мандельштама: история текста и история смысла»⁷ (далее: ИТИС). Он провел большую и результативную работу: дал краткое палеографическое описание листов рукописи и присвоил им нумерацию; определил, что редакция В была самой ранней из сохранившихся и расположил те же три редакции в последовательности В («первая»), А («вторая»), С («третья»); выделил все без исключения слои правки текста и показал их привязку в листах черновиков. Обращаясь в нашей статье к той же теме и отмечая достоинства работы М. Л. Гаспарова, мы будем вынуждены дать характеристику и ее недостаткам, как они нам представляются по результатам собственного исследования. Основным является недооценка ранней редакции, сохранившейся в архиве журнала «Красная новь». В ИТИС она лишь упомянута по частному поводу, а текст ее приведен схематически (с. 182–183), между тем как сопоставление редакции КН с остальными черновиками позволяет выделить в группе рукописей А три самостоятельных редакции — две семистрофные и одну девятистрофную — и точно привязать к каждой из них сводки отдельных строф на листах 7–11 и 2 об. Мы показываем также, что рукописи завершения редакции

В утрачены. Об этой лакуне сигнализирует фрагмент — сохранившийся от редакции В1 лист 2, который в работе М. Л. Гаспарова отнесен к редакции А. Соответственно текст в указанной позиции не может быть представлен как «переписанный» с одних сохранившихся листов на другие. В некоторых местах автор прибег к упрощениям: тексты на листах 11 и 7, где имелись сводки больше чем одной строфы, в целом виде не представлены, но без оговорок разделены и разнесены к этапам эволюции соответствующих строф; почти все имеющиеся в рукописях варианты означены как слои последовательной правки.

Здесь необходимо отозваться также об «истории смысла» «Грифельной оды» как одной из задач, поставленных в ИТИС. Инструментом анализа была избрана схема из книги О. Ронена,⁸ и только она одна, — большой собственно семантический материал подтекстов автор не стал привлекать («контексты и подтексты — мы сознательно не затрагиваем: здесь нам прибавить нечего» — ИТИС. С. 155). Саму схему и предшествующий абзац автор охарактеризовал так: «О чем говорится в „Грифельной оде“? Ронен отвечает: о процессе поэтического творчества — в близких Мандельштаму метафорах из области минералогии и метеорологии. Вот как выглядит в его изложении план оды по строфам — „последовательные стадии поэтического процесса“ (Ronen 1983, 44–45)» (далее следует перевод «плана»). Однако в этой посылке имелась существенная неточность интерпретации. У Ронена ни здесь, ни в каком-либо другом месте не говорится, что «Грифельная ода» — стихи о процессе поэтического творчества, и имеющаяся схема — отнюдь не «план оды по строфам». В данном месте специальной главы, посвященной исключительно исследованию композиции стихотворения на разных уровнях (лексико-грамматическом, смысловых полей), речь идет о частном случае: кольцевая композиция «управляет» (также и) смысловым полем «поэзия, творчество»;⁹ вслед дается схема топической

⁵ В издании: Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. СПб., 1995. С. 466–468 (Новая б-ка поэта) (далее — НБП), М. Л. Гаспаровым в статье, о которой речь идет ниже, и С. В. Василенко в ППМ (С. 135–136). Всего таких мест около десяти; все три издания одинаково определили места текста, нуждающиеся в коррекции, и в большинстве совпали в предложенных чтениях. В настоящей статье эти места мы специально не отмечаем.

⁶ Впервые текст помещен полностью в издании: Мандельштам О. Соч.: в 2 т. Подгот. текста А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера. Т. 1. С. 383–384; 497 (комментарий). За пределами комментария осталось указание на заполнение первоначально оставленного пробела, см. в настоящей статье, с. 193.

⁷ Philologica. 1995. № 3/4. С. 153–198.

⁸ Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem. 1983. P. 44–45.

⁹ Приводим текст подлинника (абзац, предшествующий схеме):

On the other hand, the compositional principle of the ring governs the semantic field of „poetry, creativity“, developed in GO both directly and in M.'s favorite mineralogical and meteorological images, and in such a way as to recreate in the ode the very impetus that has dictated it. Let us consider more closely the consecutive stages of the poetic process depicted in the ode: (далее следует упомянутая схема). Перевод: С другой стороны, композиционный принцип кольца управляет семантическим полем «поэзия, творчество», разработанным в ГО и прямо, и в излюбленных Мандельштамом минералогических и метеорологических образах, и таким

прикрепленности этого поля в стихотворении, причем схема не содержит строфы III, а стихи 45–48 и 51–52 соответственно заданию зафиксированы дважды. Указанные обстоятельства препятствуют тому, чтобы поставленную в ИТИС задачу считать решенной адекватно.

Многие авторы отмечали особую сложность семантической организации «Грифельной оды» (иногда определяя ее как «зашифрованность»). И до сих пор такие образы, как «На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок» (в основном тексте) или «Трех овчарок патриарх» (в черновиках), как нам представляется, удовлетворительно не раскрыты ни одним из исследователей. Относительно некоторых других образов и сюжета в целом другие работы, в том числе наш комментарий,¹⁰ дают иную, сравнительно с предложенной М. Л. Гаспаровым, интерпретацию, и, таким образом, ряд моментов «истории смысла» пока остаются дискуссионными. В то же время для восстановления «истории текста» оказываются достаточными традиционные текстологические процедуры, и в настоящее время представляется целесообразным две эти задачи не объединять.

Поэтому настоящая работа посвящена только «истории текста». «Историю смысла» «Грифельной оды» все еще приходится считать идеальной задачей, однако мы не испытываем скепсиса в отношении перспектив ее решения. Залогом конечного успеха является устойчивый интерес к ней со стороны исследователей. Уточнение истории текста призвано способствовать продвижению на этом пути. Так, мы показываем, что одной из первых записей на черновике были строки «И я теперь учу язык Который клекота короче». Здесь сказано, как представляется, о языке современности, побуждении «сменить строй лиры». Такое понимание позволяет провести параллели со стихами 1922 года: «И подумал: зачем будить Удлиненных звучаний рой <...> Из горящих вырвусь рядов И вернусь в родной звукоряд» («Я по лесенке приставной...»); «Время <...> ловит слово-колобок» («Как растет хлебов опара...») и другими, восстановить общий контекст, скрепляющий эту тему с внетекстовой реальностью.¹¹

образом <призван> как бы оживить в оде самый импульс, который диктовал ее. Давайте рассмотрим ближе последовательные стадии поэтического процесса, изображенного в оде: (далее следует схема).

¹⁰ НБП. С. 567–569; *Мандельштам О.* Полное собр. соч. и писем. М.: Прогресс–Плеяда, 2009. Т. 1. С. 584–586. Далее ссылки на том даются сокращенно: ПССиП.

¹¹ О связи текста стихотворения с актуальной политической реальностью см.: НБП. С. 568, ПССиП. С. 585–586.

Целесообразно начать нашу работу с некоторых общих наблюдений над мандельштамовскими рукописями (стихов, прозу здесь не затрагиваем) и над манерой работы Мандельштама. Почерк его был очень выработанным и четким с юношеских лет, с исключительным чувством соразмерности, как у профессионала — художника или чертежника. В беловиках (и в черновиках большей частью) линии строк выдерживаются строго параллельно, расстояние между строками и величины пробелов между строками одинаковы. Понятны поэтому эмоции С. Б. Рудакова при виде привезенного в Воронеж архива: «Лица, мне, с моей тягой к пейзажу, к графике, безумное наслаждение доставила Надян: Оськины рукописи. Это и лес, и парки, и луга, и даже безводные пустыни. До 300 листков, от мазаных черновиков до беловых редакций, оформленные изумительно (в простоте, конечно)».¹² В черновиках почерк небрежнее, но строчки нигде не «наползают» друг на друга, сохраняются интервалы между строками. Описок почти нет, сокращений мало. В черновиках имеются знаки препинания.¹³ Процесс писания требует движения руки с пером слева направо вслед за линией строки; в черновиках последний стих строфы Мандельштам иногда пишет с отступом (абзацем), а порой и в три строчки, чтобы не переносить руку справа налево, что давало некоторую экономию времени.

Из особенностей графики беловых автографов Мандельштама отметим одну, с помощью которой можно будет ориентироваться во фрагментах беловых (а иногда и черновых) сводок «Грифельной оды». При строго горизонтальных линиях строк (изредка к концу равномерно отклоняющихся вверх или, напротив, сгибающихся книзу), вертикальная линия, соединяющая заглавные (первые) буквы всех строчек стиха на листе (будем называть ее в дальнейшем: **линия колонки строк**) — прямая, очень выдержанная. Угол, образованный этой линией с горизонтальной, близок к прямому (почти всегда — несколько меньший, чем прямой), иногда уменьшается до 70°–80° (приблизительно), оставаясь одинаковым для всей рукописи (черновики «Грифельной оды», листы 3–6; 12–14). В дальнейшем мы будем говорить о нем: **угол наклона линии колонки**.

В ряде случаев при изучении черновиков «Грифельной оды» возникают особые сложности. Во-первых там, где правка позиции стихов или строф проведена не знаками при самом тексте (чертой,

¹² Письмо С. Б. Рудакова к жене от 16 января 1936 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 г. СПб., 1997. С. 127.

¹³ Отмечено также И. М. Семенко: ППМ. С. 6.

стрелкой), а цифрами их номеров, предварительно проставленных на верхнем или левом поле.

Во-вторых там, где, закончив работу над сводкой текста¹⁴ и авторизовав очередную завершённую редакцию (датой, подписью), Мандельштам спустя некоторый срок на том же (уже правленном) тексте продолжал работу.

Для выяснения этих вопросов, а также и других приемов работы Мандельштама над текстом (определения формы линий зачеркивания и знаков вставок, состояния оборотов листов, цифровых помет и т. п.) нам приходилось искать аналогии в рукописях других его стихотворений. Укажем эти рукописи, характеризуя интересующие нас особенности.

— Две полубеловые сводки стихотворения «Соломинка» с обширной правкой чернового характера, без нумерации строф, не авторизованы, завершённой редакции не образуют. Архив Мандельштама¹⁵ (далее: АМ). См. иллюстрации 1 и 2.

— Полубеловая сводка стихотворения «Собирались элины войною...» с правкой чернового характера, с нумерацией строф. АМ. См. иллюстрацию 3.

— Полубеловая сводка стихотворения «О этот воздух, смутой пьяный...» с черновой правкой. Строфы отделены друг от друга короткими отчерками. В ходе работы нумерованы строфы 3 и 4. АМ. См. иллюстрацию 4.

— Полубеловая сводка стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...». В строфах правка чернового характера. Ряд строф зачеркнут, затем восстановлен. Порядок нумерации не сплошной (отдельные строфы не нумерованы), дважды менялся.

¹⁴ В классификации рукописей мы следуем классической работе С. М. Бонди «О чтении рукописей Пушкина» (Бонди С. М. Над пушкинскими текстами. М.: Высшая школа, 2006. С. 217–270). Пользуемся случаем сказать, что все отмеченные Бонди разновидности беловиков — беловые и полубеловые сводки (которые мы различаем по полноте или не полноте нанесенной пунктуации), черновики и их «особые случаи» (сводки отдельных строф) и описанная Бонди процессуальность работы (с. 233–239) в полной мере соответствуют и материалу рукописей Мандельштама. Тем самым еще раз подтверждается вывод Бонди, что черновики Пушкина «являются типичными для черновиков поэта вообще» (с. 218).

¹⁵ Эти автографы были изучены нами по фотокопиям из собрания Ю. Л. Фрейдина во время подготовки издания 1995 года, см.: НБП. С. 520, затем по микрофильму, предоставленном Библиотекой Принстонского университета (см. ПССиП. С. 524), в Отделе рукописей и редких книг которой подлинники находятся с 1981 г. (Princeton University Libraries. Department of Rare Books and Special Collections. Osip Mandelstam Papers. CO 539. Box 4. Folder 13.

Цифры номеров строф проставлены сначала над строфами, после варианты нумерации даны на полях. В предпоследней строфе номерами на полях показана перестановка первого и второго двустихия. Ниже текста — цифры подсчета. Использован оборот листа (в условиях дефицита бумаги в 1920 г.). Редакция авторизована подписью и пометой «Ноябрь 1920. Петербург». РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 452. См. иллюстрации 5 и 5а.

— «Стихи о неизвестном солдате». Сводка Н. Я. Мандельштам с правкой автора, приводящей к 3-й редакции. Авторизована датой и пометой. Изменения в порядке строф показаны и стрелками, и цифрами на полях. Два знака переноса-вставки, аналогичные имеющемуся на листе 10 «Грифельной оды». ИРЛИ. Ф. 803. Оп. 1. Ед. хр. 27. См. иллюстрацию 6.

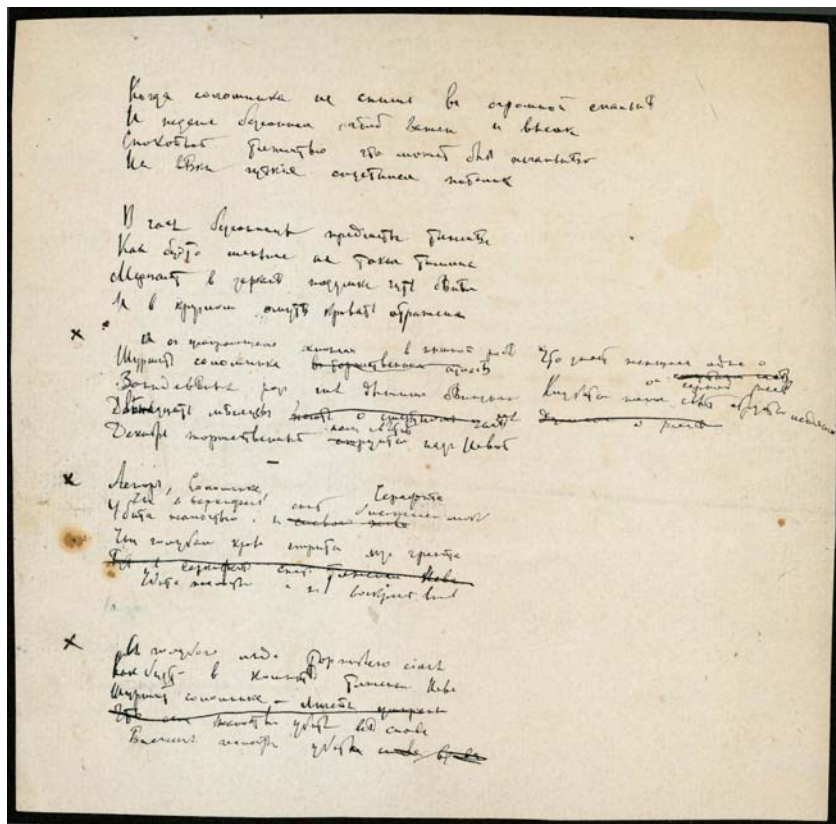
При определении стадий работы появляется необходимость учитывать то обстоятельство, что уже найденный текст окончательной редакции (целого стихотворения или отдельных строф), позднее входивший во все сборники без изменения, Мандельштам в черновиках пытался изменить, а затем снова возвращался к означенной редакции. Таких случаев в рукописях «Грифельной оды» несколько. Показательный пример — в следующей рукописи.

— Беловой автограф стихотворения «Ода Бетховену» с заглавием и датой. Строфы нумерованы. По тексту беловой записи завершённой редакции (в будущем основного текста стихотворения) с заглавием и датой — обширная черновая правка. На двух сложенных в тетрадку листах. На первом листе — цифры подсчета. ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 141. См. иллюстрации 7 и 7а.

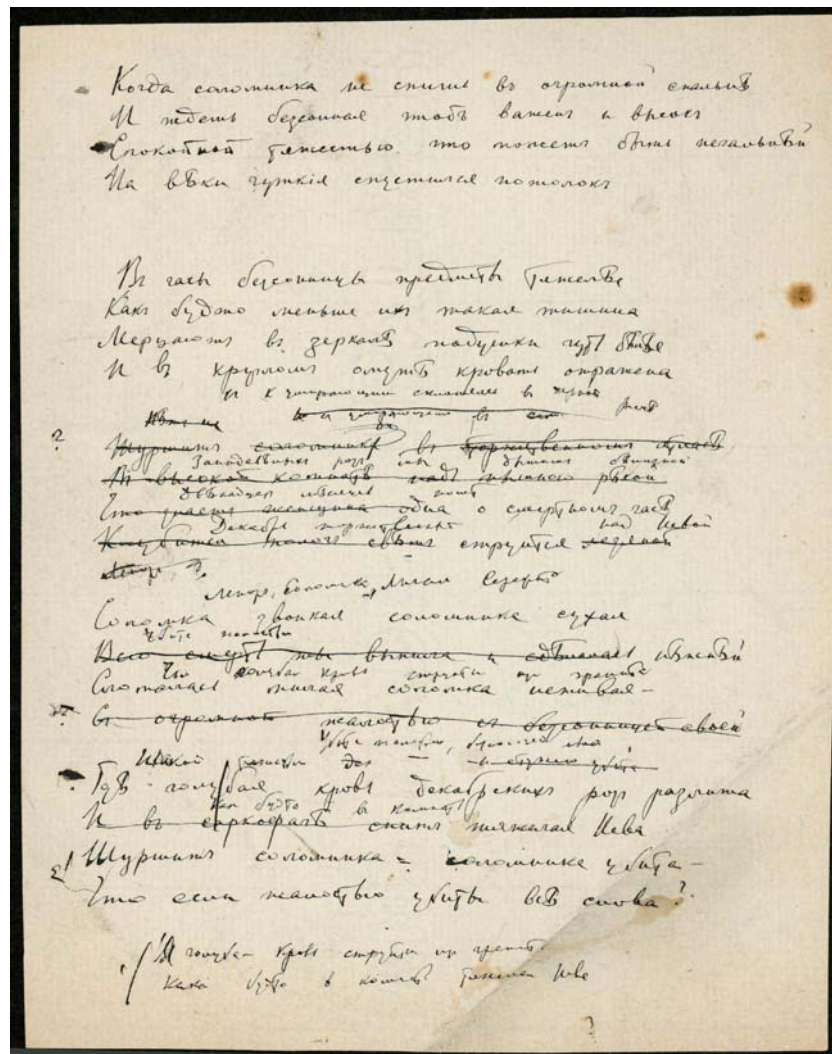
Еще один вопрос особой сложности возникает при изучении черновика «Грифельной оды» на листе 1 в связи с нашим предположением о том, что он является первой фиксацией текста стихотворения. Мандельштам, по-видимому, никогда не вел рабочих тетрадей, а работал только на отдельных листах. Поэтому очень редко можно судить о том, насколько тот или иной черновик близок к первой фиксации текста.¹⁶ Уникальное с этой точки зрения свидетельство, освещающее кратковременный промежуток между первым импульсом и началом записи, содержится в одном из воронежских писем С. Б. Рудакова: «Вчера были на концерте скрипачки Бариновой <...> Мандельштам написал <...> 4 строки. <...>

¹⁶ Несомненным представляется только один лист с первоначальным наброском стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 68, текст см. в ПССиП, с. 457).

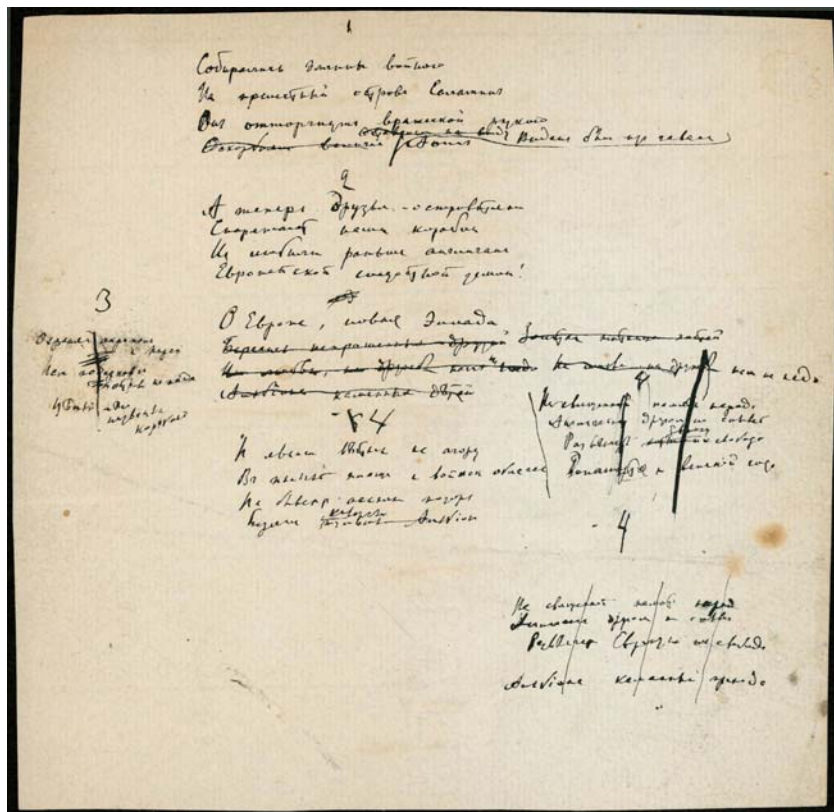

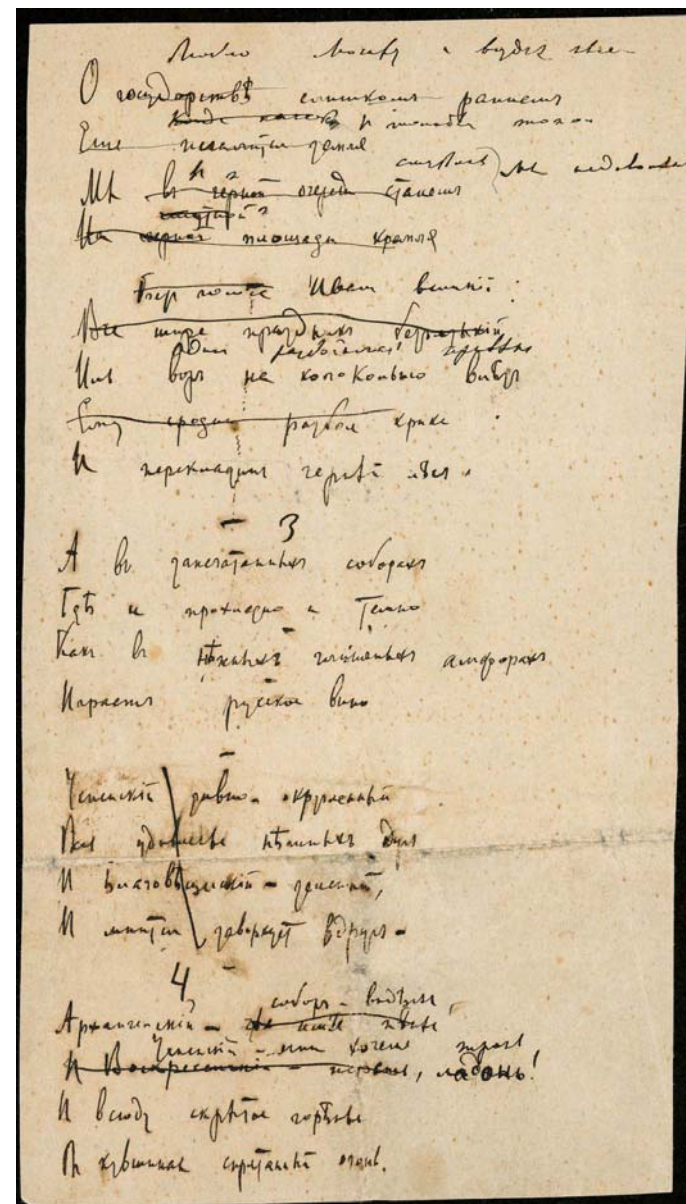
Илл. 1

Илл. 1 и 2. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...».
 Две полубеловые сводки с черновой разработкой.
 Обратите внимание на выдержанную линию колонки строк.
 Строфы не нумерованы, следовательно, их порядок не определен.

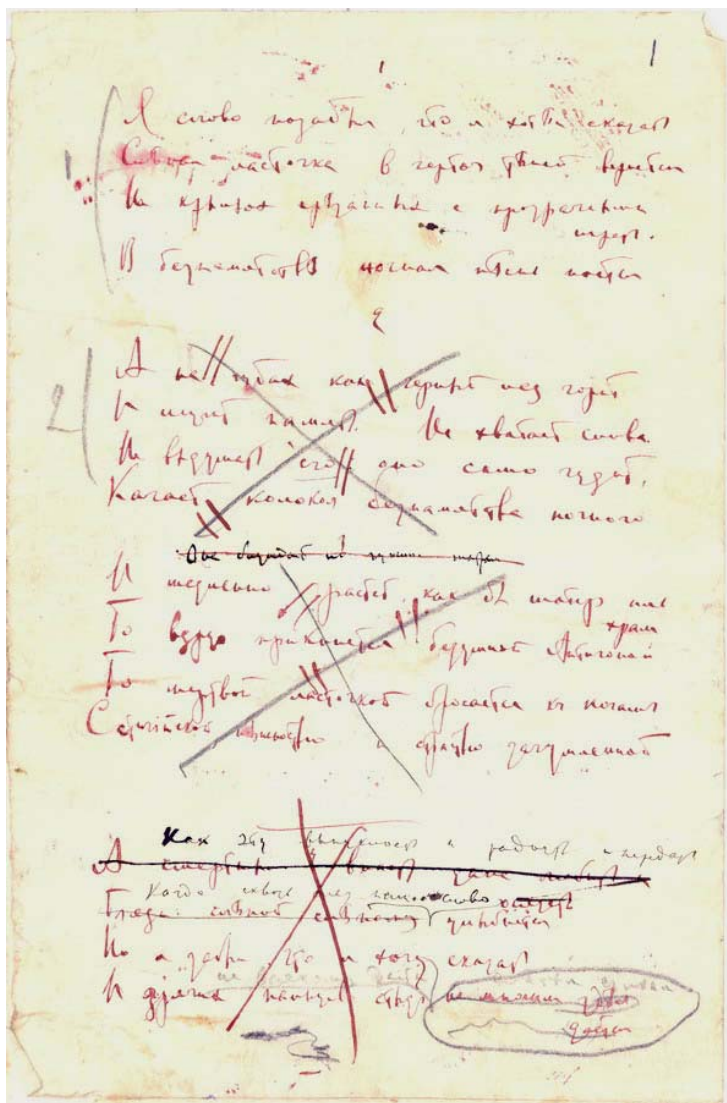

Илл. 3. «Собирались эллины войною...». Полубеловая сводка с черновой разработкой. Обратите внимание на угол наклона линии колонки строф. Цифры номеров строф в двух случаях исправлены.

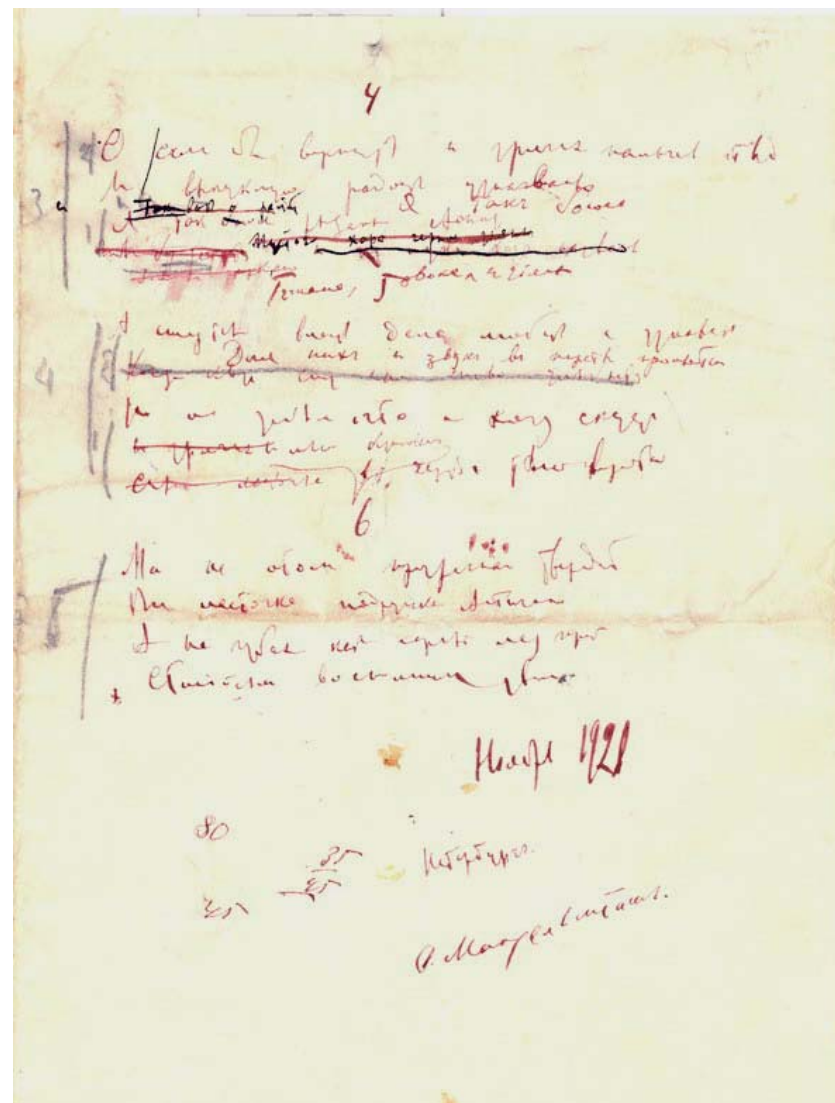

Илл. 4. «О ЭТОТ ВОЗДУХ, СМУТОЙ ПЬЯНЫЙ...». Полубеловая сводка ранней редакции с черновой разработкой. Обратите внимание: цифрами определено положение только двух строф из пяти.

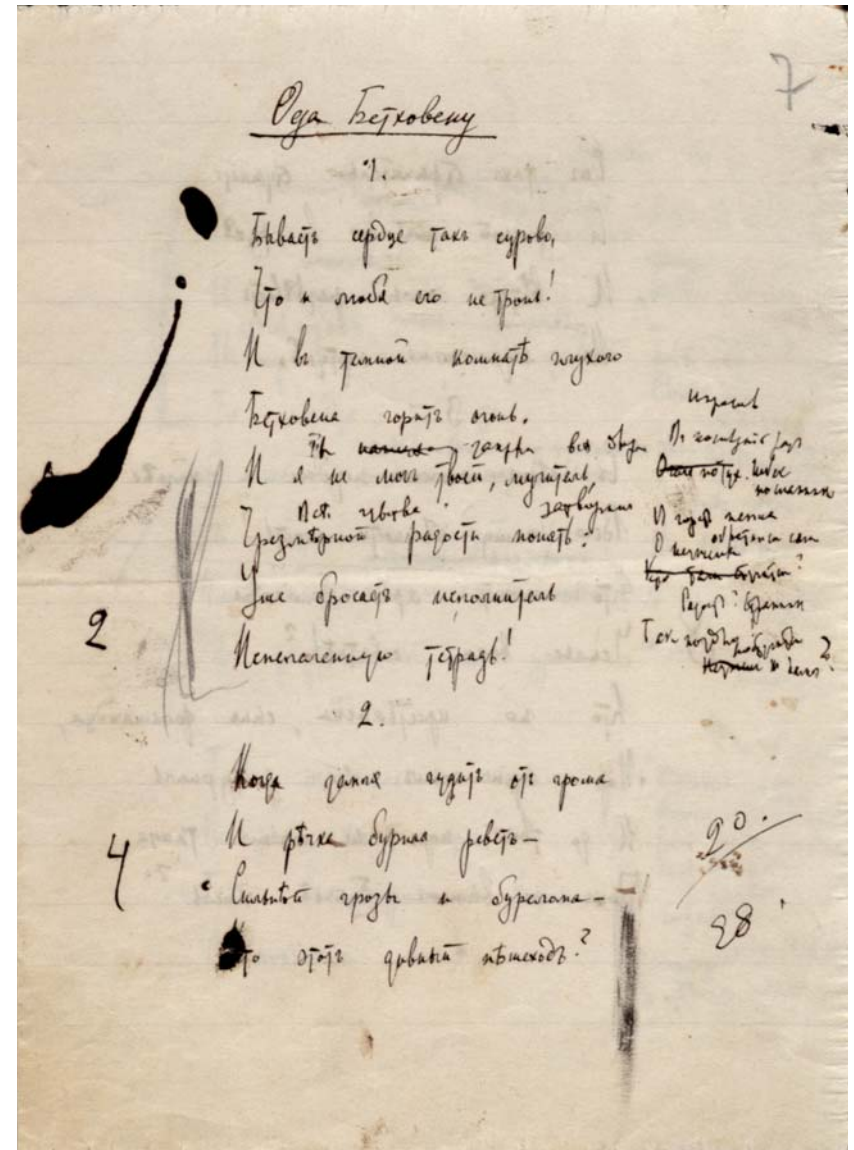
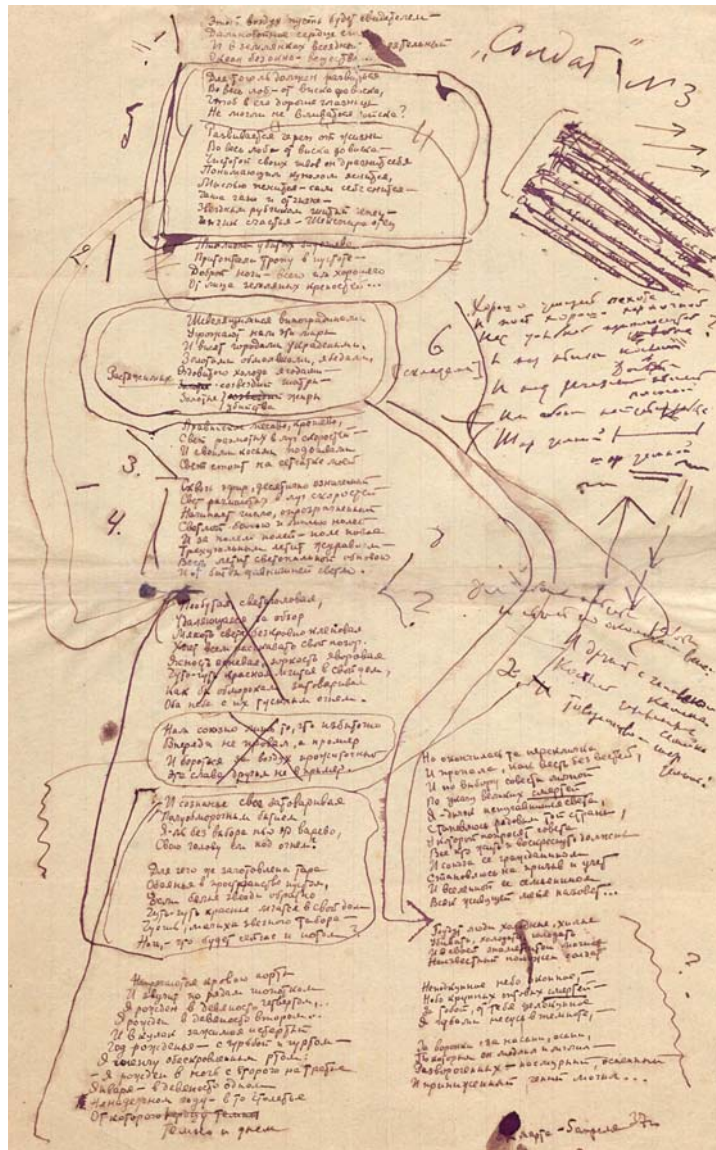

Илл. 5

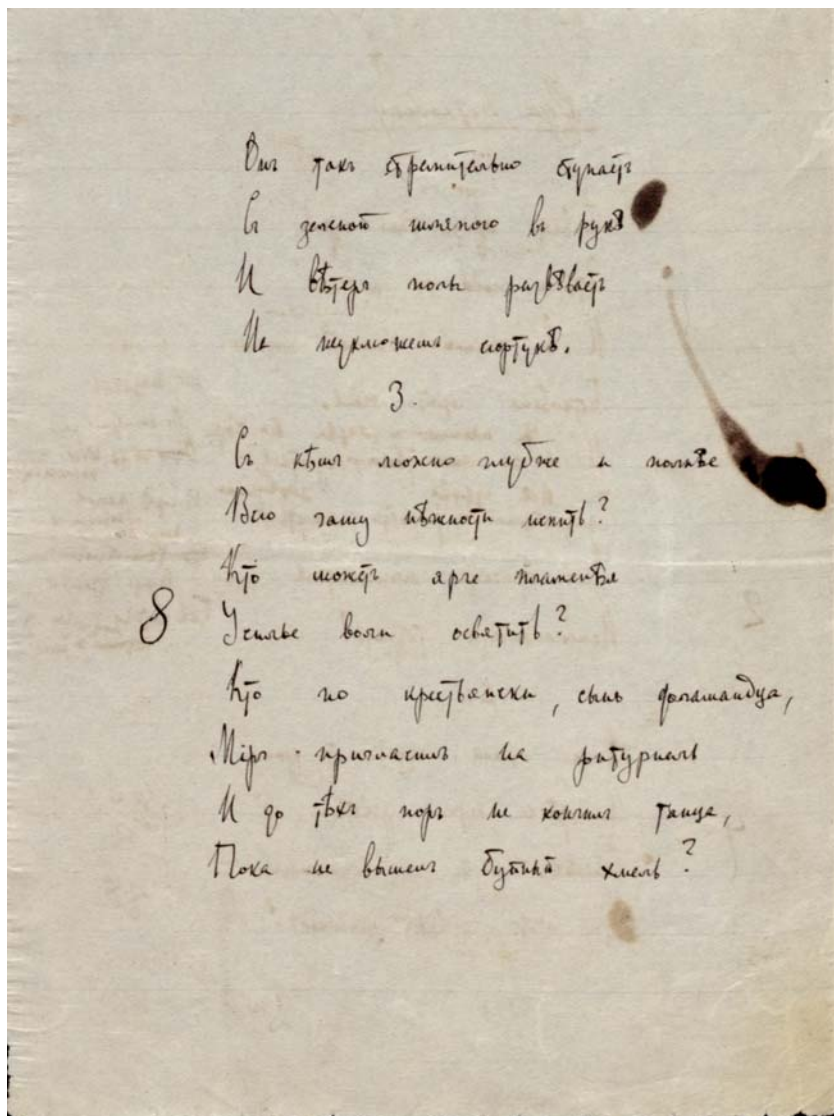
Илл. 5 и 5а. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...». Полубеловая сводка с правкой на лицевой стороне листа и обороте. Первоначально строфы нумерованы цифрами над строфами, затем цифры изменения последовательности — карандашом на левом поле. В предпоследней строфе так же указано изменение позиций первого и второго двустуший. Обратите внимание на цифры подсчета (строк?) внизу на обороте листа.

Илл. 6. «Стихи о неизвестном солдате». Сводка Н. Я. Мандельштам с правкой автора, приводящей к 3-й редакции. Авторизована датой и пометой. Изменения в порядке стрóf показаны и стрелками, и цифрами на полях. Два знака переноса-вставки, аналогичные имеющемуся на листе 10 «Грифельной оды».

Илл. 7

Илл. 7 и 7а. «Ода Бетховену».

На левом поле цифрами показаны новые положения строф.
 Обратите внимание на цифры подсчета (строк?)
 на правом поле илл. 7.

Играй же на разрыв аорты
 С кошачьей головой во рту.
 Три черта было, ты четвертый,
 Последний, чудный черт в цвету.

Это должно стать концом 6-ти-строфной вещи, у которой дома появилось и начало:

За длиннопальм Паганини
 Бегут цыганскою толпой
 Все скрипачи». ¹⁷

Стихотворение, о котором пишет Рудаков, — «За Паганини длиннопальм...» (1935). Из его сообщения следует, что первой в стихотворении появилась заключительная строфа, второй — начальная, и до письменной фиксации строф было сложено не меньше двух. Предварительный расчет объема поэтической вещи (самая возможность которого впечатляет) оказался выполненным почти точно: 6 строф при четырех стихах в строфе — 24 строки, а в окончательном тексте стихотворения — 23 строки.

Наконец, в связи с некоторыми частными вопросами, ответы на которые рукописи прямо не дают, возникает необходимость в рабочих гипотезах. Так, в нескольких местах ИТИС пишется о том, что «большинство черновиков „Грифельной оды“ сохранилось на разрезанных листочках» (с. 153, 156), а далее на с. 166 выдвинуто предположение о гипотетическом листе, который был разрезан на листы 2–6 архива Мандельштама. В связи с этим выскажем следующее суждение. Интенсивная работа над рукописью требует, чтобы во время работы весь необходимый текст был перед глазами. Использование оборотов, особенно с правленным текстом, затрудняет работу, и обороты листов в черновиках Мандельштама (не только «Грифельной оды») заполнены очень редко. На определенном этапе площадь некоторых листов исписывалась, для продолжения работы места не оставалось, и они откладывались со стола или уничтожались. Текст с такого листа предварительно сводился на другой лист (если не был забракован окончательно). Обороты таких отброшенных листов с зачеркнутым текстом могли быть использованы на следующем этапе, как это видно по листу 2 «Грифельной оды». Другое обстоятельство состоит в том,

¹⁷ Письмо С. Б. Рудакова к жене от 6 апреля 1935 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1995. С. 34.

что характер использования бумаги как материала для письма определялся ее дефицитом; в то время и еще долго впоследствии бумагу использовали экономно. Беловые автографы всегда или почти всегда создавались Мандельштамом на форматных листах и, предпочтительно, хорошего качества; для беловых (полубеловых) сводок использовались листы с большой площадью. Для черновых сводок использовались обрезки бумаги — как это видно по листу 7, на обороте которого сохранились концы строк прозы,¹⁸ или по обороту уже приводившегося в пример листа 2. Данная причина, когда прибегают к разрезанию бумаги, относится к стадии подготовки к работе (до заполнения листа текстом). После заполнения листа текстом он мог быть разрезан по двум причинам: 1) компактно расположенная часть текста или забракована, или сведена на другой лист; 2) возникла необходимость изменить композицию, переместив на столе компактно расположенную часть текста. Материал рукописей «Грифельной оды» и другой, нам известный, не дают основания для предположений о том, что лист разрезался больше чем на две части.

Переходим к анализу листов рукописи, см. иллюстрации 8–25. Все 14 листов палеографически описаны в работе М. Л. Гаспарова (ИТИС).¹⁹ Авторизованная копия ранней редакции находится в фонде журнала «Красная Новь» (РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1165. Л. 123, 124, 126),²⁰ см. иллюстрации 26–28. Не рассматриваем машинопись с правкой из авторского оригинала «Второй книги» (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 10), так как ее текст не отличается от первопечатного. По той же причине не учитываем два поздних списка из собраний Н. И. Харджиева и А. М. Эфроса.²¹

И. М. Семенко в ППМ выделила в черновиках группы автографов (редакции) А, В, С. Это деление, для удобства сравнения результатов, сохранил М. Л. Гаспаров в ИТИС, а также присвоил листам нумерацию 1–14. Мы, также для удобства сравнения, будем пользоваться этой нумерацией и — с модификацией — тем же делением групп автографов.

¹⁸ Согласно М. Л. Гаспарову, это строки из перевода «Кромдейра Старого» Жюль Ромэна (ИТИС. С. 156).

¹⁹ Не всюду последовательно: так, не указан тип линовки для листов 12–14.

²⁰ Рукой Н. Я. Мандельштам, заглавие рукой автора. Датирована 8-м марта 1923 г. В журнал, вместе с еще одним стихотворением, была дана для публикации, которая не осуществилась.

²¹ См. ПССиП. С. 583. В этих списках имеется эпиграф: «И звезда с звездой говорит», акцентирующий связь с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...».

Строфа в «Грифельной оде» состоит из 8 стихов с рифмовкой АbАbСdСd (с модификацией в последней строфе). Работа над стихотворением у Мандельштама нередко шла отдельно над одним из двух входящих в строфу катренов. Вслед за автором мы в случае необходимости обозначаем катрены номером строфы и буквой а (первый катрен) или б (второй катрен).

В итоге работы над «Грифельной одой» ее окончательный текст был помещен во «Второй книге» (1923; та же редакция в «Стихотворениях», 1928). Вопросы об основном тексте «Грифельной оды», зависящего от оценки характера поправок 1935 (или 1936) года, мы здесь не касаемся.

Хронологические рамки работы над стихотворением: начало — первые числа марта или конец февраля (по дате «8 марта» в рукописи КН), завершение — не позднее конца марта 1923 года (по визе Мандельштама с датой «20/IV/23 г.» на корректурных гранках «Второй книги» — ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 5²²).

Среди черновиков «Грифельной оды» выделяются листы 12–14, где заключительная редакция текста совпадает с первопечатной и положение которых поэтому не вызывает сомнений. Эти листы рассматриваются нами последними. Большой черновик на листе 1, М. Л. Гаспаровым в ИТИС идентифицированный как наиболее ранняя из дошедших до нас рукописей «Грифельной оды», рассматривается первым и в нашей статье. Вслед за ним рассматриваем текст на листе 2. Далее следует большой связный текст на листах 3, 5–6 и лист 4, который включен в текст этой редакции предположительно. После этих листов, где анализ мог быть проведен относительно проще, обращаемся к листам 7–11 и 2 об., представляющих собой сводки одной или двух строф.

²² Авторский оригинал «Второй книги» визирован А. К. Воронским к печати 5 марта 1923 г. (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 4), однако «Грифельная ода» еще не была завершена к этому времени — редакция КН, как было сказано, датирована 8-м марта; машинопись «Грифельной оды» была присоединена к авторскому оригиналу позже и отложилась в ИМЛИ в другой единице хранения (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 10)

II. ПЕРВЫЙ ЧЕРНОВИК И УТРАЧЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Лист 1 (см. иллюстрацию 8). Черновой автограф. Обрат чистый.

Порядок записи на листе относительно хорошо поддается реконструкции благодаря графическим особенностям. Первыми на этом листе с типографской линовкой (лист оборван по левому краю, реконструкцию текста в местах обрыва показываем в угловых скобках) были нанесены два наброска. Первый — чуть выше середины листа, строго по линовке, несколько более крупным почерком, чем будут записаны тексты строф:

<И чт>об ни вывела рука
<Скаж>и кто может угадать

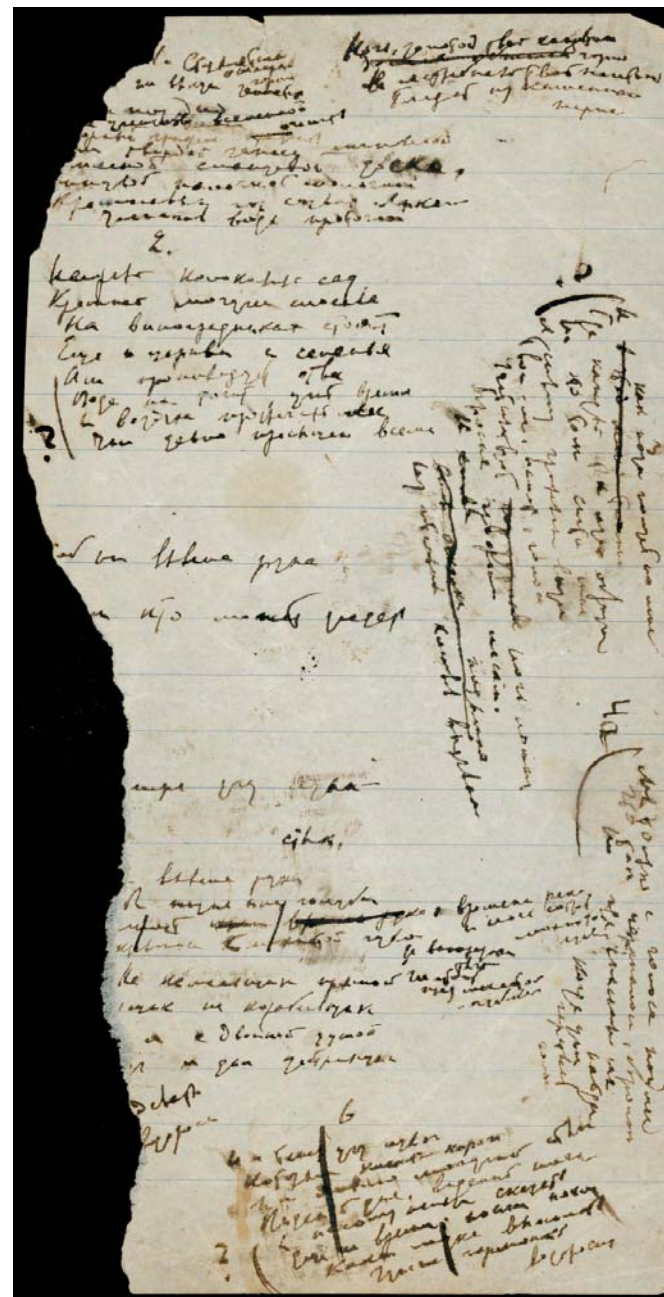
Ниже оставлен пробел в две линии линовки (который при дальнейшей работе не был заполнен), и таким же почерком вписан еще один набросок:

<И я> теперь учу язык —
<пробел> стык

Эти наброски похожи на схематические записи строф, описанные И. М. Семенко в работе «За гремучую доблесть грядущих веков»,²³ но не являются таковыми. Схематическая запись — сокращение целой строфы, сделанное для экономии времени при быстрой черновой работе (в них первое и последнее слово строфы соединены косой чертой), и естественно, что полный текст на тех же листах не раскрыт. В нашем случае, напротив, наброски были здесь же разработаны в полные тексты строф. Строчки первого наброска попали в разные строфы: первая стала, без изменений, первым стихом **предпоследней** строфы, вторая — трансформировалась в первый стих второго катрена **последней** (6-й по начальной нумерации) строфы «И никому нельзя сказать» («угадать» наброска рифмуется со сказать/выжимать (и также с «давать» в третьем аналогичном наброске, см. ниже²⁴). Второй набросок был разработан в первый катрен **последней** строфы. Поскольку обе строфы,

²³ ППМ. С. 50, ср. иллюстрацию 8.

²⁴ Ср. флексивные рифмы ломая/вырывая и поймем/найдем в других строфах на этом листе. Как представляется, они, в качестве присущих оде XVIII века, реализуют в «Грифельной оде» стилистическое задание.

Илл. 8. Лист 1 черновики «Грифельной оде»

предпоследняя и последняя, как будет показано ниже, сочинялись непосредственно в ходе работы на листе, предшествовавшие им наброски являются, несомненно, теми элементами остова строф, которые возникли в памяти как первоначальные семантические доминанты. Далее мы будем называть их «**опорные записи**» (кроме уже приведенных, на листе есть еще две). Аналогий такому приему в черновиках Мандельштама мы больше не встречали, а последовательность работы имеет прямую аналогию в приведенном выше примере из письма С. Б. Рудакова о сочинении стихотворения «За Паганини длиннопалым...» — и там, и здесь работа начиналась «с конца». Вся совокупность особенностей дает основания к предположению о том, что перед нами — первая запись текста «Грифельной оды».

В ИТИС описанные наброски интерпретируются как записи, «следы которых остались на левом краю листа 1».²⁵ Между тем они отнюдь не являются «следами» — их текст пострадал от обрыва точно настолько же, как и примыкающих строф. Положение их на листе 1 хорошо видно на фототипии в ППМ, см. также табл. 1 нашей статьи.

Дальнейший ход работы на листе 1 таков. Вначале шла работа над предпоследней строфой, затем строфой 6, строфой 2, строфой 1, катреном без определенного места отнесения, после чего лист был повернут на 90° и поперек линовки на правом поле записаны строфа 3 и катрен 4а. В этой последовательности и рассмотрим текст.

Предпоследняя строфа номера не получила; она записана в два приема: строки 1–2 и 5–8, затем в пробел вписаны строки 3–4. В ней, как было сказано выше, разработана тема первой опорной записи. Вид первоначальной записи и последующей правки:

<p><И чтоб ни> вывела рука <Хотя бы> жизнь или голубка <Всё> смоет времени рука <Сотрет> крылом с мохнатой губкой <Кто я?> Не каменщик прямой, <Не кровельщик,> не корабельщик <Двурушник> я с двойной душой <Я ночи друг> я дня застрельщик.</p>	<p>Все смоет времени река И ночь сотрет мохнатой губкой (Вариант: Да виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой)</p>
--	--

²⁵ ИТИС. С. 158. К этой цитате мы еще раз вернемся после окончания анализа текста на листе 1.

Вид этой строфы на листе вполне ясен, между тем в ППМ и ИТИС она вообще не идентифицирована как целое, ее текст контаминирован с текстами других катренов с ориентацией на окончательную редакцию стихотворения.

Строфа 6. Далее, ниже предпоследней строфы, косо относительно линовки, была внесена еще одна опорная запись — в две строки:

<край обрыва> давать
 <край обрыва> водоросли

И сразу вслед, также несколько косо, что компенсировало недостаток места на нижнем поле, сразу с номером, вписана строфа 6, во втором катрене которой эта запись была реализована. Текст строфы правке не подвергался (см. табл. 1, 2), но ее катрены поочередно (строки 5–6 перед этим отчеркнуты на левом поле) зачеркнуты. Материалом текста этой строфы послужили все три опорные записи (см. выше).

Строфа 2 была записана в один прием и правке не подвергалась. Второй ее катрен был отчеркнут на левом поле вертикальной чертой со знаком вопроса. Текст см. в табл. 1 и 2.

Строфа 1 записывалась в несколько приемов. Вначале в пробел, оставленный перед строфой 2, вписан второй катрен. Затем, также в 2 или 3 приема, записан первый катрен. Последним записан 1-й стих, причем ниже остался незачеркнутым предшествующий его вариант, от которого сохранилось только слово «поздно» (реконструкция: <Еще не> поздно <заплатить>). Рядом на правом поле записан катрен без определенного места отнесения «Ночь, золотой твой кипяток <...> жерла».

Вид строфы 1 после окончания работы над ней:

1
 <Какой> же выкуп заплатить
 <З>а ученичество вселенной
 <Чтоб го>рный грифель [приучить] очинить
 <Д>ля твердой записи мгновенной.
 <На> мягкой сланцевой доске
 <Св>инцовой палочкой молочной
 Кремневых гор созвать Ликей —
 Учеников воды проточной.

После завершения работы над ним текст на листе принял следующий вид (угловыми скобками показан обрыв текста):

Таблица 1

Стервятника ошпарил горло	Ночь, золотой твой кипяток [1 нрзб обжигает] горло И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла
1	
<p><> же выкуп заплатить <> е поздно <> ученичество вселенной <> орный грифель [приучить] очинить <> ля твердой записи мгновенной <> мягкой сланцевой доске <> инцовой палочкой молочной Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</p>	
2	
<p>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья. Им проповедует отвес Вода их точит, учит время И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</p>	
<p><> об ни вывела рука <> и кто может угадать</p>	
<p><> теперь учу язык стык</p>	
<p><> вывела рука <> „жизнь“ или „голубка“ <> смоев времени рука <> крылом с мохнатой губкой. <> Не каменщик прямой <> щик не корабельщик, <> я с двойной душой, <> уг, я дня застрельщик.</p>	

Таблица 1 (окончание)

<> давать <> водоросли 6 И я теперь учу язык Который клекота короче И я ловлю могучий стык Видений дня, видений ночи. И никому нельзя сказать, Еще не время, после, после Какая мука выжимать Чужих гармоний водоросли
--

Строфа 3 записана на правом поле. Показываем движение текста:

Начальная запись
И в этой мягкой тишине Где каждый стык луной обрызган Иль это только снится мне Я слышу грифельные визги Твои ли, память, голоса Учительствуют хор державе

Затем последняя строка зачеркнута и дано продолжение:

1-й слой правки	2-й слой правки
И в этой мягкой тишине Где каждый стык луной обрызган Иль это только снится мне Я слышу грифельные визги Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая Бросая грифели лесам И вновь осколки подымая	И как паук ползет по мне Из птичьих клювов вырывая.

После правки первый катрен отчеркнут слева со знаком вопроса.

Катрен 4а не правился, текст см. в табл. 2.

Вид текста на листе 1 после окончания работы (обрыв текста выполнен без оговорок, опорные записи не указаны):

Таблица 2

1
<i>Какой же выкуп заплатить За ученичество вселенной Чтоб горный грифель очинить Для твердой записи мгновенной На мягкой сланцевой доске Свинцовой палочкой молочной Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</i>
2
<i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья. Им проповедует отвес Вода их точит, учит время И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</i>
3
<i>И как паук ползет по мне Где каждый стык луной обрызган Иль это только снится мне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломаю, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая?</i>
4а
<i>Мы только с голоса пойдем Что там царапалось, боролось Но где спасенье мы найдем Когда уже черствеет голос</i>
<без определенного места отнесения>
<i>Ночь, золотой твой кипяток Стервятника ошпарил горло И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла</i>

Таблица 2 (окончание)

<без номера>
<i>И чтоб ни вывела рука Хотя бы „жизнь“ или „голубка“ Все смоев времени река И ночь сотрет мохнатой губкой. Кто я? Не каменщик прямой Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик.</i>
6
<i>[И я теперь учу язык Который клетота короче И я ловлю могучий стык Видений дня, видений ночи. И никому нельзя сказать, Еще не время, после, после Какая мука выжимать Чужих гармоний водоросли]</i>

Таким образом, текст на листе 1 в последней фазе работы не завершен и редакции не образует. Работа над ним или была продолжена на другом листе вчерне, или же непосредственно продолжалась сводкой, фрагментом которой является лист 2.

В ППМ текст листа 1 был представлен как «ранняя редакция», а в составе последней искажено действительное строфическое строение: несколько катренов контаминированы с ориентацией на строфику окончательной редакции.²⁶ Точно такую же текстуально редакцию дает ИТИС,²⁷ усложняя ее конъектурой целой строфы. В обоснование конъектуры автор пишет: «Мы знаем,²⁸ что автограф В (лист 1) — не первая запись текста „Оды“: ей предшествовали другие, следы которых остались на левом краю л. 1. Мы можем предположить, что среди этих первых записей была и строфа <I> — приблизительно в том виде, в котором она появляется в автографе А (л. 3)». Интерпретацию набросков, которые здесь

²⁶ ППМ. С. 29–30.

²⁷ ИТИС. С. 158–160.

²⁸ Откуда знаем — не сообщается; это утверждение высказано только в ИТИС.

характеризуются как «предшествующие записи», «следы которых остались на левом краю листа 1», мы дали выше; для еще одной гипотетической строфы на листе не было места. Теперь покажем, что конъектура нарушает и логику текста: на этом этапе гипотетическая строфа еще не могла быть и сочиненной поэтом.

Таблица 2а

Строфа 1 на листе 1 (окончательный вид). Жирным шрифтом выделены лексические соответствия со строфой 1 редакции А1	Строфа 1 редакции А1 (лист 3, см. табл. 4), введенная в ИТИС конъектурой
1 <i>Какой же выкуп заплатить За ученичество вселенной Чтоб горный грифель очинить Для твердой записи мгновенной На мягкой сланцевой доске Свинцовой палочкой молочной Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</i>	<i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень, На мягком сланце облаков Молочных грифелей зарницы — Не ученичество миров, А бред овечьей огневицы!</i>
Заключительная строфа на листе 1	Заключительная строфа в редакции А1 (лист 6, см. табл. 4)
6 <i>И я теперь учу язык Который клекота короче И я ловлю могучий стык Видений дня, видений ночи. И никому нельзя сказать, Еще не время, после, после Какая мука выжимать Чужих гармоний водоросли</i>	<i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, С прослойкой тьмы, с прослойкой света, И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i>

Первое обстоятельство, противоречащее предположению М. Л. Гаспарова, заключается в следующем. В редакции А1 строфа 1 и заключительная связаны в кольцевую композицию, обеспеченную, во-первых, повторением трех стихов: «Кремнистый путь из старой песни», «Кремня и воздуха язык», «Кремень с водой, с подковой перстень» и, во-вторых, повторением в обеих рифмы язык/стык (той самой, которая была намечена во второй опорной записи). Кроме того, в заключительной строфе эта рифма стала сквозной (единственный случай на всё стихотворение): дневник/язык/персты/в стык. Тематически в кольцевую композицию связаны и лексические элементы: ученичество — учу, грифельный

рисунок — грифельное лето, сланец — прослойка.²⁹ К вопросу об объеме обработки двух строф, составляющих кольцо, добавим еще, что в сквозной рифме поэтом проведена искусная аранжировка: рифма дневник/язык основана на ударном гласном и замыкающем слог согласном, персты/в стык — на богатой аллитерации в группе предударных согласных, так что перебив в рифмовке налицо, и в то же время заключительное «в стык» образует рифму по обоим признакам. Богатая аллитерация связывает «персты» с другой парой рифм последнего катрена: песни/перстень. Из совокупности приведенных данных с необходимостью следует, что строфы 1 и 7 в редакции А1 связаны неразрывно, первая требует наличия и последней строфы в той же редакции. Не противоречащим этим обстоятельствам могла быть только конъектура обеих (первой и последней) строф А1, но такое решение не может быть аргументировано. Попутно добавим, что переработка первой и заключительной строф в показанном выше объеме не могла не отразиться в черновиках, и эти черновики впоследствии были утрачены.

Второе обстоятельство заключается в наличии генетической связи между первой строфой редакции А1 и первой строфой черновика В. Выделенные в таблице 2а лексические соответствия показывают, что в строфе 1 А1 из 26 однозначных слов 8 соответствуют строфе 1 черновика В, 2 (язык, стык) — строфе 6 того же черновика, что полностью проясняет временную последовательность: в А1 строфа 1 могла появиться только на следующем этапе в результате переработки текста на листе 1. Оба обстоятельства демонстрируют, какой путь прошла первая строфа от листа 1 до листа 3, и делают несомненным вывод о том, что ее тексты на листе В и в редакции А1 не могли сосуществовать в одной и той же редакции стихотворения.³⁰

²⁹ Отмечено в кн.: Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P. 37–38. Редакция первой строфы в А1 отличается от окончательной редакции 1923 года, которую рассматривает Ронен, незначительно, и отличия могут в интересующем нас аспекте не приниматься во внимание.

³⁰ В подтверждение решения в ИТИС приведен также следующий аргумент: «Против этого (т.е. того, что на листе 1 строфа «Какой же выкуп заплатить...» была первой. — А. М.) есть только один довод: никакое стихотворение (кроме, разве, нарочито фрагментарного) не может начинаться противительной частицей *же*. Если строфа начинается *Какой же выкуп заплатить // За ученичество вселенной* <купюра автора>, значит, ей предшествовал какой-то другой текст, где уже была поставлена тема „ученичества“» (с. 158). Заметим: текст начинается не с частицы «же», а, как и показано у автора в цитате, со слова «какой»; частица «же» имеет здесь не противительный, а усилительный характер. Зачин для оды вполне традиционный: словом «Какой» (-ая, -ую) начинали оды и Державин, и Ломоносов.

Лист 2, лицевая сторона (см. иллюстрацию 9). (Оборот листа был использован на следующей стадии работы, о нем речь пойдет при анализе листов 7–11). Полубеловая (почти без знаков препинания) сводка с 1-й строфы листа 1. Без номера. Нижняя кромка листа представлена неровной линией обрыва. Текст зачеркнут двумя жирными перекрещивающимися линиями. По точке пересечения линий зачеркивания — вблизи нижнего края — можно уверенно судить о том, что данный лист — верхняя половина имевшегося первоначально листа вдвое большей длины с записью двух строф и что обе они были зачеркнуты упомянутыми линиями «накрест»; по заглавию (заглавие проставлялось после окончания работы над текстом) — о том, что этот впоследствии разрезанный лист был первым из нескольких, заключавших в совокупности полный текст очередной редакции объемом не менее 48 стихов (т. е. не меньше, чем на листе 1). При размещении по две строфы на листе (аналогично следующей сводке) общее число листов в этой утраченной редакции было не менее трех. Таким образом, лицевая сторона листа 2 — фрагмент, уцелевший потому, что оборот листа был использован на следующем этапе.³¹ Присвоим этой утраченной редакции имя В1. Текст сохранившейся строфы тот же, что на листе 1, но единственная поправка в 3-м стихе приводит его к первоначальной редакции:

Таблица 3

<p>Грифельная ода</p> <p><i>Какой же выкуп заплатить</i> <i>За ученичество вселенной</i> <i>Чтоб горный грифель [очинить] приучить</i> <i>Для твердой записи мгновенной.</i> <i>На мягком сланце облаков</i> <i>Свинцовой палочкой молочной</i> <i>Кремневых гор созвать Ликей</i> <i>Учеников воды проточной</i></p>
--

³¹ Следует отметить также, что на этой стороне листа крупно выведена цифра «36», выделенная двумя горизонтальными чертами. В начале статьи при описании рукописей «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» и «Ода Бетховену» мы указали, что на листах имеются цифры арифметических подсчетов. Вероятно, поэт подсчитывал нечто во время перерывов в работе. Что именно — однозначной интерпретации не поддается. Выскажем пока сугубо предварительное предположение о том, что это могли быть подсчеты стихотворных строк. На рукописи «Оды Бетховену» это могло быть число стихов, которые требовалось сочинить дополнительно.

И. М. Семенко считала этот текст более ранним, чем текст листа 1: «Приведенная строфа перебелена поэтом <...> в автографе В и помечена цифрой 1»,³² чего не могло быть: в ходе работы на листе 1 эта строфа была записана не менее чем в три приема, т. е. сочинялась, а не была перебелена.

III. ДВЕ СЕМИСТРОФНЫЕ РЕДАКЦИИ

Из оставшихся обратимся к **листам 3–6** (см. иллюстрации 11–14). На листах 3 и 5–6 — беловая (со всеми знаками препинания) сводка стихотворения с правкой текста и номеров строф. Одинаковый угол наклона линии колонки и почерк не оставляют сомнения в том, что это три листа одной и той же сводки. Первоначальная нумерация строф на них: 1 и строфа без номера (лист 3); 4 и 5 (лист 5); 6 и 7 (лист 6). Из нумерации видно, что недостает минимум одного листа со строфами под номерами 2 и 3. На **листе 4** (см. иллюстрацию 12), более узком (ширина 9,5 см при 12,5 см других листов) и вдвое меньшей длины (10 см и 20,5 см, по данным М. Л. Гаспарова), находится одна нумерованная строфа 3 (полубеловая, без знаков препинания, сводка). Текст написан таким же почерком и с приблизительно таким же острым (около 70°) углом наклона линии колонки, как и на листах 3 и 5–6. Большой отступ колонки стихов от левого поля листа (в сопоставлении с листами 3, 5, 6) и расположение цифры номера строфы по самой верхней кромке дают основание утверждать, что лист 4 — нижняя половина разрезанного пополам листа из сводки, выполненной в близкое время, а с определенной долей вероятности (сомнения вызывает отсутствие пунктуации, тщательно проведенной на листах 3, 5, 6) он может быть отнесен к той же сводке.

В ИТИС утверждается, что весь текст листов 2–6 был первоначально записан на одном листе, который был после записи разрезан (и таким образом приобрел свой нынешний вид — пять листов) (с. 166). Аргументы не приведены — между тем как ни по одному признаку невозможно считать это утверждение хоть в какой-то степени вероятным. Не поднимая вопроса о прагматической целесообразности такого акта и не повторяя того, что говорилось о листах 2 и 4, укажем лишь на частное обстоятельство. При реконструкции этого гипотетического листа наличные полноформатные

³² ППМ. С. 14.

листы 3, 5, 6 (полулисты 2 и 4 составляют лишь ¼ гипотетической площади) пришлось бы располагать только в одном горизонтальном ряду: при размещении хотя бы двух листов в вертикальный ряд третья строфа будет иметь необъяснимое смещение влево, а линия наклона колонок получит необъяснимый зигзаг.

Таким образом, будем рассматривать листы 3–6 как единую сводку, созданную на 4-х листах, из которых сохранилось три с половиной, с утраченной верхней половиной листа 4 со строфой 2.³³ Эта сводка сразу же была авторизована в редакцию подписью и датой «Март 1923». Текст на листах 3–6 до и после правки, с учетом лакуны на месте строфы 2, имеет такой вид:

Таблица 4

Листы 3–6, до правки. Жирным шрифтом выделен текст, подвергшийся правке	Листы 3–6 после правки
Грифельная Ода	Грифель
1 (лист 3) <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочных грифелей зарницы — Не ученичество миров, А бред овечьей огневицы!</i>	1 (лист 3) <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>
<Строфа без номера> (лист 3) <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою вселенной. Откуда-ж грифеля почин Для твердой записи мгновенной? И на слоистой ли доске Последыш молнии молочной Кремневых гор созвал Ликей, Учеников воды проточной?</i>	<Строфа без номера, с вар. второго катрена, переработана и зачеркнута> (лист 3) <i>Мы стоя спим в густой ночи Уткнувшись в око в<о> вселенной. Откуда-ж грифеля почин Для твердой записи мгновенной? Зачем на сланцевой доске Последыш молнии молочной Кремневых гор собрал Ликей, Учеников воды проточной?</i>

Таблица 4 (продолжение)

<Лакуна строфы 2 на месте утраченной верхней части листа 4>	<Лакуна строфы 2 на месте утраченной верхней части листа 4>
3 (лист 4) <i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья Им проповедует отвес Вода их учит, почит время И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми³⁴</i>	3 (лист 4) <i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья</i> (второй катрен зачеркнут)
4 (лист 5) <i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — Иль это только снится мне — Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i>	[4] 6 (лист 5) <i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне³⁵ Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i>
5 (лист 5) <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царалось, боролось, Но где спасенье мы найдем Когда уже черствеет голос И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i>	[5][7] 4 (лист 5) <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i>

³⁴ Этапы работы над строфой: были подчеркнуты слова «Нагорный» и «проповедует», что, в сопоставлении с окончательным текстом, следует признать отметкой, означающей неудовлетворенность поэта: стих 1 в окончательной редакции был переработан. Затем второй катрен был отчеркнут на левом поле и там же нанесен еще один знак неясного назначения, позднее зачеркнутый. В конце работы был зачеркнут весь второй катрен.

³⁵ Предшествующая незавершенная версия: <пробел> в безлесной крутизне. На левом поле имелась проба заполнения пробела, которую нам не удалось прочитать (замарано).

³³ О тексте, заполнявшем утраченный полулист, см. при анализе листа 7.

Таблица 4 (окончание)

6 (лист 6) <i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Ночь, золотой твой кипяток Стервятника ошпарил горло И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла.</i>	[6][7?] 8 (лист 6) <i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремь Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i>
7 (лист 6) <i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык — Спрослойкой тьмы, спрослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремь с водой, с подковой перстень.</i>	[7] 9 (лист 6) <i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, спрослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремь с водой, с подковой перстень.</i>

Правка в строфах <без номера>, 4 и 6 была более объемной, чем показано в таблице. Приводим ее дополнительно

Строфа без номера (лист 3)

Исходный текст и правка первого катрена (выделен текст, подвергшийся правке):

*Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою вселенной
Откуда-ж грифеля почин
Для твердой записи мгновенной?*

<i>Мы стоя спим в густой ночи Уткнувшись в око в<о> вселенной.³⁶ Откуда-ж грифеля почин Для твердой записи мгновенной?</i>	вариант (не зачеркнут) <i>Без шапок стоя спят одни Колодники лесов дубовых И <пробел> родник Ломает зуб камней свинцовых</i>
---	---

³⁶ Предшествующая версия: Овечье небо над вселенной (зачеркнута); вариант: Уткнувшись мирно в шерсть вселенной (не зачеркнут). Избранный из двух вариант отчеркнут на поле знаком «птички».

Исходный текст и правка второго катрена (выделен текст, подвергшийся правке):

*И на слоистой ли доске
Последьи молнии молочной
Кремневых гор созвал Ликей,
Учеников воды проточной?*

<i>И на слоистой ли доске Последней молнии молочной Кремневых гор созвать Ликей, Учеников воды проточной</i>	<i>Зачем на сланцевой доске Последьи молнии молочной Кремневых гор собрал Ликей, Учеников воды проточной?</i>
--	---

В конце работы вся строфа зачеркнута вертикальной чертой.

В строфе 4 над строками катрена «Твои-ли, память <...> вырываая» записан вариант:³⁷

*И как [стереть] стряхнуть, как сбить с руки
Голодных грифелей кормлень³⁸
И крохоборствуя, с доски³⁹
Стереть дневное впечатлень*

Катрен с почти совпадающим текстом есть на листе 9 (о соотношении их см. ниже при анализе листа 7).

В строфе 6 над строками второго катрена «Ночь, золотой твой <...> жерла», был записан, а затем зачеркнут набросок варианта:

*Я как горящую кору
Кр⁴⁰ <пробел> освежаю сердце
И утираюсь⁴¹ поутру*

³⁷ В ИТИС данный вариант ошибочно рассматривается как возникший в результате правки предшествующего текста (с. 171).

³⁸ Вариант: Птенца голодного кормлень.

³⁹ Предшествующая зачеркнутая версия: И с мягкой сланцевой доски.

⁴⁰ Предполагалось, вероятно, производное от «кровь», но сразу поэт не смог подобрать метрически подходящее слово.

⁴¹ После этого слова замараны две группы из двух или трех букв — вероятно, результаты описок.

Работа над ним продолжена на правом поле:

*Ночь, как горящую кору
Тобой я освежаю сердце
И утираюсь поутру
Твоим <, >день<, >пестрым полотенцем⁴²*

Варианты:

<i>Ночь, как горящую кору Я влагой освежаю сердце И утираюсь поутру Расшитым пестрым полотенцем</i>	<i>Ночь, как горящую кору Я влагой освежаю сердце День <, > утираюсь поутру Твоим расшитым полотенцем</i>
---	---

В таблице 4 был показан **весь текст** на листах 3–6. Теперь выделим из него тот текст, который был включен в редакции. Присвоим первой авторизованной редакции имя А1 и покажем ее текст в табл. 5, где: 1) не учитывается нумерованная строфа, так как она не была включена поэтом ни в первую (до правки), ни во вторую (зачеркнута) из рассматриваемых редакций, и 2) показана, как и в табл. 4, лакуну на месте утраченной половины листа со строфой 2.

Таблица 5

Редакция А1 (листы 3–6, до правки)
Грифельная Ода
1 <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочных грифелей зарницы — Не ученичество миров, А бред овечьей огневицы.</i>
2 <лакуна>

Таблица 5 (продолжение)

3 <i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья Им проповедует отвес Вода их учит, точит время И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми</i>
4 <i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — Иль это только снится мне — Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i>
5 <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царалось, боролось, Но где спасенье мы найдем Когда уже черствеет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i>
6 <i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Ночь, золотой твой кипяток Стервятника ошпарил горло И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла.</i>

⁴² Не показываем здесь незавершенной правки, отраженной в следующей редакции; одно слово на левом поле густо замарано и прочтению не поддается.

Таблица 5 (окончание)

7
<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык — С прослойкой тьмы, с прослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

Далее последовала правка текста, приводящая к следующей редакции, А2. Показываем ее в левой колонке таблицы 6, а в правой колонке помещаем для сравнения текст рукописи КН (см. иллюстрации 26–28) в ее окончательном виде.⁴³

Таблица 6

Редакция А2	
Листы 3–6 после правки текста, до правки номеров строф	Рукопись КН
Грифель	Грифель
1	1
<p><i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i></p>	<p><i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень. На мягком сланце облаков Молочный, грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i></p>
2 <лакуна>	
	<p><i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно в крепь родник журчит Цепочкой, пеночкой и речью. И не запишет патриарх На мягкой сланцевой дощечке Ни этот сдвиг, ни этот страх. Читай: кремневых гор осечки.</i></p>

⁴³ О правке в рукописи КН см. на с. 193.

Таблица 6 (окончание)

3	3
<p><i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья</i></p> <p>(второй катрен зачеркнут)</p>	<p><i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором. И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит Нагорный колокольный сад, Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья.</i></p>
4	4
<p><i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i></p>	<p><i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>
5	5
<p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И чертвый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>	<p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И чертвый грифель поведем Туда, куда укажет голос; И чтоб ни вывела рука, Хотя бы „жизнь“ или „голубка“ — И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>
6	6
<p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i></p>	<p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик — Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i></p>
7	7
<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, с прослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>	<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык Спрослойкой тьмы, с прослойкой света. И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

При сопоставлении видно, что текст КН точно совпадает (не учитывая лагун) с текстом листов 3–6 после правки текста, но до правки номеров строф. Отсюда явствует, что рукопись КН была перебеленной для журнала копией редакции А2, и, следовательно, текст в лагунах листов 3–6 был приведен к состоянию, которое показывает рукопись КН. Не будет лишним сказать, что рукопись КН создавалась на том же столе, что и остальные рукописи «Грифельной оды», являлась итогом завершённой стадии работы (редакцией) и всегда должна рассматриваться вместе с ними.

IV. ОТ СЕМИСТРОФНОЙ РЕДАКЦИИ К ДЕВЯТИСТРОФНОЙ

Возвращаясь снова к сопоставлению редакций, видим далее, что правка номеров строф на листах 3–6 приводит к новой редакции. Это значит, что, сняв копию с А2 (рукопись КН) и отправив ее в журнал, поэт продолжил работу на тех же листах. Показываем редакцию А3 в сопоставлении с очередной сохранившейся редакцией, С1:

Таблица 7

Редакция А3 (листы 3–6 после правки номеров строф)	Редакция С1 (листы 12–14, до правки)
Грифель	Грифельная ода
1 <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>	1. <i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни; Кремня и воздуха язык; Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>
2 <лагуна>	2 <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью. На мягкой сланцевой доске, Свинцовой палочкой молочной, Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</i>

Таблица 7 (продолжение)

3 <i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья</i> <второй катрен — лагуна>	3 <i>Нагорный колокольный сад. Кремней могучее слоенье, На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья. Им проповедует отвес, Вода их учит, точит время — И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</i>
[7]4 <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i>	4 <i>Как мертвый шершень, возле сот, День пестрый выметен с позором. И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит; С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья, И, как птенца, спрягнуть с руки Уже прозрачные виденья!</i>
5 <лагуна>	5 <i>Плод нарывал. Зрел виноград. День бушевал, как день бушует: И в бабки нежная игра; И в полдень злых овчарок шубы; За этот виноградный край, За впечатлений круг зеленых, Меня, как хочешь, покарай Голодный грифель, мой звереныш!</i>
6 <i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i>	6 <i>И, как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги; Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i>
7 <лагуна>	7 <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос;</i>

Таблица 7 (окончание)

	<i>И чтоб ни вывела рука, Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой</i>
[7?]8 <i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i>	8 <i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик. Двурушник я с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной! Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на твердой почве!</i>
9 <i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, с прослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключаю в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i>	9 <i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета; Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, с прослойкой света; И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключаю в стык — Кремень с водой, с подковой перстень.</i>

Из таблицы видно, что поэт превратил 7-строфную редакцию в 9-строфную, и нумерация показывает, что в А3 образовались еще две лакуны — строф 5 и 7. В рукописи 9-строфная редакция имела две нумерации — первоначальную (цифры в квадратных скобках, т. е. зачеркнутые, при двух строфах; ср. табл. 4) и окончательную. Первоначальная нумерация в 9-строфной редакции была 1, 3, 6, 7, 7 (?), 9 (при трех лакунах).

Таким образом, правка текста на листах 3–6 относится к этапу от первой 7-строфной редакции А1 к второй 7-строфной редакции А2=КН, правка номеров строф — к этапу формирования редакции из 9 строф, А3, а весь текст на листах 3–6 включает три редакции:

— начальную авторизованную редакцию из семи строф А1 с лакуной строфы 2 и с еще одной нумерованной строфой, не включенной поэтом на этих листах ни в одну из редакций;

— редакцию А2, из семи строф: 1) после правки текста на тех же листах с лакуной строфы 2 и катрена 3б; 2) полного текста в рукописи КН;

— редакцию А3 из 9 строф, после правки номеров строф на тех же листах, с лакунами строф 2, 5, 7 и катрена 3б.

V. РАЗРАБОТКА ОТДЕЛЬНЫХ СТРОФ И КАТРЕНОВ

Считая эти положения установленными, обратимся теперь к анализу текстов на листах 7–11 и 2 об., представляющих собой сводки отдельных строф, с тем, чтобы на основании уже полученных данных определить: 1) к какой стадии работы они относятся и какие редакции текста отражают; 2) удастся ли с их помощью восполнить лакуны редакций А1–А3. Обратимся еще раз к рукописи КН. Это список (копия) рукой Н. Я. Мандельштам, причем при изготовлении его на месте строк 13–14 был оставлен пробел, а следующая за пробелом строка (15-я) выглядела так: «Записан сдвиг, записан страх». Пробел был заполнен: «И не запишет патриарх На мягкой сланцевой дощечке», а стих 15 исправлен: «Ни этот сдвиг, ни этот страх» (см. иллюстрацию 26). Текстуальное соответствие первоначальной записи 15-го стиха в копии находим в одном из вариантов на листе 11: «И на <...> берегах Холодной виноградной речки Записан сдвиг, записан страх»; а окончательный текст этих трех стихов (13–15) точно соответствует второму варианту на листе 8. **Лист 8** (см. иллюстрацию 18) представляет собой полубековую (не со всеми знаками препинания) сводку строфы 2 (оборот чистый). В начальной записи исправлен 7-й стих, а затем дан вариант второго катрена:

Начальная запись

*Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою овечьей
Обратно в крепь родник журчит
Цепочкой, пеночкой и речью.
Земля сбегается в слезах
Отвсюду к виноградной речке
И всюду сдвиг, и всюду страх
Читай: кремневых гор осечки.*

После правки, 7-й стих:

Ступенька сдвиг, ступенька страх

Вариант стихов 5–8:

*И не запишет патриарх
На мягкой сланцевой дощечке
Ни этот сдвиг, ни этот страх
Читай: кремневых гор осечки.*

Смысл единственной правки в стихе 7 этой строфы (см. табл.), по-видимому, следующий: стихи 5–6 в начальной записи совпадают с ранним вариантом (на листе 11), где продолжалось: <...> Отвсюду <...> речке Ей нужен сдвиг, ей нужен страх <...>. Мандельштам в рассматриваемой строфе продолжил иначе, и получилось стилистически оплошное <...> Отвсюду <...> И всюду <...> и всюду <...>, что и пришлось исправлять.

Текст варианта на листе 8 полностью соответствует окончательному тексту строфы в КН и тем самым заполняет лауну строфы 2 редакции А2.

Не совсем обычную задачу представляет текст на листах 7 и 11. Рассмотрим вначале **лист 11** (см. иллюстрацию 22)⁴⁴ как более показательный. Основная задача, решавшаяся на листе — отработка стыка между строфой «Мы стоя спим <...> проточной» и следующей, из которой полностью записан первый катрен «Как мертвый шершень <...> кормит», а ниже этот катрен отчеркнул короткой чертой, на уровне которой справа (отдельно и позже) написано слово «селенья» (последнее слово катрена «Нагорный колокольный сад...») — т. е. строфа приведена к тому виду, какой она имеет в редакции КН. Эти полторы строфы, нумерованные «2» и «3», являются на этом листе первоначальной записью, что ясно определяется по линии колонки строк. Цифры на полях показывают, что указанный стык последовательно рассматривается в позиции 2-й/3-й строфы, затем в позиции 3-й/4-й, затем катрен «Как мертвый шершень <...> кормит» рассматривается в позиции ба при неясном положении строфы «Мы стоя спим <...> проточной», и, наконец, тот же стык — в позиции 4-й/5-й строфы. Затем второй катрен строфы «Мы стоя спим <...> проточной» в месте стыка правится три раза, что и показывает, так сказать, очаг неудовлетворенности в тексте. Черновой правкой правятся строки «Тебе ль <...> молочный», следующие две просто зачеркиваются, и в пробел между строфами вписывается другая редакция (несомненно, найденная ранее) — «Земля сбегается <...> осечки». Цифры на полях против этой редакции показывают, что стык в новой редакции

⁴⁴ В ИТИС полного описания текста на листе не дается (см. с. 177–178).

снова подвергается рассмотрению в позициях 2/3 (предположительно), 3/4 и 4/5 строф. Движение текста следующее:

2 (затем 3, затем 4)	2 (затем 3, затем 4)
<i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью,⁴⁵ Тебе ль на грифельной доске Ручья и молний брат молочный, Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной!</i>	<i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью, И в виноградном молоке⁴⁶ Ручьев и молний грифель хочет Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной!</i>
3 (4, 6, 5)	3 (4, 6, 5)
<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь-коришунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>	<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь-коришунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>
	селенья

И далее:

2 (затем 3, затем 4)
<i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью, Земля сбегается в слезах Отвсюду к виноградной речке Ей нужен сдвиг ей нужен страх Читай кремневых гор осечки</i>
3 (4, 6, 5)
<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь-коришунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>
селенья

⁴⁵ На левом поле записан вариант этого стиха: «Цепочкой, пеночкой и речью». В ИТИС (с. 176, стих 12в) вариант показан как возникший в результате правки текста.

⁴⁶ Предшествующая зачеркнутая версия: Зачем на грифельной доске.

После этого на оставшемся большом пространстве нижнего поля, а затем на верхнем поле,⁴⁷ не зачеркивая предшествующей редакции, набрасываются новые редакции катрена 2б, причем ни одна из них не зачеркивается, и в месте стыка они не пробуются.

Вначале в один прием написаны три последние стиха:

*Холодной виноградной речки
Записан сдвиг, записан страх
Читай: кремневых гор осечки*

а затем следует проба первого стиха с новым рифмовым словом «берегах» (к «страх»):

И на <пробел> берегах

Над ним в две строки наброски, первый: [неразборч.]⁴⁸ берегах. Второй: Еще недавно: <пробел>.⁴⁹

После этого работа перешла на верхнее поле. Сохраняя уже найденное рифмовое слово «речки» (к «осечки») и с новым «патриарх» к уже найденному «страх», слева пишется еще один набросок:

*И спит овчарок патриарх:
[неразб.⁵⁰] виноградной речки*

После правки:

*И трех овчарок патриарх
Стоит на виноградной речке.*

Затем правее на верхнем поле идет следующий набросок, в котором определяется замена рифмы патриарх/страх на молоком/? и с новым рифмовым словом «дощечке» (к «осечки»):

*И виноградным молоком
На мягкой грифельной дощечке
<пробел>
Читай кремневых гор осечки.*

Замысел не был реализован, и последовала попытка совместить обе версии на верхнем поле, что сделано правкой по тому же тексту: первая строка зачеркивается и означает схематической записью: словом «Спит» с чертой, означающей продолжение. В итоге:

*Спит <трех овчарок патриарх.>
На мягкой грифельной дощечке
Запуган <?51> сдвиг и гонит страх
Читай свинцовых гор осечки*

На этом работа на листе 11 прекратилась.

При сопоставлении текстов на этом листе с другими выясняется, что: 1) тексты набросков на верхнем поле предшествуют катрену «И не запишет патриарх <...> осечки» на листе 8 и в рукописи КН, а строфа «Как мертвый шершень <...> селенья» по тексту и местоположению точно совпадает с редакцией КН, откуда и определяется его место среди других черновиков — он предшествует листу 8. 2) начальная запись строфы 2 почти точно совпадает с окончательным текстом той же строфы на листе 2 об.

Лист 2 об. (см. иллюстрацию 10). Черновая сводка. Вид первоначальной записи и проведенной правки:

<p>2</p> <p><i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей Студеный в крепь⁵² родник журчит Холодной и раздельной речью Виясь по сланцевой доске Овечьей теплой и молочной — Кремневых гор водить Ликей Учеников воды проточной</i></p>	<p><i>Обратно в крепь родник журчит</i></p> <p><i>Тебе ль на сланцевой доске Ручья и молний брат молочный Кремневых гор созвать Ликей</i></p>
---	---

Работа на этом листе в основном велась над вторым катреном. Номер строфы предвещает ее появление в той же позиции (но с другим текстом второго катрена) в редакции КН. Предшественником текста была нумерованная строфа на листе 3, хотя и нет очевидных признаков того, что на листе 2 об. работа продолжалась непосредственно.⁵³ Окончательная редакция строфы 2 на

⁴⁷ В ИТИС последовательность обратная.

⁴⁸ Неразборчивое зачеркнутое слово в ППМ и ИТИС рассматривается как вставка в пробел предшествующего варианта и прочитывается как «слоеных» (ППМ. С. 10 и ИТИС. С. 177, стих 13л) или «слоистых» (ППМ, там же).

⁴⁹ В ИТИС это начало объединено со словом «берегах» записанной ниже строки, что потребовало конъектуры предлога (ИТИС. С. 177, стих 13м).

⁵⁰ Слово жирно зачеркнуто. В ИТИС дается чтение: В молочной.

⁵¹ Запись этой строки плохо читается из-за правки по тексту.

⁵² «В крепь» вписано в первоначально оставленный пробел.

⁵³ Так в ИТИС. С. 175–176.

этом листе почти точно соответствует *начальной* ее редакции на листе 11, откуда следует предположение, что работа на этом листе велась раньше, чем на листе 11.

У нас остаются листы 7, 9, 10, 10 об. Работа на них нуждается в комплексном рассмотрении, которое будет проведено в заключение, после анализа листа 7.

Лист 9 (см. иллюстрацию 19). Черновая сводка.оборот чистый.

На этом листе идет работа над вторым катреном и поиск композиции новой строфы 9-строфной редакции (см. анализ листа 7). Текст первого катрена «Как мертвый шершень <...> кормит», входившего в том же виде в редакцию А2=КН (в строфу 3), правке не подвергается. Параллельно с правкой текста второго катрена идет работа над композицией: порядок катренов определен цифрами «1» и «2» на левом поле, затем нумерация исправлена (соответственно правой колонке нашей таблицы); делалась попытка изменить положение строфы во всем стихотворении (правка номера строфы). Первый (до исправления) номер над этой строфой — «9» — возможно, свидетельствует о намерении поэта превратить редакцию в 11-строфную.

[9] 5 ⁵⁴	[9] 5
<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>	<i>И не тряхнуть, как сбыв с руки Ночное грифеля кормление И крохоборствуя с доски Стереть дневные впечатленья</i>
<i>И не тряхнуть,⁵⁵ как сбыв⁵⁶ с руки Ночное грифеля кормление И крохоборствуя с доски Стереть дневные впечатленья</i>	<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>

Во втором катрене сначала был оставлен пробел для второй строки, в который было вписано, а затем зачеркнуто «Ключи и гриф <еля> кормление». Зачеркнуто и не дано замены слову «крохоборствуя». Заметим для дальнейшего анализа, что образ

⁵⁴ 8 В ИТИС вторая цифра — «3», — несомненно, дана ошибочно (с. 179). Зачеркнутая цифра там же передается как «5».

⁵⁵ «Не тряхнуть» написано слитно. В целом получается не очень связанное чтение; возможна описка, с предположительно правильным «Не отряхнуть» или «И не стряхнуть».

⁵⁶ Исправлено из «сбыть».

«грифеля кормление» генетически связывает второй катрен с первым, заканчивающимся «грифель кормит». О времени работы над вторым катреном и близким к нему по тексту вариантом на листе 5 будет сказано при анализе листа 7.

Затем работа переместилась на нижнее поле, где был записан набросок: Иконоборствуя стереть. Дальше записаны два незачеркнутых варианта:

<i>Необходимо прекратить Голодных образов [кормление] С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья</i>	<i>Не крохоборствуй прекрати Голодных образов кормление И как птенца призрей, проси Забывать дневные впечатленья</i>
--	--

Последний отчеркнут на левом поле вертикальной чертой, чем зафиксирован выбор. Позже, в редакции С1, мы видим, что поэт завершил работу над строфой несколько иначе, чем предусматривалось на листе 9, — оба варианта использованы при доработке основного текста катрена 4б.

На нижнем поле листа остаются неп прочитанными отдельные знаки или буквы.

Лист 10 (см. иллюстрацию 20). По левой кромке этого листа имеется правая часть знака переноса-вставки, аналогичного имеющимся на листе 6 и в черновике «Неизвестного солдата», что делает необходимым решить вопрос, был ли этот лист первоначально приблизительно вдвое большей ширины и в какой-то момент был разрезан по знаку переноса-вставки, или во время работы поэт расположил встык к листу 10 другой лист, и знак был начерчен с переходом на него. Формат и вид листа 10 дают большие основания для второго предположения. Этого стыкованного листа (или обрезанной части листа), где работа над текстом была начата раньше, в сохранившихся черновиках нет. На листе 10 — продолжение работы, над сочинением второго катрена. Первый записан в один прием, с прямой линией колонки строк.

4

*Плод нарывал зрел виноград
День бушевал, как [он] день бушует
И вот калачиком лежат
[Овчарок] Овечьи свернутые шубы.⁵⁷*

⁵⁷ С другой конфигурацией рифмовых слов см. набросок на левой части листа 7.

В тексте была сделана показанная незначительная правка, а над стихом 3 надписана прозаическая помета: Стриг шерсть. Вязал снопы.⁵⁸

После пробела записаны две первые строки второго катрена:

*Как хорошо перешагнуть
За впечатлений круг зеленых*

и проведена правка:

*Уже пора перешагнуть
Водораздел холмов зеленых*

Продолжения в рифмовом слове к «перешагнуть» не последовало, два первых стиха снова исправляются и дополняются 3-м и 4-м:

<i>Теперь, кто за руку возьмет Старейшину слепцов зеленых⁵⁹ С кремневых гор вода течет Крутясь играя как звереныш</i>	<i>Шумящих⁶⁰ в лоб слепцов зеленых</i>
--	---

Была сделана попытка поменять катрены местами (цифры 2 и 1 на левом поле против соответствующих катренов). Затем ниже записана еще одна редакция второго катрена:

*Теперь вода владеть идет
И<, > поводыр [слепцов] дубов зеленых<, >
С кремневых гор [вода] струя течет
Крутясь, играя как звереныш*

⁵⁸ В ИТИС помета интерпретирована как результат правки стиха 3 (С. 181. Стих 35а). Характер записи (беловой; не зачеркнута ни эта записка, ни какой-либо из стихов катрена), отсутствие рифмы, характер ритма и фоническая характеристика не дают возможности признать помету пробой какого-либо стиха катрена и вынуждают искать другую интерпретацию. Помета была связана с какими-то реалиями — вероятно, с впечатлениями, полученными на виноградниках Отузской долины в 1920 г., см.: Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 95 (по Миндлину, в Отузах было написано стихотворение «Венеция»). Какую функцию должна была выполнить помета — остается догадываться. Пока обратим внимание на богатую аллитерацию в двух первых словах «стр» — «рст», которой отвечают в предшествующем по времени тексте «персты», «перстень», «страх»; в следующем по времени — «струя» (на том же листе), «стрела», «строй», «стрепет».

⁵⁹ Слепцы зеленые — деревья, см. НБП. С. 568; ПССиП. С. 585.

⁶⁰ На левом поле вариант этого слова: Растущих (зачеркнут).

Затем редакция «Теперь кто за руку возьмет <...> звереныш» выделена двумя горизонтальными чертами и перенесена уже упомянутым знаком переноса-вставки за левое поле.

Работа на листе относится к формированию редакции А3 (обоснование см. при анализе листа 7). Остается сказать, что нумерация строф на листах 9 и 10 — «5» и «4» — соответствует лакунам промежуточной нумерации А3 (см. табл. 4 и 7).

На обороте листа (**лист 10 об.**, см. иллюстрацию 21) — беловая сводка той же строфы с текстом, показывающим итог работы над строфой:

*Плод нарывал. Зрел виноград
День бушевал — как день бушует;
И в бабки нежная игра;
И в полдень злых овчарок шубы;
За виноградный этот край
За впечатлений круг зеленых
Меня, как хочешь, покарай,
Голодный грифель, мой звереныш*

Этот текст соответствует редакции С1.

Лист 7 (см. иллюстрацию 16). Черновая сводка. Оборот чистый. Первоначальная запись:

3

*<Плод нарывал⁶¹>. Зрел виноград.
День бушевал, как он бушует.
И вот калачиком лежат
Овечьи свернутые шубы
Как мертвый шершень возле сот
День пестрый выметен с позором
И ночь коршунница несет
Ключи кремлей и грифель кормит
<пробел>
О память, хищница моя
Иль кроме шуток ты звереныш
Тебе отчет обязан я
За впечатлений круг зеленых.*

⁶¹ Пробел в начале строки был оставлен, несомненно, для экономии времени.

Характер работы такой же, как на листе 11: рассматривается стык двух строф и решается исключительно композиционная задача — правки текста нет вовсе. Последний катрен зачеркнут, и ниже записана следующая его редакция:

*Кому обязан я отчет
За впечатлений круг зеленых
С кремневых гор вода течет
И я кормлю тебя, звереныш.*

Этот катрен и катрен «Как мертвый шершень <...> кормит» отчеркнуты на левом поле одинаковой вертикальной чертой, что указывает на то, что содержание композиционной задачи изменилось: рассматривается или объединение указанных катренов в одну строфу (что менее вероятно, т. к. в этой строфе имела бы сквозная рифма сот/несет/отчет/течет, что в намерения поэта не входило), или замену одного другим, что привело бы строфу к следующему виду:

3

*<Плод нарывал>. Зрел виноград.
День бушевал, как он бушует.
И вот калачиком лежат
Овечьи свернутые шубы⁶²
Кому обязан я отчет
За впечатлений круг зеленых
С кремневых гор вода течет
И я кормлю тебя, звереныш.*

В таком виде строфа имеет соответствие на листе 10. Однако и катрен «Кому обязан я <...> звереныш» был зачеркнут, и окончательно текст на листе приведен к следующему виду:

⁶² На левой части листа 7 — набросок, комбинирующий рифмовые слова и строки этого катрена с катреном «Нагорный колокольный сад <...> селенья», не вошедшим в окончательный текст:

*Нагорный <пробел> сад
<пробел>
<пробел>
<пробел> зрел виноград
День <пробел> бушует
И вот <пробел> лежат
<пробел> шубы*

Этот набросок в ИТИС не описан.

3

*<Плод нарывал>. Зрел виноград.
День бушевал, как он бушует.
И вот калачиком лежат
Овечьи свернутые шубы
Как мертвый шершень возле сот
День пестрый выметен с позором
И ночь коршунница несет
Ключи кремлей и грифель кормит*

Таким образом, композиционная задача решена не была.

Для того, чтобы определить, к какому этапу относится лист 7, обратимся снова к лакунам редакции АЗ, сопоставляя предшествующую редакцию, А2 = КН, со следующей, С1. Из сопоставления видно, что тексты первой и четырех последних строф никаких изменений не претерпели. На своем месте находится и строфа 2, только текст ее второго катрена отброшен и заменен в С1 давно сочиненным текстом второго катрена первой строфы черновика В. Следовательно, можно уверенно экстраполировать в соответствующую лакуну редакции АЗ стабильный катрен 2а при одном из двух возможных (или А2 = КН, или С1) катренов 2б. В следующей строфе мы видим подобное же изменение: первый катрен сохранен, второй удален и строфа восстановлена точно в соответствии листу 3 редакции А1. Но при этом удаленный катрен («Как мертвый шершень... кормит») в С1 не отброшен, а включен в одну из следующих строф, и поэтому соответствующая лакуна в АЗ восстанавливается точно в соответствии с редакцией С1.

Теперь в лакунах АЗ остается две строфы. Соответствующие строфы в С1 содержат уже известный по А2 = КН катрен «Как мертвый шершень <...> кормит», а три катрена появились впервые. Работа над этими двумя строфами как раз и отражена на листах 9, 10, 10 об. (а также, как увидим ниже, и на листе 7), причем на них не только правится текст, но и идет поиск композиции внутри строф: катрены обеих комбинируются в разных сочетаниях (вспомним о знаке переноса-вставки на листе 10). Итог работы над одной из них отражен на листе 10 об. и соответствует С1, что позволяет заполнить одну из лакун точно; вторая лакуна заполняется, при сравнении с С1, первоначальной записью на листе 9, но не настолько же определено: текст катрена «Как мертвый шершень <...> кормит» установился, текст катрена «И не тряхнуть <...> впечатленья» имеет отличия от С1.

Возвращаясь к листу 7 с учетом сказанного, видим что на листе имеются три катрена (распределенные в две строфы) из четырех, над которыми поэт вел работу на листах 9 и 10, но в новой конфигурации, которая исчерпывает оставшиеся возможными комбинации четырех катренов. При этом текст катрена «Плод нарывал <...> шубы» точно соответствует листу 10, а не листу 10 об., что хорошо коррелирует с другими обстоятельствами работы над АЗ: работа на листе 7 велась раньше, чем на листе 10 об. был зафиксирован в белой сводке окончательный текст строфы, относящийся к итогу работы над АЗ. Таким образом, последовательность работы на листах могла быть следующей: 9, 10, 7, 10 об. (вероятнее всего), или 7, 9, 10, 10 об. При этом, как уже было сказано, последней по времени на этих листах была белая сводка на листе 10 об. К анализу же номера строфы на листе мы сейчас обратимся.

Из предшествующего видно, что все лакуны строф АЗ удастся заполнить текстом точно или почти точно. Однако того же нельзя сказать о композиции (порядке следования строф) в АЗ. В табл. 7 (и ранее в табл. 4) мы показали, вместе с заключительной, и первоначальную нумерацию этой 9-строфной редакции — 1, 3, 6, 7, [7?], 9. Лакунам этой первоначальной нумерации соответствуют номера строф «4» и «5» на листах 9 и 10. Номер «3» на листе 7 позволяет высказать предположение, что и строфа 3 была «вовлечена» в поиски композиции и на заключительном этапе невозможно определить, при известном тексте строф, их позиции на местах 3, 5, 7.

Прежде чем подвести итог анализу группы редакций А, необходимо обратиться к последней незаполненной лакуне — строфы 2 редакции А1. Рассматривая эту группу редакций ретроспективно, видим, что поэт ставил себе задание сочинить оду с нечетным числом строф (о строфическом задании, предваряющем текст, мы уже говорили в начале статьи). Сначала появляется 7-строфная, затем 9-строфная редакции, а в какой-то момент, возможно (см. правку номера строфы на листе 9), возникал замысел увеличить объем оды еще больше. В первоначальной записи на листах 3–6 засвидетельствовано 8 строф, из которых была сформирована 7-строфная редакция А1. В ней имелась строфа 2, которую поэт удалил при работе над второй 7-строфной редакцией А2, вырезав пол-листа. О тексте, заполнявшем образовавшуюся в рукописи лакуну, раньше мы не могли высказать никаких предположений. Теперь, когда по С1 видно, что поэт, поставив перед собой задачу увеличить объем стихотворения на две строфы, активно возвращает на прежнее место ранее забракованные катрены (2б, 3б), напрашивается

предположение, что он, вероятно, должен был поступить так же по крайней мере с одним из катренов, заполнявших эту лакуну А1. Этот катрен (или два?) и следует искать на листах 7, 9, 10. При этом несомненное преимущество имеет «Как мертвый шершень <...> кормит» — катрен со стабильным текстом (до редакции С2 правки в тексте нет вовсе), известный начиная с редакции А2 = КН. Но выше, при анализе листа 9, было показано, что с ним генетически связан второй катрен, «И не тряхнуть <...> впечатленья», и также известный начиная с А2 = КН. Отсюда вытекает предположение, что вся строфа 2 А1 могла иметь приблизительно тот же вид, что и в первоначальной записи на листе 9. Если принять оба предположения, то ее (строфу 2 А1) постигла та же участь, что и строфу 3 А1, и работа над ними велась в такой последовательности — в редакции А2 их первые катрены были объединены в одну строфу (третью), вторые — исключены (и текст катрена «И как стряхнуть <...> впечатленья» при этом сведен в качестве варианта катрена 4б на лист 5), а в редакции А3 — снова восстановлены.

VI. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ

На листах 12–14 (см. иллюстрации 23–25) — белой автограф, авторизованный подписью и датой «Март 1923». На каждом листе мелко записаны по три строфы, нумерация проставлена сразу, и попыток изменять позиции строф в этом автографе уже нет. Поэт еще раз прошел по тексту правкой. Первоначальная, С1, и окончательная, С2 (совпадающая с текстом «Второй книги»), редакции:

Таблица 8

Редакция С1 (листы 12–14, до правки)	Редакция С2 (листы 12–14, после правки) и „Вторая книга“
Грифельная ода	Грифельная ода
1 <i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень, На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>	<i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень, На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>

Таблица 8 (продолжение)

<p>2</p> <p><i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью. На мягкой сланцевой доске Свинцовой палочкой молочной Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</i></p>	<p><i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно в крепь родник журчит Цепочкой, пеночкой и речью. Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг Свинцовой палочкой молочной, Здесь созревает черновик Учеников воды проточной.</i></p>
<p>3</p> <p>Нагорный колокольный сад <i>Кремней могучее слоенье, На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья. Им проповедует отвес Вода их учит, точит время — И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</i></p>	<p><i>Крутые козьи города; Кремней могучее слоенье: И, все-таки, еще гряда — Овечьи церкви и селенья! Им проповедует отвес, Вода их учит, точит время; И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</i></p>
<p>4</p> <p><i>Как мертвый шершень, возле сот, День пестрый выметен с позором. И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья, И, как птенца, стряхнуть с руки Уже прозрачные виденья!</i></p>	<p><i>Как мертвый шершень, возле сот, День пестрый выметен с позором, И ночь-коршунница несет Горящий мел и грифель кормит. С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья, И, как птенца, стряхнуть с руки Уже прозрачные виденья!</i></p>
<p>5</p> <p><i>Плод нарывал. Зрел виноград. День бушевал, как день бушует: И в бабки нежная игра; И в полдень злых овчарок шубы; За этот виноградный край, За впечатлений круг зеленых, Меня, как хочешь, покарай Голодный грифель, мой звереныш!</i></p>	<p><i>Плод нарывал. Зрел виноград. День бушевал, как день бушует. И в бабки нежная игра, И в полдень злых овчарок шубы; Как мусор с ледяных высот — Изнанка образов зеленых — Вода голодная течет Крутясь, играя как звереныш.</i></p>

Таблица 8 (окончание)

<p>6</p> <p><i>И, как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>	<p><i>И как паук ползет по⁶³ мне — Где каждый стык луной обрызган, На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>
<p>7</p> <p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>	<p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. Ломаю ночь — горящий мел Для твердой записи мгновенной. Меняю шум на пенье стрел, Меняю строй на стрепет гневный.</i></p>
<p>8</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик. Двурушник я с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремль Учеником воды проточной! Блажен, кто завязал ремень Подожве гор на твердой почве!</i></p>	<p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик: Двурушник я, с двойной душой. Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремль Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подожве гор на твердой почве.</i></p>
<p>9</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета; Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, прослойкой света; И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык — Кремль с водой, с подковой перстень.</i></p>	<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, С прослойкой тьмы, с прослойкой света; И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык Кремль с водой, с подковой перстень.</i></p>

⁶³ Это единственное отличие автографа (по которому дан текст в таблице), от печатного текста. Во «Второй книге» и в следующих публикациях — «ко мне» (есть также небольшие отличия в пунктуации). В связи с этими отличиями см.: НБП. С. 567–568; ПССиП. С. 583–584.

Покажем не зафиксированные в таблице промежуточные слои правки. В **катрене 2б** были зачеркнуты три стиха из четырех (кроме второго) и на поле записано: «Здесь <пробел> ученик». После заполнения пробела: «Здесь пишет спящий ученик». Ниже следует еще один набросок:

*Здесь созревает ученик
Учеников воды проточной.*

Слово «ученик», как видим, переместилось в рифмовую позицию. Следующей правкой оно заменяется на новонайденное «черновик», а в первом стихе одновременно (или раньше) «спящий ученик» исправляется на «страх, здесь пишет сдвиг» (использован незавершенный набросок на листе 11, где было «сдвиг... страх»), чем текст и приведен к окончательному виду.

В **строфе 4** после начальной записи был еще один слой:

*Как мертвый шершень, из гнезда
День пестрый выметен с позором
И, крохоборствуя, вода
Ломает мел и грифель кормит.*

В **строфе 5** по тексту записанной на поле окончательной редакции второго катрена была нанесена, а затем зачеркнута правка. Промежуточная редакция:

*Вот <,> крохоборство<,> твой доход —
Изнанка образов зеленых —
Вода голодная течет
Крутясь, играя, как звереныш.*

«Крохоборство» варьировалось раньше на листах 5 и 9.

В последнем стихе **строфы 7** имелась промежуточная правка: «Не стоит перед влажной губкой» и «Не стоит скормленное губке».

Из таблицы видно, что на этапе С1–С2 композиция уже не изменялась, но объем работы над текстом все еще велик. В частности, полностью переработан катрен 7б, где появился ряд семантически существенных образов, не имевших предшественников в ранее рассмотренных черновиках. «Горящий мел» отсюда введен также в стих 4 катрена 4а.

В заключение покажем еще раз этапы работы над текстом:

Первый черновик (табл. 2). Текст на нем завершенной редакцией не образует. Объем текста на листе — 48 стихов.

Редакция В1 (табл. 3). Представлена фрагментом (лист 2, лакуна не менее двух с половиной листов). На следующем после В1, но предшествующем А1 этапу переработаны тексты первой и заключительной строф, черновики этой переработки утрачены (см. анализ листа 1). Объем сочиненного на этом этапе текста определяется по следующей сводке (редакции А1) — не менее 64 стихов.

Редакция А1 (табл. 5). На листах 3–6, до правки. Определяется лакуна в строфе 2 (о ее тексте см. при анализе листа 7). На листе 3 была записана строфа без номера, не вошедшая в редакцию А1 (табл. 4).

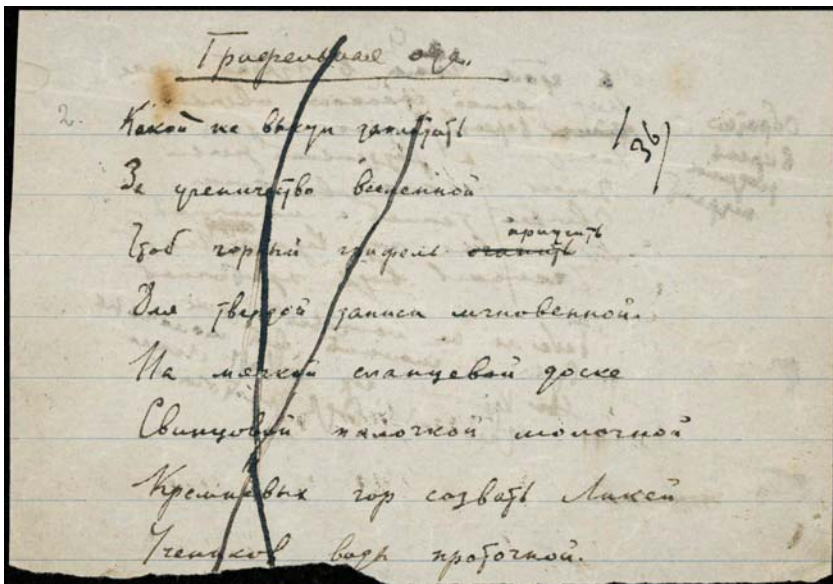
Редакция А2=КН (табл. 6). На листах 3–6 после правки текста, до правки номеров строф. К этому этапу относятся листы 2 об., 11, 8.

Редакция А3 (табл. 7). Листы 3–6 после правки номеров строф. Лакуна строфы 2 заполняется предположительно, в сравнении с предшествующей (КН) и следующей (С1) редакциями: катрен 2а — «Мы стоя спим <...> речью», катрен 2б — или «И не запишет патриарх <...> осечки», или «На мягкой сланцевой <...> проточной». Лакуна катрена 3б заполняется соответственно редакции С1. Листы 9, 10, 10 об. заполняют лакуны строф 5 и 7, но не устанавливается их взаимная соотношенность. Лист 7 относится к промежуточной стадии работы над теми же строфами.

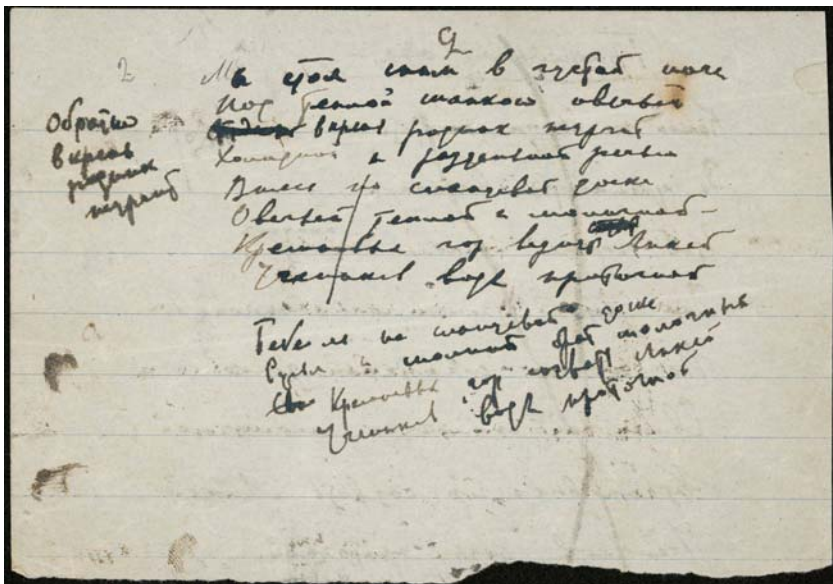
Редакция С1 (табл. 7 и 8). Листы 12–14 до правки.

Редакция С2 = ВК (табл. 8). Листы 12–14 после правки.

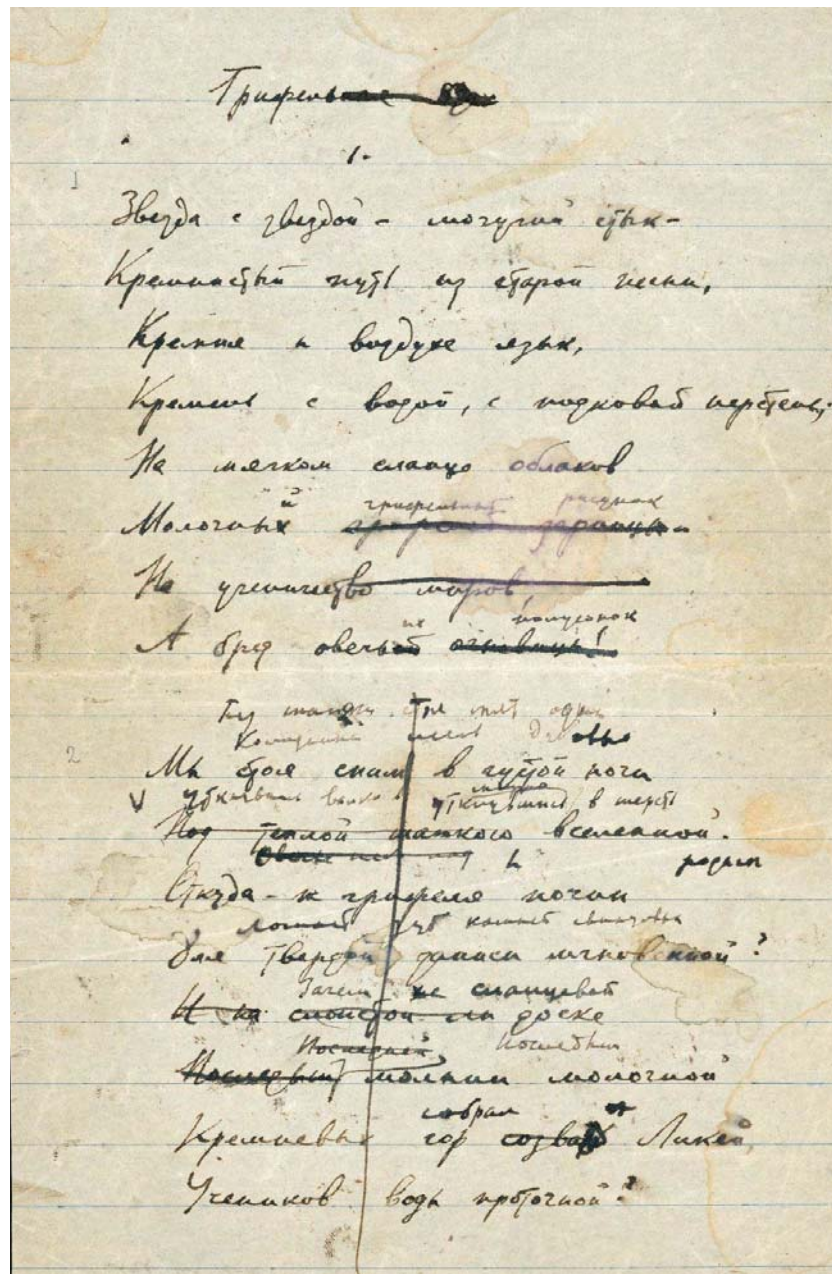

Илл. 9. Лист 2 черновиков «Грифельной оды»

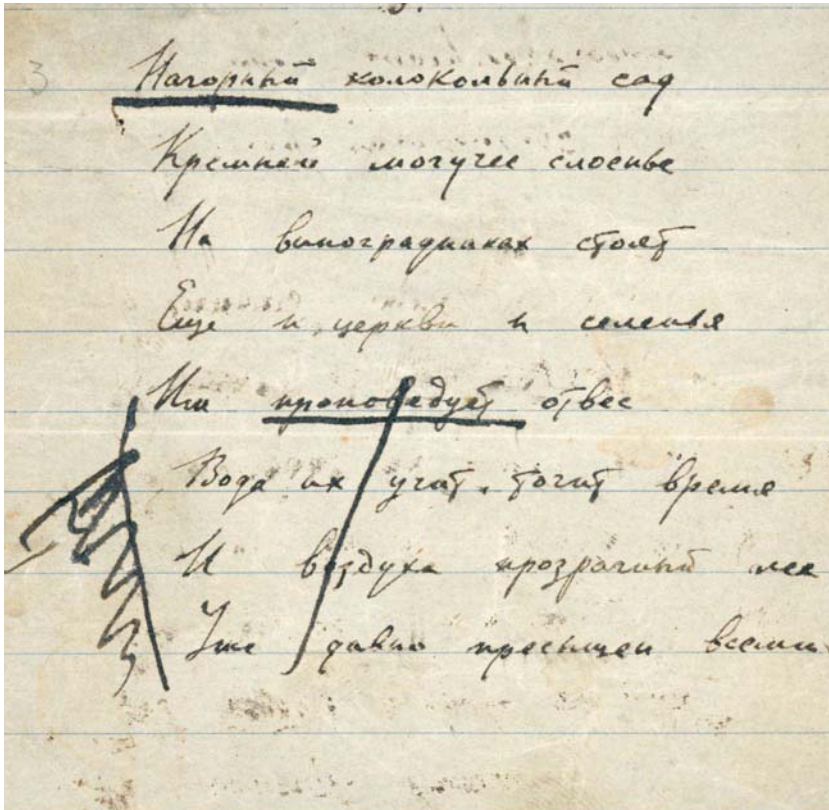

Илл. 10. Лист 2 оборот черновиков «Грифельной оды»

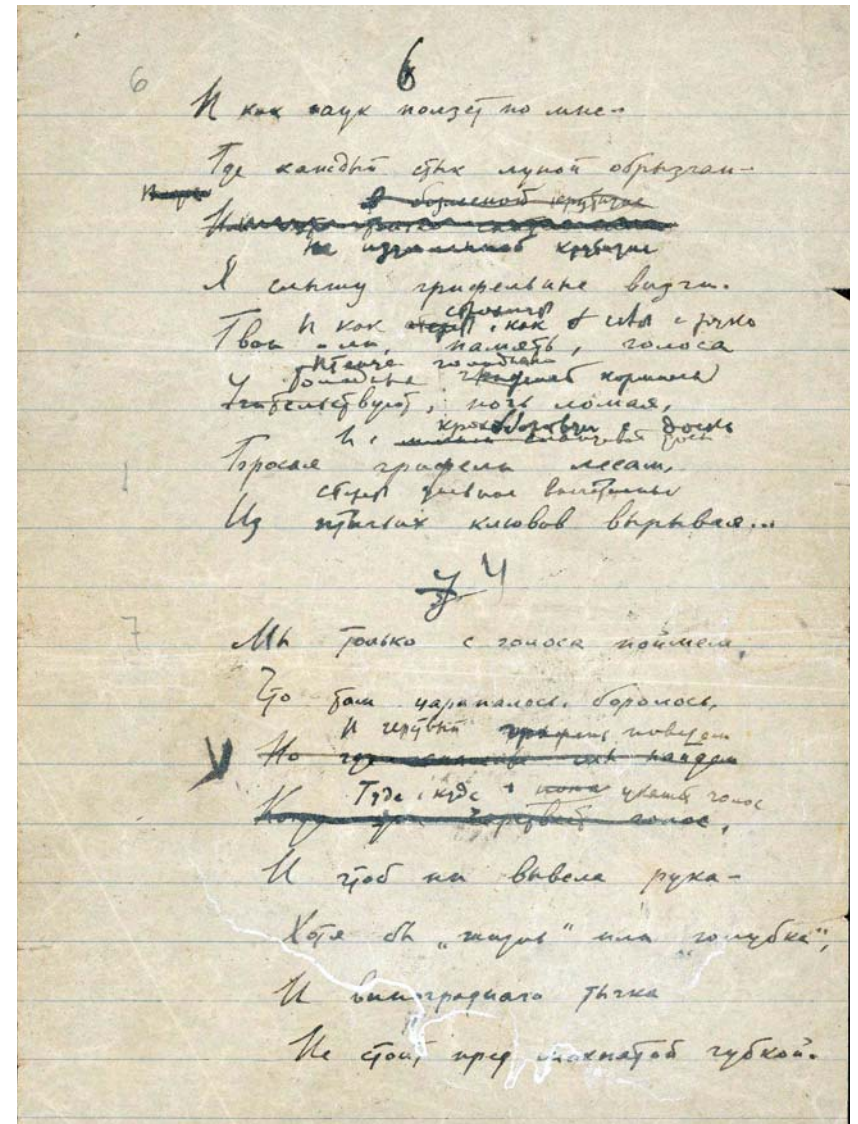

Илл. 11. Лист 3 черновиков «Грифельной оды»

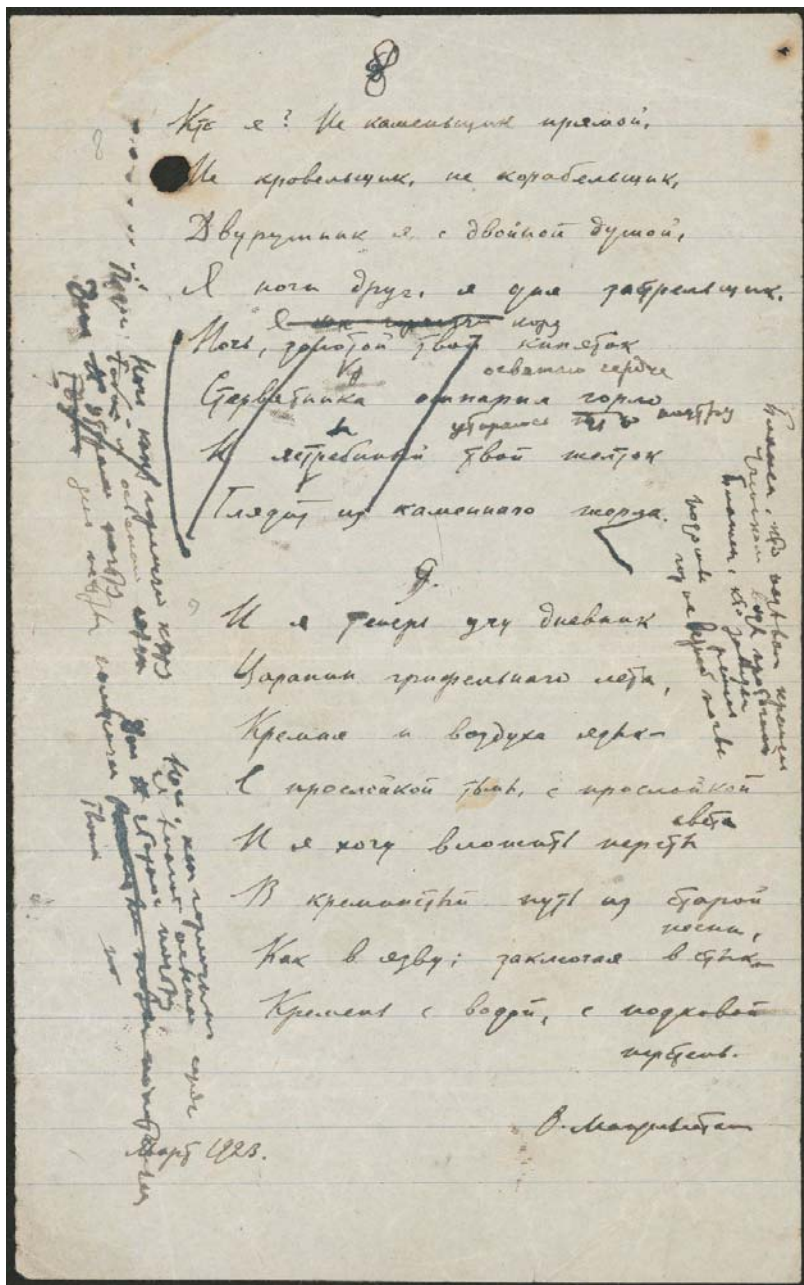

Илл. 12. Лист 4 черновиков «Грифельной оды»

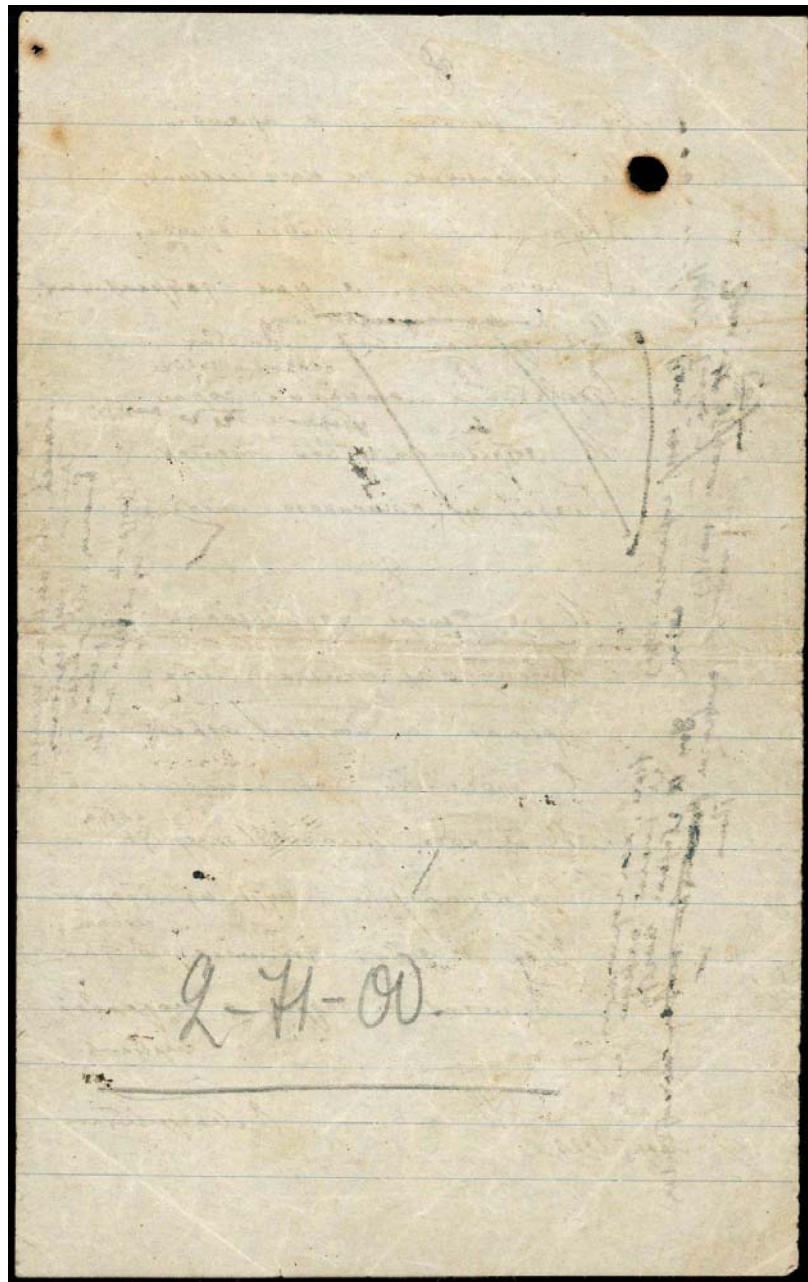

Илл. 13. Лист 5 черновиков «Грифельной оды»

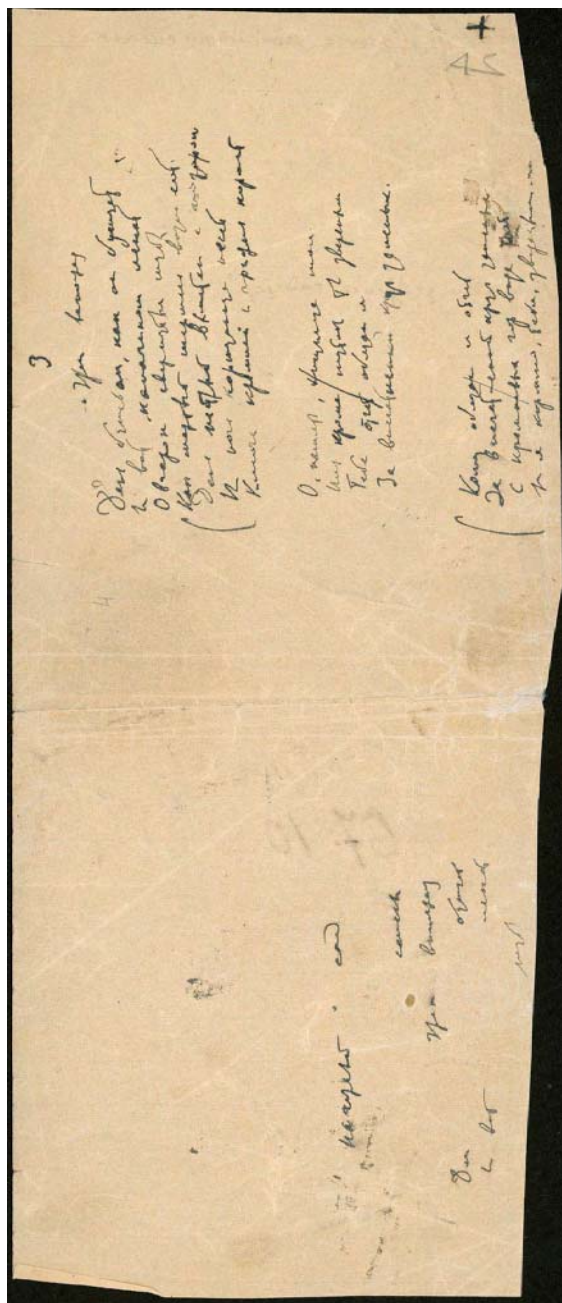

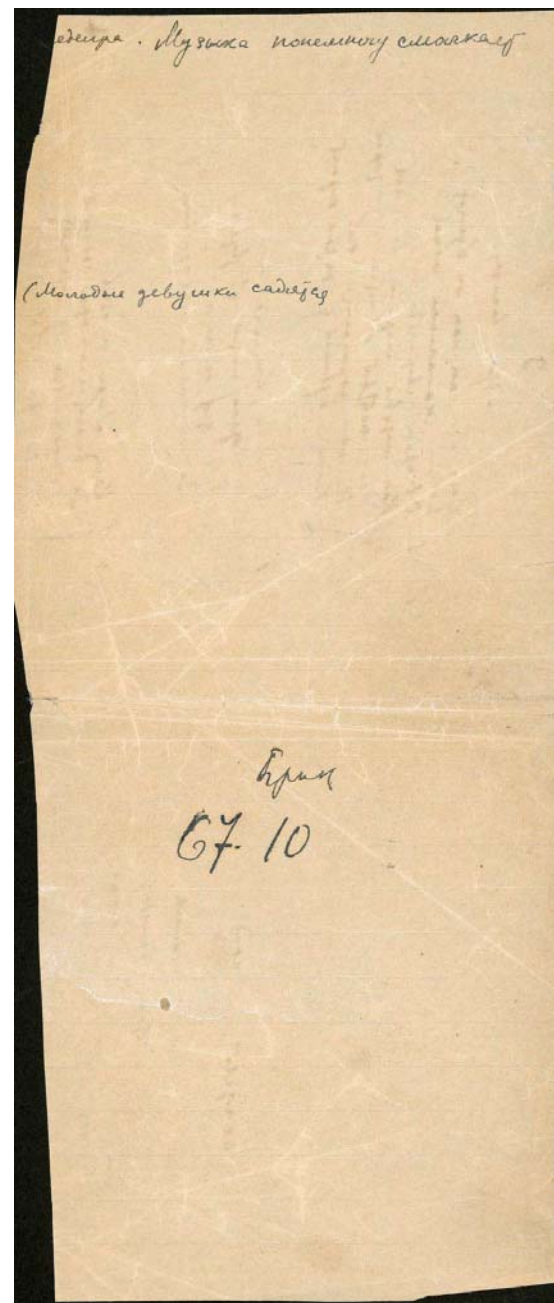
Илл. 14. Лист 6 черновиков «Грифельной оды»

Илл. 15. Лист 6 оборот черновиков «Грифельной оды»

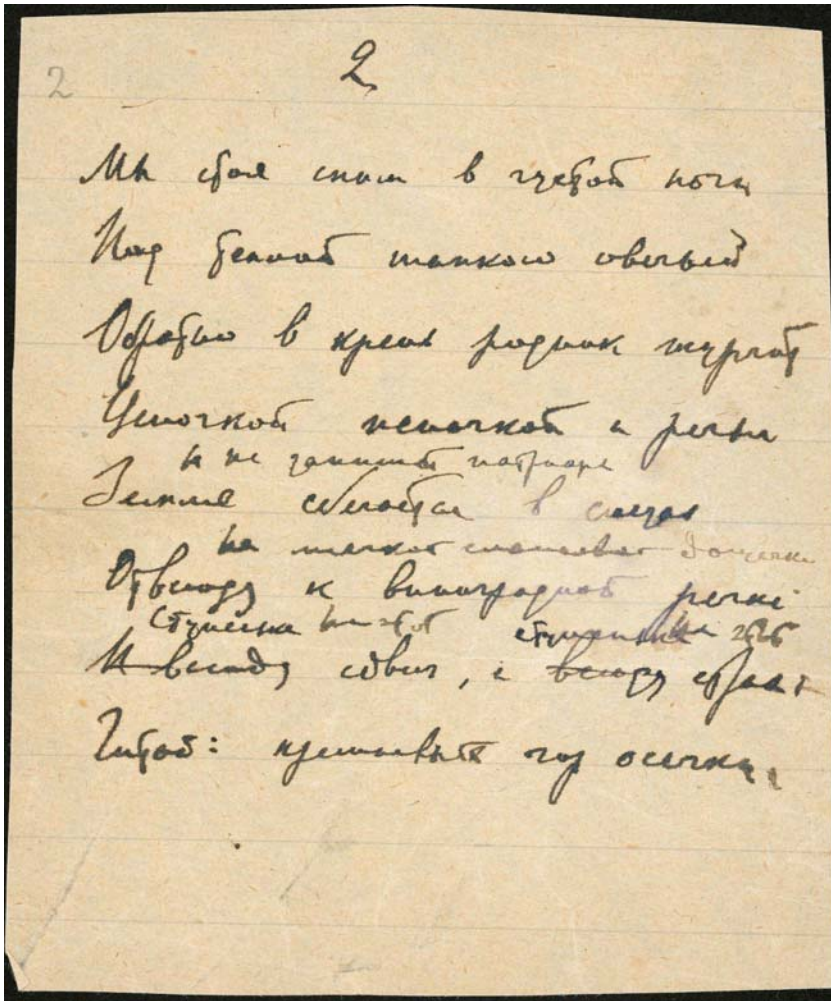

Илл. 16. Лист 7 черновиков «Грифельной оды»

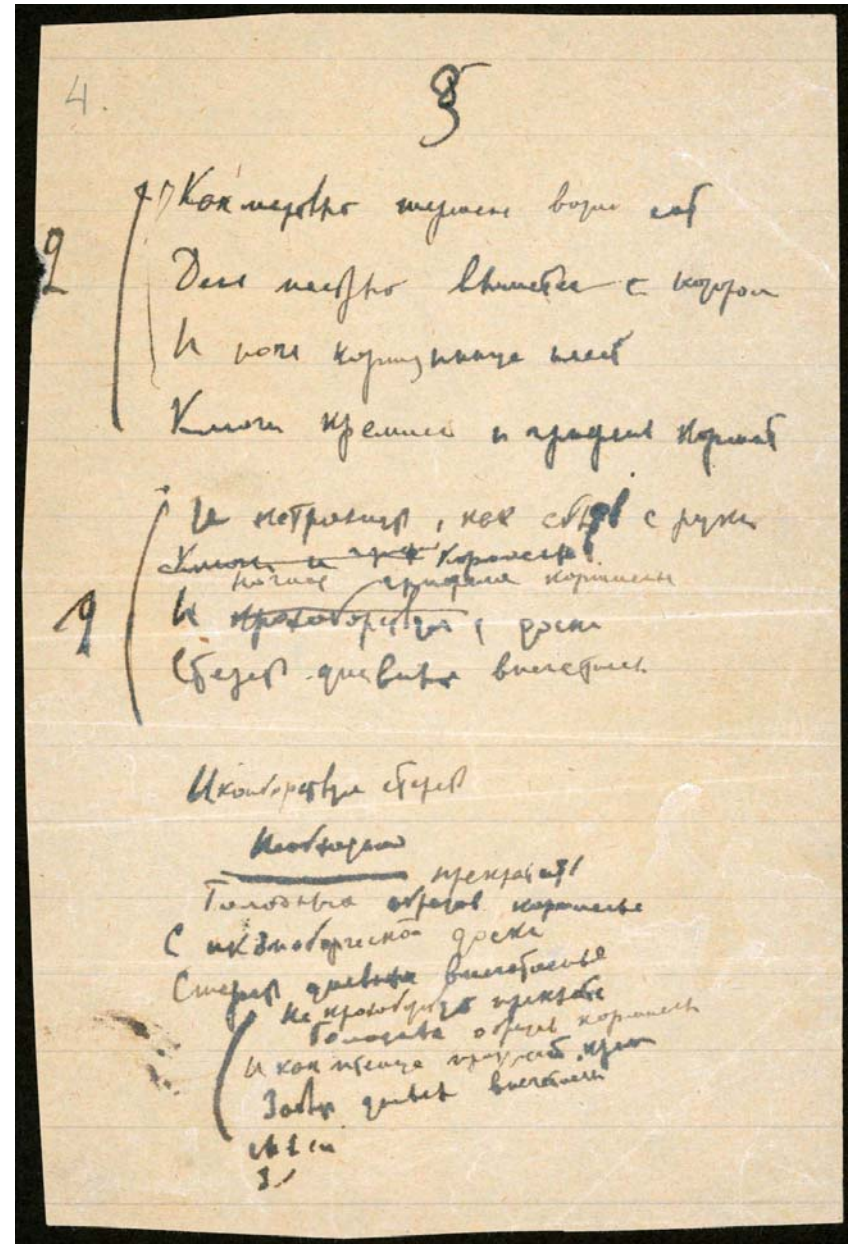

Илл. 17. Лист 7 оборот черновиков «Грифельной оды»

Илл. 18. Лист 8 черновиков «Грифельной оды»

Илл. 19. Лист 9 черновиков «Грифельной оды»

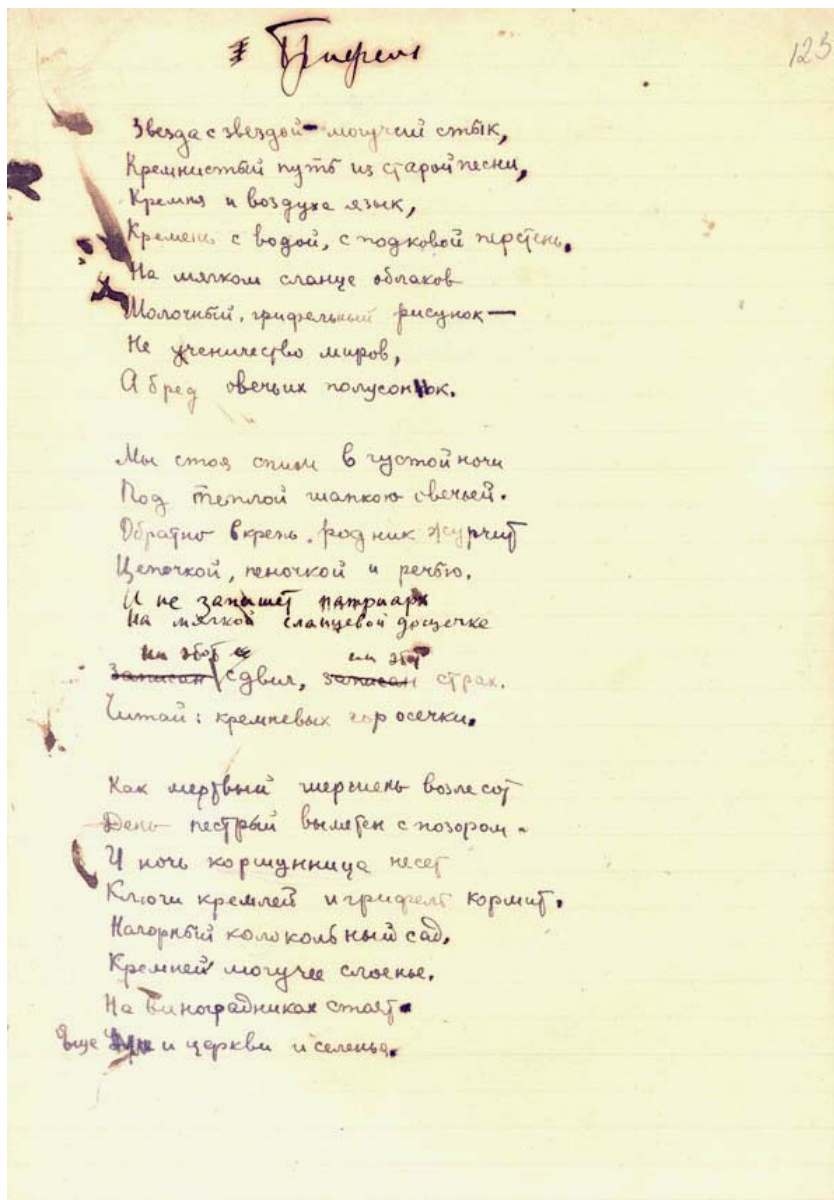

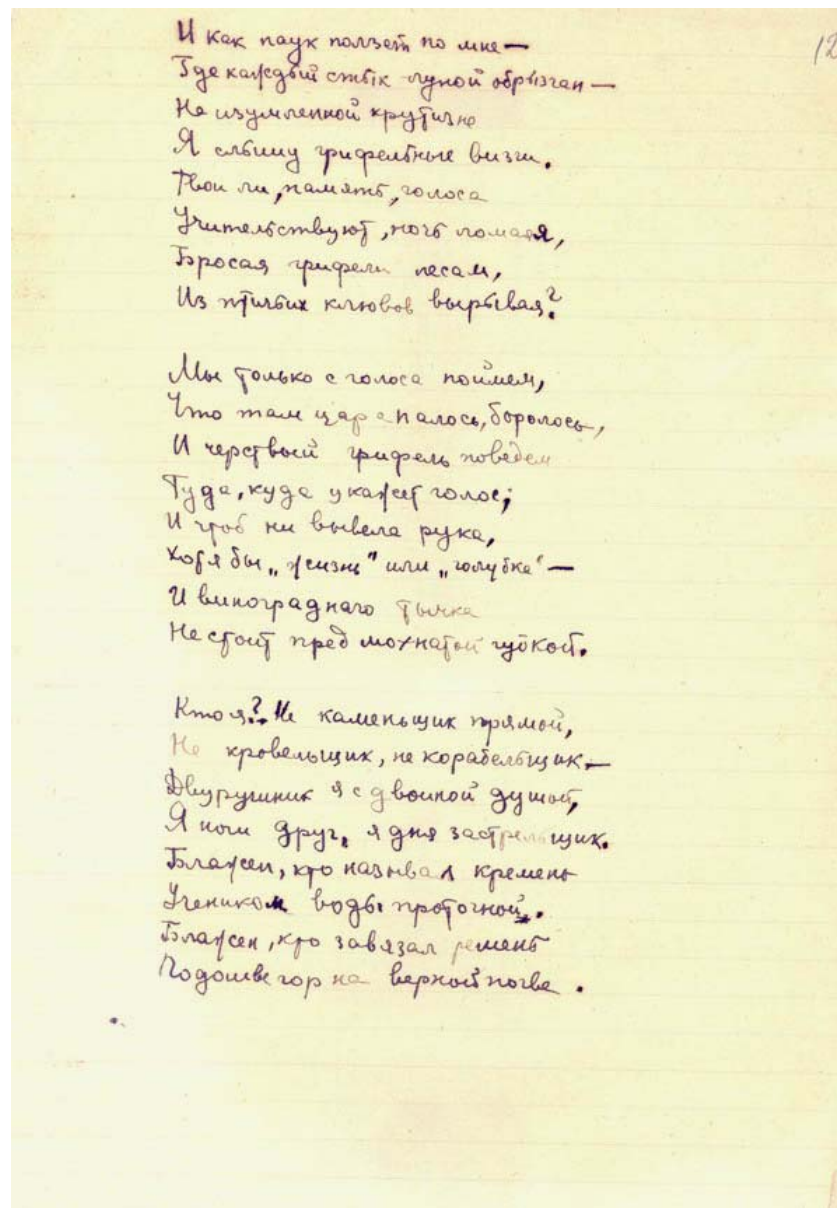

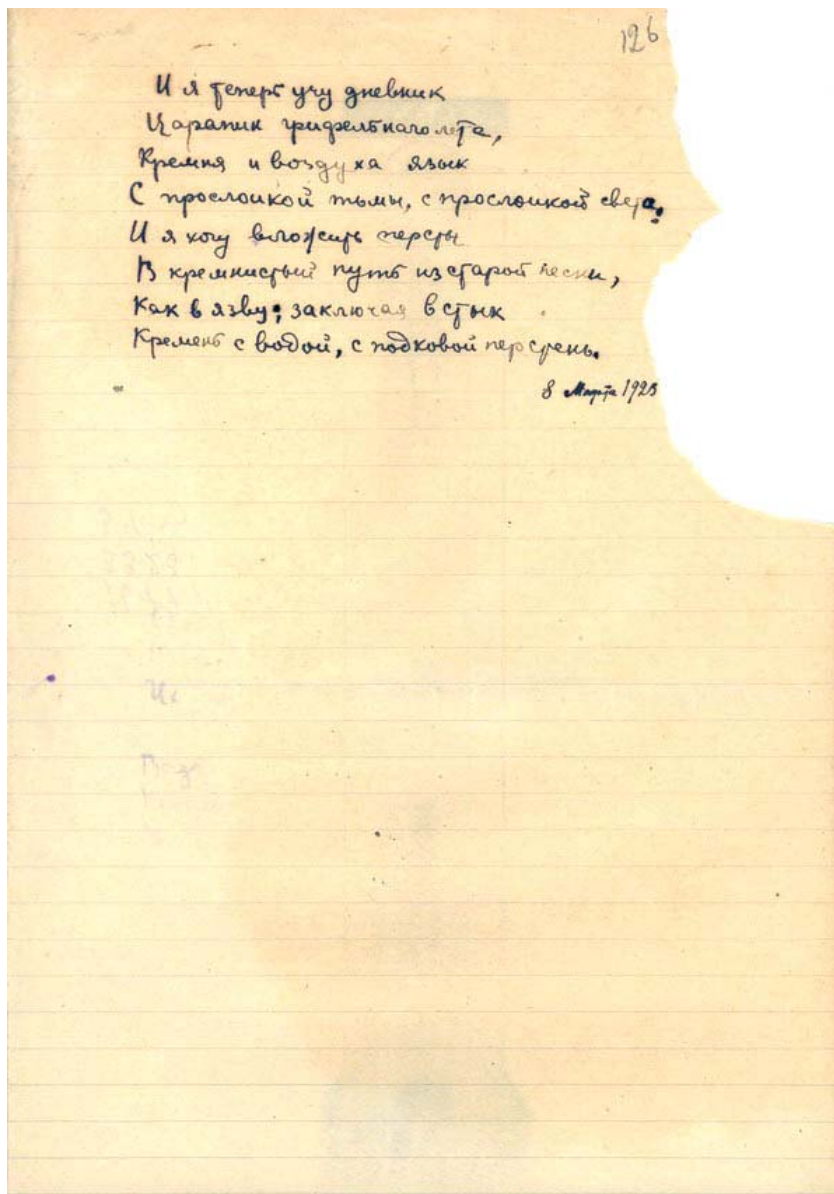

Илл. 26. «Грифель».
Из фонда журн. «Красная Новь». Лист 1

Илл. 27. «Грифель».
Из фонда журн. «Красная Новь». Лист 2

Илл. 28. «Грифель».
Из фонда журн. «Красная Новь». Лист 3

«ФЛЕЙТА»: ПРОБЛЕМА ТЕКСТА И НОВЫЙ ИСТОЧНИК

Флейты греческой тэтта и йота —
Словно ей не хватало молвы —
Неизваянная без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы.

И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не разнять.

А флейтист не узнает покоя:
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин.

Звонким шопотом честолобивых
Вспоминающих шопотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки — опрятен и скуп.

Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем,
Мором стала мне мера моя.

И свои-то мне губы не любви,
И убийство на том же корню
И невольню на убыль, на убыль
Равнодействие флейты клоню.

7 апр. 37. Воронеж¹

Первые: Russian Studies. СПб., 1994. Т. I, вып. 1.

¹ Текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

С ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ это стихотворение относится к группе наиболее сложных: автографы его не сохранились, а ранее известные списки Н. Я. Мандельштам содержали ряд разночтений и по крайней мере одну опisku — «мята» вместо «тэта», которая была устранена Н. Я. Мандельштам по настоянию И. М. Семенко еще до первой публикации в «Воздушных путях» (Нью-Йорк. 1961, альм. 2).²

«Флейты греческой тэта и йота...» входит в состав «Третьей Воронежской тетради», создававшейся в марте–апреле 1937 года и включающей такие поэтические шедевры, как «Стихи о неизвестном солдате», «Тайная вечеря», «Может быть, это точка безумия...». Работа над «Третьей тетрадью» завершалась уже во время предотъездных хлопот: вскоре последовал переезд в Москву, насильственное выселение из квартиры, скитальчество по подмосковным городкам перед последним арестом. Эти обстоятельства были причиной относительной малочисленности, даже в сравнении со «Второй Воронежской тетрадью», сохранившихся списков.

Характер работы поэта был следующим: своей рукой он набрасывал только черновик, затем уже ставший первоначальный текст диктовался жене, и по этой записи работа велась дальше — поправки вносил либо он сам, либо жена под его диктовку. Завершенный текст поэт авторизовал — ставил под ним дату и подпись; нередко возвращался к нему в ближайшие дни и совершенствовал — или на том же листе, или на новой сводке, которую обычно изготовляла Н. Я. Мандельштам. Такой предстает стадильность работы по тем немногочисленным случаям, когда сохранились до наших дней черновики стихотворений. Характерной чертой творческого процесса была его высокая интенсивность: при выборе эпитетов черновики сохранили по десятку и более проб некоторых; с той же настойчивостью шел поиск композиции (порядка строф). Стихотворный период бывал — это относится и к «Третьей Воронежской тетради» — очень интенсивным: в работе находилось, как правило, по несколько стихотворений одновременно. Когда он заканчивался, стихи собирались в «книгу» — процесс у Мандельштама также длительный и стадильный. После приходило время копировать стихи, в составе новой «книги» — для хранения у друзей,

для редакции или Союза писателей. Эти копии, как правило, изготовлялись женой поэта самостоятельно на основе собранного рукописного материала, ибо к этому времени поэтом, по характеру необычайно впечатлительным и импульсивным, уже овладевали новые впечатления, и в работе на этой стадии он либо не принимал участия вовсе, или, если жена обращалась к нему с вопросами, — спорадически и неохотно.

Проблема описок в текстологии нового времени далеко не нова. Наиболее изученная ситуация — поздний альбомный автограф, когда текст записывается по памяти и без необходимой сосредоточенности. Описки механического характера устраняются текстологом относительно легче; намного сложнее положение в тех случаях, когда, затрудняясь вспомнить, автор записывает текст одной из предшествующих редакций. Этот механизм лежит и в основе описок Н. Я. Мандельштам. К тому было более чем достаточно причин: она была пассивным участником творческого процесса, выслушивала и фиксировала десятки поправок в одном и том же тексте. Когда приходило время изготовлять списки и тексты лежали перед ней, она, несомненно, не сверялась с ними методично, полагаясь на свою память. В архивах ныне находится достаточно большое количество прижизненных списков ее рукой с разночтениями, и среди них немало описок — однако говорить об описках с полной несомненностью можно лишь тогда, когда текст сохранился и в авторизованных источниках. Позднее, в 1960-е годы, когда И. М. Семенко работала над текстами Мандельштама по его архиву и привлекла к этому Н. Я. Мандельштам, жена поэта убедилась в существовании этой проблемы воочию, о чем свидетельствуют некоторые ее поздние пометы на архивных рукописях. Сама И. М. Семенко в своих трудах подобные вопросы не формулировала — по причинам, конечно, этического свойства, — но отмечала описки, например в своих примечаниях к машинописному своду стихов, составленному Н. Я. Мандельштам (см. примеч. 2).

Необходимо отметить, что благодаря работе таких текстологов, как Н. И. Харджиев и И. М. Семенко, тексты большинства стихотворений Мандельштама были установлены точно, а проблемы, возникшие с некоторыми стихотворениями из-за недостатка авторитетных источников, — эксплицированы. Позднее, после завершения ими своих текстологических работ, архивный базис расширился и возможность уточнить тексты некоторых из упомянутых последними стихотворений появилась. В нашем случае проблема основного текста, напротив, осложнилась, так как новая

² См. примечание И. М. Семенко к этому стихотворению: Мандельштам О. Э. Новые стихи / Подг. текста С. В. Василенко // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 184. Ср.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3-х т. М., 2009. Т. 1. С. 240, 665.

находка, устранив одну проблему, увеличила число разночтений в других стихах.

В предшествующих изданиях «Флейты греческой тэта и йота...» публиковалось на основе источников, сохранившихся в архиве Мандельштама (далее — *АМ*³). Это единственный прижизненный датированный список и несколько записей, сделанных Н. Я. Мандельштам по памяти в 1938–1941 годах (недатированных). Впоследствии был разыскан (П. М. Нерлером) еще один прижизненный датированный список Н. Я. Мандельштам (в собрании Б. И. Маршака, далее — *СМ*),⁴ другая копия, восходящая, как увидим, к прижизненному протографу, была обнаружена нами в одном из частных архивов.⁵ Прежде чем приступить к их сравнительному анализу, приведем разночтения с помещенным в начале нашей статьи текстом.

Ст. 1. Флейты греческой **мята** и йота (*СМ* и *АМ*)

Ст. 8. И губами ее не **размять** (*СМ* и *АМ*)

Ст. 13 Звонким шепотом честолюбивым (*СМ* и *АМ*)

Ст. 14. Вспоминающих **топотом** губ (*АМ*); **Понимающих топотом** губ (*СМ*)

Ст. 24. **Равноденствие** флейты клоню (*СМ* и *АМ*)

Новонайденная копия была сделана в 1940 году с рукописи, предоставленной Сергеем Борисовичем Рудаковым (1909–1944) — филологом, жившем в воронежской ссылке одновременно с Мандельштамами в 1935–1936 годах.⁶ В Воронеже он работал над освоением литературного наследия поэта, продолжал эту работу и после возвращения из ссылки. Копиист к моменту нашей встречи никаких подробностей о характере предоставленных Рудаковым материалов уже не помнил, а потому приходится рассматривать две возможности: это могли быть копии Рудакова со списков

³ Источники текста изучены нами по микрофильму, предоставленном Библиотекой Принстонского университета, в Отделе рукописей и редких книг которой подлинники находятся с 1981 г. (Princeton University Libraries. Department of Rare Books and Special Collections. Osip Mandelshtam Papers. CO 539).

⁴ Этот источник был обнаружен и впервые использован П. М. Нерлером в изд.: Мандельштам О. Соч. М., 1990. Т. 1. С. 569 (с опечаткой в описании и с ошибочным указанием на то, что начиная со стиха 14 текст записан рукой поэта). Благодарим Б. И. Маршака за предоставленную возможность ознакомиться с этим списком.

⁵ У Эльги Львовны Линецкой (1909–1997).

⁶ О С. Б. Рудакове см. статью Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год; Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 7–31.

Н. Я. Мандельштам (как говорилось выше, своды стихов переписывались только ею, и версия об автографах практически невероятна), либо сами списки Н. Я. Мандельштам. Уяснить это обстоятельство необходимо: почерк Н. Я. Мандельштам разборчивый и для чтения легкий, почерк Рудакова — очень трудный и с другим начертанием тех букв, которые выступают спорными в разночтениях; кроме того, понятно, что при втором копировании умножается вероятность описок. В нашей копии переписаны стихи «Второй» и «Третьей» воронежских тетрадей, причем их тексты еще в двух-трех случаях дают повод для текстологических заключений и имеют ранее неизвестную дату под одним из стихотворений, а также отдельные стихи 1930–1935 годов. Тексты нашей копии по пунктуации и другим особенностям обладают высокой степенью идентичности (практически совпадают) со списками Н. Я. Мандельштам того же времени, но это обстоятельство в данном случае не может служить аргументом в пользу второго предположения; решающим аргументом здесь служит косвенное свидетельство о том, что Рудакову приблизительно во второй половине апреля 1937 года посылались новые стихи Мандельштама. Оно содержится в письме поэта к жене в Москву от 4 мая 1937 г.: «Только что пришло письмо от Рудакова <...> Он пишет <...> что стихи неровные и передать это можно только в разговоре».⁷ Отсюда следует, что Рудаков получил стихи из Воронежа, а не скопировал их позднее, во время встречи с поэтом в Москве в мае 1937 года; вероятность же того, что он стал бы копировать для каких-то целей списки из собственного собрания, столь обширные по объему, достаточно невелика. Степень точности копии также говорит в пользу списков Н. Я. Мандельштам, а не рудаковских, но об этом речь пойдет ниже.

Список из собрания Маршака находится в составе прижизненной подборки из девяти стихотворений «Третьей Воронежской тетради». Обстоятельства и точное время его изготовления неизвестны.

Рассмотрим текстологические аргументы.

Описка в первом стихе — «мята» вместо «тэта» — восходит к ранней редакции стихотворения, первый стих которой — «Речи греческой мята и нота» — извлечен нами из черновика сводного списка заглавий стихов за март–апрель 1937 года (*АМ*); с этой опиской стихотворение зафиксировано и во всех записях

⁷ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. Т. 3. С. 567.

Н. Я. Мандельштам 1938–1941 гг. (и более поздних), делавшихся по памяти после ареста поэта. Это обстоятельство также (выше мы уже говорили приблизительно о середине апреля 1937 г.) указывает на то, что протограф новонайденной копии создавался во время, близкое к окончанию работы над «Третьей Воронежской тетрадь», — почему и текст его, по крайней мере в этом стихе, оказался точнее; позже, в процессе новых переписок, возникло искажение, которое и зафиксировалось в памяти Н. Я. Мандельштам.

Дальнейший анализ представляется целесообразным вести в двух планах: сначала приведенные различия рассмотреть с позиций соотношения новонайденной копии с ее протографом с целью представить себе, могли ли остальные различия явиться результатом описок нашего копииста, а затем в плане соотношения: новонайденная копия — список *АМ* — список *СМ*.

1. При проверке всего массива стихотворений 1936–1937 годов в копии (всего около 50)⁸ описки механического характера (например, «пламя» вместо «племя») выявлены в трех словах. Даже если не считаться с тем обстоятельством, что они могли повторять ошибки протографа, для таких сложных текстов, как стихи Мандельштама, это очень низкий показатель. На тщательность копииста указывают и другие детали: в момент изготовления (теми же чернилами) были исправлены ряд слов и восполнены пропуски — что предполагает сверку, а в одном случае, когда слово вызвало затруднение, второе предположительное чтение было записано над ним.

В плане соотношения протограф/копия есть основания высказаться по двум различиям — в стихах 8 и 13. Чтение «разнять» сравнительно с «размять» является более «трудным», так как с точки зрения физиологии непредставимо, что можно разнять губами, а метафорический план высказывания остается темен. Также и чтение «честолюбивых» вместо «честолюбивым», нарушая рифму, является более «трудным». Инерция психики при копировании должна была бы дать прямо противоположный результат в случае описки, и поэтому с большой долей вероятности примем, что указанные слова были скопированы адекватно. В отношении двух оставшихся различий (стихи 14 и 24) аргументов не находится,

и пока будем говорить о точности копии условно, основываясь лишь на данной выше ее общей характеристике.

2. Принимая, что текст новонайденной копии точен относительно протографа, сопоставим различия трех источников.

Различия в стихах 13–14 «прозрачны» для тех исследователей, кто обращался к черновикам Мандельштама или знаком с его стилем работы по трудам И. М. Семенко: по-видимому, все слова «пробовались» в ходе работы над текстом. «Топот губ» — это очень мандельштамовский прием, в развитие «звонкого шепота» — вида гиперболы (шепот как топот). Однако такой прием может приводить к пародийному эффекту. Как на мотив для самокритики на этот эффект указал Н. И. Харджиев в своих примечаниях к тому «Библиотеки поэта»: он приводит слова поэта, сказанные в связи отброшенным вариантом в стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»: «Харон в качестве хозяина **парома** уместен только в пародийных стихах».⁹ Пародийное звучание «топота губ» слышится отчетливо, причем оно еще более усиливается при «Понимающих (вспоминающих) топотом губ» (различия *АМ* и *СМ*) сравнительно с редакцией некоторых посмертных записей Н. Я. Мандельштам: «Вспоминающим (понимающим) топотом губ» (в этой редакции было напечатано В. Швейцер¹⁰). В первом случае эффект обеспечивается утратой грамматического, а с ним и смыслового параллелизма «Звонким шепотом... понимающим топотом...», причем «топот» принимает на себя еще и смысловое ударение. Позволим себе, в связи с этим, высказать предположение, что варианта с «Понимающих (вспоминающих) топотом» не существовало, а редакции списков *СМ* и *АМ* явились следствием контаминации вариантов «Понимающих (вспоминающих) шепотом» и «Понимающим топотом». Попутно отметим, что «Понимающих шепотом» дает наибольшее приближение к тому определению поэзии, которое Мандельштам дал в «Разговоре о Данте»: «Исполняющее понимание». Настолько же определенно можно высказаться о предпочтительности «честолюбивых» в рифменной позиции: в стихах 1930-х годов поэт разрабатывал новую систему выразительности, обнимавшую также рифму, и чередовал в строфах точные рифмы с неточными — ср. в следующей строфе рифму *моря/ моя*; особенно существенно, что пробы рифмовых слов в стихах этих лет подчинены этому поиску.

⁸ Мы взяли для проверки только этот период, т. к. предполагаем, как говорилось выше, что эти копии сделаны со списков одной рукой — Н. Я. Мандельштам; стихи предшествующего периода копировались, возможно, со списков Рудакова.

⁹ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 278. (Б-ка поэта. Большая сер.)

¹⁰ Мандельштам О. Воронежские тетради. Анн Арбор, 1980. С. 105.

Остальные разночтения рассмотрим в более широком контексте. Как известно, стихотворение связано с судьбой Карла Карловича Шваба, воронежского знакомого Мандельштама. Он был арестован в конце декабря 1936 года, а стихотворение явилось откликом, вероятно, на предъявленное ему обвинение в участии в антисоветской организации (существенно, что ему инкриминировалось то, что он слушал по радио речи Гитлера).¹¹ Арест Н. И. Бухарина, покровителя Мандельштама (27 февраля 1937 г.), осуществленный при невиданных обстоятельствах — прямо на заседании пленума ЦК ВКП(б), показал, насколько иллюзорными были надежды поэта на благоприятный перелом в своей судьбе. Поэтому параллель «флейтист» — поэт в стихотворении всегда была прозрачна для читателя; однако в качестве мотивирующего подтекста она имела, по видимому, один известный античный источник — намек на это мы видим в первоначальном мотиве «греческой речи». Это «Государство» Платона, знакомство с которым предполагалось программой университетского курса древней философии (экзамен по предмету Мандельштам сдал 7 сентября 1916 г.). В этом диалоге Платона с первых страниц много места уделено тому вреду, который наносит поэзия делу «правильного» воспитания, и мерам, которыми следовало бы ограничить ее влияние в идеальном государстве, к примеру: «Право же, я и по многим другим признакам замечаю, что мы всего правильнее устроили наше государство: говорю я это, особенно имея в виду поэзию. — Что же ты об этом думаешь? — Ее никоим образом нельзя допускать, поскольку она подражательна» (595 а-о).¹² Настолько же пространно критикуется фригийский лад и флейта: «мастеров по изготовлению флейт и флейтистов» собеседники также соглашались не допускать в идеальное государство (399 d).¹³ Существенно, что «флейта» появилась в стихах раньше, чем возник конкретный политический повод для стихотворения, — это «гниющая флейта» в «Чернозем» (1935).

«Шевелящиеся губы» («Лишив меня морей, разбега и разлета...», 1935) — орудие творчества поэта — сквозной мотив поэзии Мандельштама.¹⁴ С исправлением первого стиха, где прямое

«греческая речь» уступило место стиху, говорящему о двух буквах греческого алфавита (предполагаем, что в слове «флейта», транслитерированных в греческий алфавит), две темы и подтекст получили полную сомкнутость и взаимообусловленность и далее развиваются и обогащаются в мотивах.

Мотивная структура стихотворения более понятна начиная со строфы 3, где речь ведется о флейтисте и об игре на флейте. В строфе 4 идет речь об игре на флейте, причем «игра» губ на мундштуке флейты описана так же, как немая артикуляция во время работы поэта над сочинением стихов. Мотив артикуляции подготовлен в первом стихе, где, называя две буквы, поэт подразумевает, по видимому, их произнесение. Этот мотив формировался в ранних редакциях «Армении», где было: «Багряные -уни и -ани — Натуга великих родов»,¹⁵ а затем в «Разговоре о Данте», где с самого начала речь ведется об «изменении самих орудий поэтической речи», т. е. артикуляционной работе. Уподобление артикуляции движениям губ флейтиста дает поэту метафорическое основание в заключительных стихах «клонить к убыли» игру флейты уже от собственного имени.

Что касается одного из двух последних оставшихся нерассмотренными разночтений, «равнодействие» — «равноденствие», то в смысловой структуре стихотворения эта метафора представляется изолированной, и контекст не дает дополнительных данных для предпочтения. Зато есть основания для суждения об их временной последовательности. «Равноденствие» — метафора, подготовленная ранним стихотворением «Есть иволги в лесах, и гласных долгот...» (1914), в автографе имевшим заглавие «Равноденствие»; в его последнем стихе говорится о тростниковой флейте (свирили). Если представить, что оба варианта пробовались поэтом, то «равноденствие», по указанным выше обстоятельствам, должно было быть более ранним, а «равнодействие» возникло на его основе; оно более «трудное», и сначала от внимания даже ускользает, что это — неологизм (от «равнодействующая сила»). «Равноденствие» могло либо не пройти проверки на зрительную убедительность, как того требовал Гумилев,¹⁶ либо быть отвергнутым в порядке «борьбы

несусь в темноте...» («Стихи о Неизвестном солдате», 1937); «Я скажу это на черном, шепотом...», 1937.

¹⁵ Впервые опубликовано: Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986. С. 38. Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3-х т. М., 2009. Т. 1. С. 467.

¹⁶ Тименчик Р. Д. Комментарии // Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 284.

¹¹ См.: Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989. С. 174; Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Музы ГУЛАГа // Утро. Воронеж. 1992, 9 апр. С. 4.

¹² Платон. Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 1. С. 321.

¹³ Там же. С. 182.

¹⁴ «А наши губы к ней летят» («Что поют часы-кузнечик...», 1918); «Быть может, прежде губ уже родился шепот...» («И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...», 1934); «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935); «Я губами

с акмеизмом», проводившейся поэтом, как засвидетельствовано письмом Рудакова к жене 21 мая 1935 года.¹⁷ Существенно, что в записях Н. Я. Мандельштам по памяти 1938–1941 годов чтение «равнодействие» также встречается (чередуюсь с «равноденствием»), и с таким чтением стихотворение было напечатано В. Швейцер.¹⁸

Наибольшие трудности для интерпретации представляют стихи 2–8. Говорится в них о «речи греческой», как предусмотрено ранней редакцией первого стиха, или об игре на флейте, чему окончательная редакция первого стиха не противоречит, или эти образы совмещаются (или чередуются)? В контексте «речи» более оправданной является метафора «неизваянная»; строфа 2 также лучше осмысливается в этом контексте, поскольку тогда следующее: «Стиснув зубы, ее не унять, И в слова языком не продвинуть» — описывает немую артикуляцию, о которой говорилось выше. Тогда прототипом для разночтения размять/разнять можно мыслить термины орфоэпии «смыкание» и «размыкание» — как видно из «Разговора о Данте» (главка VIII), знакомство поэта с терминологией в этой узкой области было хорошим. В метафорах Мандельштам добивался гармонии прямого и переносных значений (даже если они строились на антитезах), а здесь, если как и раньше считать существовавшими в качестве редакций оба слова, как одно, так и другое дают ощущение не слишком удачного хода: «размять» — ввиду ожидания *pointe* строфы (по аналогии с глиной воспринимается как некий подготовительный акт), «разнять» — как уже говорилось выше, ввиду непредставимости того, что можно разнять губами, но, как кажется, несколько компенсирует оттенком неуничтожимости (тема стихов 5–6). Сделать выбор в данном случае ни текст, ни контекст не дают надежных оснований, и пока при выборе остается руководствоваться ненадежным в конкретных случаях критерием большей или меньшей авторитетности источника текста.

Кратко обобщим сказанное. Новонайденная копия сделана со списка середины 1937 года (по-видимому, рукой Н. Я. Мандельштам) и, по всем аргументам, адекватно передает его текст; этот текст, по сравнению с другими источниками, является наиболее авторитетным в настоящее время.

¹⁷ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 52.

¹⁸ Мандельштам О. Воронежские тетради. Анн Арбор, 1980. С. 105.

КАК СДЕЛАН «АРЗАМАС» ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

ОЧЕРК Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «Арзамас», непосредственно примыкающий к циклам «Китайские тени» и «Петербургские зимы» и напечатанный на видном месте — в парижских «Последних новостях» 31 октября 1926 года, в отличие от всех остальных очерков этих циклов не только никогда не перепечатывался, но и не упоминался до нашей републикации в 2001 году в исследовательских статьях и в комментариях к произведениям Г. Иванова. Можно полагать, что главной причиной тому были трудности интерпретации текста. Очерки Г. Иванова примыкают к жанру мемуаров постольку, поскольку автор придерживается реальных фактов и событийной канвы;¹ иногда излагает события вполне достоверно, а смысловые акценты смещает, в нуждах беллетризации, довольно существенно; здесь же центральная новелла — рассказ о двух вечерах «Арзамаса» — разительно расходилась с документальным материалом о действительно имевшем место 13 мая 1918 года первом (и оставшемся единственным) вечере «Арзамаса». Как мы показываем ниже, эта часть очерка была

Впервые: Звезда. 2001. № 11. Печатается с дополнениями.

За помощь в работе над статьей приношу благодарность Н. А. Богомолу, В. В. Гаврилову, Ю. Е. Галаниной, А. Ю. Галушкину, Т. М. Двинятиной, А. Л. Дмитренко, П. В. Дмитриеву, Т. В. Котовой, И. В. Платоновой-Лозинской, Р. Д. Тименчику.

¹ См.: Тименчик Р. Д. Георгий Иванов как субъект и объект // Новое лит. обозрение. 1995. № 16.

Георгием Ивановым полностью вымышлена, и сопоставление с историей действительно прошедшего вечера проясняет подлинную причину мистификации: вечер этот получил политическую окраску и сопровождался скандалом, о котором автор, живший в эмиграции, не мог упоминать. Другая часть очерка — история книжной лавки поэтов в подвале дома на углу Невского и Караванной, — напротив, ни в каких документах и мемуарах соответствий не имеет, и неизбежно напрашивающаяся аналогия с частью первой бросает на нее тень вымысла. Однако анализ сведений из этой части очерка приводит к предположению о том, что здесь Георгий Иванов расшивал по реальной канве. Всего два источника дают косвенные к этому основания: мемуар Георгия Адамовича, упоминающий о сделке купли-продажи каких-то книг, приблизительно в это время, в которую был вовлечен и Мандельштам, и фраза из дневника М. Кузмина о посещении «Арзамаса», из которой следует, что «Арзамас» располагался в собственном помещении (см. ниже). В пользу достоверности рассказа свидетельствуют также детали местоположения, которые Георгий Иванов привел относительно точно — как человек, часто там бывавший и потому запомнивший непримечательные детали. Дом на углу Невского проспекта и Караванной улицы не пострадал от времени и ныне имеет тот же вид и тот же номер 64/11, что и в 1918 году. Упомянутый Г. Ивановым «Тоннет» — это известная фирма братьев Тонет, «изобретателей венской гнутой мебели». В центре Петербурга у них было несколько магазинов, но в доме № 64/11 находился мебельный магазин другой фирмы — «Венская мебель Яков и Иосиф Кон», — ошибка памяти мемуариста вполне извинительная. Сейчас это помещение занимает парфюмерный магазин «L'escabe». В подвале, лестничный вход в который находится со стороны фасада по Караванной, помещался винный склад «Мюллер Ф. и К°». Оба объекта различимы на фотографии начала века, помещенной в издании: Невский проспект, 1703–1903: Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С. Петербурга / Сост. И. Н. Божерянов. СПб., 1903. Т. 2, вып. 3; и их местоположение подтверждается справочниками «Весь Петербург».

Второй магазин, названный в очерке «Вейс», — это аптека. В действительности магазин аптекарских товаров (но не Р. И. Вейса, а В. Э. Фридгута) располагался не точно напротив, в доме 28 по Караванной, а через один дом (№ 24). О размещении кафе и книжной лавки в этом подвале в 1918 году нам не удалось получить прямых сведений, но следует отметить, что рассказ Георгия Иванова

Илл. 1. Невский пр. 64/11.
Дом, в котором располагалась книжная лавка «Арзамас».
Фотография 1900-х или 1910-х гг.

об этой затее попадает в контекст своего времени: в Петрограде в начале этого года открылось несколько книжных лавок — при издательстве «Petropolis» (Надеждинская, 56), «Книжный угол» (Караванная, 2) и «Лавка писателей» (на Морской улице), в деятельности которой принимал участие и Михаил Кузмин.²

Реальный «Арзамас» — общество, в которое был преобразован второй Цех поэтов.³ Этот последний был основан Г. Ивановым и Г. Адамовичем в 1916 году, и его собрания еще проводились зимой 1917/1918 года,⁴ незадолго до основания «Арзамаса». «Арза-

² Берков П. Н. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1983. С. 59–61. Год открытия «Лавки писателей» в этом издании указан ошибочно, см.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 678. В ст. П. В. Дмитриева «Две записи М. Кузмина в альбоме Л. И. Жевержеева».

³ О втором Цехе поэтов см.: Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тищенко Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник-1988. М., 1989. С. 99.

⁴ Об этом говорилось в корреспонденции о литературной жизни столицы зимой 1917/1918 года: «Жизнь эстетическая теплилась только в изредка собиравшемся неизменно замкнутом Цехе поэтов да на вечерах у Сологуба, где по-прежнему можно было думать и говорить о стихах» (Пруссак Вл. Письмо из Петербурга // Ars, Тифлис. 1918. № 1. С. 75).

мас» же возник 31 марта 1918 года, что явствует из сохранившегося протокола учредительного собрания.⁵ Следующий по времени архивный документ относится к середине апреля.

ЦЕХ ПОЭТОВ

Верейская 11, Тел. 237–71
О-во Арзамас

Петроград, 16 апреля 1918 г.

Бюро Цеха Поэтов, прилагая при сем копию Протокола Учредительного Собрания Лит. О-ва Арзамас просит т. Комиссара по делам Искусства не отказать в содействии к получению О-вом необходимых восьми (8.000) тысяч рублей с текущего счета члена О-ва Г. В. Босняцкого (счет Петроградской конторы Государственного Банка № 237879).

Георгий Адамович
Георгий Иванов⁶

Несколько слов о самом документе. На нем нет ни резолюции, ни каких-либо служебных отметок, из чего следует, что официального хода бумаге по какой-то причине дано не было. «Комиссар по делам Искусства» — это А. В. Луначарский, курировавший Коллегию по делам искусств при СНК. Он и после переезда правительства в Москву 10 марта оставался в Петрограде, занимая одновременно пост комиссара по просвещению Совета Народных Комиссаров Петроградской трудовой коммуны.⁷ В помещенной ниже афише «Арзамаса» есть имя Рюрика Ивнева, который в то время был секретарем Луначарского. Для нашей истории небезразлично будет отметить, что Ивнев пришел к большевикам в первые послеоктябрьские дни, выступал с публицистическими статьями в «Известиях ВЦИКа», а у Луначарского выполнял задачу по «налажива-

нию связи между Сов. властью и лучшей частью интеллигенции».⁸ В «Петербургских зимах» Г. Иванов красочно рассказывал, как «перекинувшийся» Рюрик Ивнев предлагал ему служить «у нас» с доводами в тон «Двенадцати» Блока: «Советская власть — Христова власть».⁹ Упомянутый в документе Г. В. Босняцкий — фигура, нам неизвестная (эта фамилия вообще не значится в справочнике «Весь Петербург» за 1910-е годы), но общий смысл документа ясен: этот счет был заморожен. 8000 рублей — довольно крупная по тому времени сумма, из чего следует, что Г. В. Босняцкий был одним из «меценатов», привлеченным к делу — вероятно, на каких-то взаимовыгодных условиях.

Адрес на бланке — Г. В. Адамовича, на квартире которого и происходили собрания второго Цеха поэтов. Подпись второго инициатора Цеха поэтов и «Арзамаса», Г. Иванова, стоит под еще одним архивным документом приблизительно того же времени — начала апреля 1918 года, письмом М. А. Кузмину.

Дорогой Михаил Алексеевич,

второй раз захожу к Вам — так неудачно. Моя просьба, — такая же, как и прошлый раз, которую Вы не исполнили. Во вторник — опять Арзамас, «согласитесь и не обманите». Я обязательно найду к Вам еще раз, чтобы условиться.

Искренне любящий Вас
Георгий Иванов¹⁰

М. А. Кузмин посещал собрания второго Цеха поэтов и иногда на них председательствовал, его имя представлено и в «цеховом» альманахе «Тринадцать поэтов», и на воспроизведенной ниже афише «Арзамаса». Данное письмо — обращение одного из организаторов «Арзамаса» к мэтру, на участие которого в обществе сильно рассчитывали. В дневнике Кузмина под 7-м апреля 1918 года

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 6. Ед. хр. 3.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2155. Оп. 1. Ед. хр. 11. Машинопись на типографском бланке (типографским способом напечатаны слова «Цех поэтов», адрес и телефон). Подписи — автографы.

⁷ Живую картину приема Луначарским посетителей в Наркомпросе нарисовал К. Чуковский в своем дневнике (запись 18 февраля 1918 года), см.: Чуковский К. И. Дневник, 1901–1929. М., 1991. С. 89–90. Г. Иванов использовал этот сюжет в одном из очерков «Китайских теней»: Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1994. Т. 3. С. 288–298.

⁸ Согласно письму А. В. Луначарского В. Я. Брюсову, см.: Масловский В. И. Ивнев Рюрик // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 395. См. также: Морев Г. А. Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 139–140 (приводятся воспоминания члена второго Цеха поэтов И. Оксенова).

⁹ Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 130. В очерке «Анатолий Серебряный» под «перекинувшимся приятелем» легко распознается Рюрик Ивнев (Там же. С. 413).

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 2. Ед. хр. 215. Л. 3.

есть лаконичная запись, не поддающаяся однозначной интерпретации, но которая, может быть, связана с сюжетом очерка Г. Иванова в той части, где повествуется о книжной лавке на углу Невского и Караванной: «Да, утром был в лавке. Там ничего не привезли и такой мусор, что с неделю не вычистить».¹¹ О том, что «Арзамас» располагал собственным помещением, находим подтверждение в записи его дневника от 11 сентября того же года: «Зашел в „Арзамас“ — закрыто».¹²

Как представляется, Г. Иванов рисует в своем очерке довольно реалистическую картину первых пореволюционных месяцев, с почти полным отсутствием общественного порядка (пик винных бунтов пришелся на ноябрь–декабрь 1917 года), с попытками горожан заняться коммерцией, с ожиданием скорого падения большевиков в большинстве слоев общества, со слежкой, организованной ЧК в общественных местах, с одной стороны, беспечностью фрондирующих граждан — с другой. Конечно, ради занимательности Г. Иванов сгущает краски, когда пишет о том, что «Арзамас» «в замыслах основателей... рисовался нарядной кондитерской», — о серьезности этих замыслов свидетельствуют как издательские планы (см. вторую афишу «Арзамаса»), так и вышедший несколько раньше, в феврале, и только вскользь упомянутый в очерке «цеховой» альманах «Тринадцать поэтов» с именами Г. Адамовича, А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Зенкевича, Г. Иванова, Р. Ивнева, М. Кузмина, Вс. Курдюмова, М. Лозинского, О. Мандельштама, М. Струве, М. Цветаевой, В. Шилейко. Но, конечно, в то время необходима была и некоторая предприимчивость, чтобы найти средства на жизнь. В воспоминаниях Г. Адамовича о Мандельштаме есть параллельный эпизод, рассказанный совсем по другому поводу и с другой целью, но по месту и времени совпадающий с рассказом Г. Иванова о книжной лавке поэтов. Приведем из него только существенные для данного ракурса фрагменты.

¹¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 99 об.

¹² Информацию о деятельности общества (из вторых или третьих рук, откуда и неизбежные в таких случаях ошибки и искажения) дал живший в то время в Тифлисе Сергей Городецкий:

«Энергичную деятельность развивает литературное общество „Арзамас“, ядром которой послужил цех поэтов. В нем работают Александр Блок, Анна Ахматова, Н. Гумилев и мн. др. Общество выпускает еженедельную литературную газету и готовит к выходу журнал „Орион“» (*Городецкий С. Петроградский ад // Кавказское слово. 1918, 28 июля. С. 3.*)

«Было это в первый год после Октябрьской революции. Времена были трудные, голодные. У нескольких молодых литераторов явилась мысль о небольшой сделке — покупке и продаже каких-то книг, — которая могла оказаться довольно прибыльной: подробности я забыл, да они и не имеют значения, помню только, что требовалось разрешение Луначарского. А к Луначарскому у нас был доступ через одного из его секретарей, общего милейшего нашего приятеля, поэта Рюрика Ивнева <...> Оказалось, Луначарский разрешение дал, дело давно сделано, доход — какие-то гроши — поделен».¹³

***

Прервем на время связь с очерком Г. Иванова и перейдем к истории действительно прошедшего 13 мая 1918 года вечера «Арзамаса». История эта относительно хорошо документирована, и вначале приведем хронику в документах.

Из «Записной книжки» Блока,¹⁴ 7 апреля.

«Георгий Викторович Адамович предлагает издать „Двенадцать“ для начала нового издательства „Арзамас“ (типа Некрасовского¹⁵)».

8 апреля.

«(Предложение Адамовича. Издание статей)».

21 апреля.

«У Любы днем Георгий Иванов (зовет нас выступить на вечере и хочет издать „Двенадцать“»).

Из воспоминаний Г. В. Адамовича:

«Литературный вечер эфемерного общества „Арзамас“ в Тенишевском зале. 1919 год.¹⁶

Жена Блока, Любовь Дмитриевна Басаргина, должна читать „Двенадцать“. Кроме поэтов более или менее „своих“ решили пригласить Федора Сологуба.

¹³ *Адамович Г. В. Несколько слов о Мандельштаме // Осип Мандельштам и его время / Сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Крейд и Е. И. Нечепорук. М., 1995. С. 192–193.*

¹⁴ Здесь и ниже цитаты приводятся по изданию: *Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 398–406.*

¹⁵ Подразумевается издательство К. Ф. Некрасова (1914–1916).

¹⁶ 1919 год указан Г. Адамовичем ошибочно.

Принял он Георгия Иванова и меня очень вежливо и очень холодно. Не давая еще согласия, справился о программе вечера.

— Раз будет чтение „Двенадцати“, я участвовать не могу.

— Федор Кузьмич, что Вы! Вы читали „Двенадцать“?

(В то время нам казалось, что блоковская поэма — это вершина поэзии, и, кстати, тогда же Иванов-Разумник написал, что тот, кто не понимает, что „Двенадцать“ — такое же великое произведение, как „Медный всадник“, вообще ничего не понимает в поэзии¹⁷).

— Нет, не читал. И читать такую мерзость не намерен.

— Как? Правда, не читали?

— Нет, не читал. И вообще новейших мерзостей не читаю.

Настаивать было бессмысленно и бесцельно».¹⁸

Афиша «Арзамаса»:

ТЕНИШЕВСКИЙ ЗАЛ

(Моховая, 33)

Понедельник, 13 мая (30 апреля) 1918 г.

0-во АРЗАМАС

(первое собрание)

ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

участвуют:

Георгий Адамович, Анна Ахматова, Александр Блок, Георгий Иванов, Рюрик Ивнев, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст и др.

Л. Д. Басаргина-Блок

прочтет поэму А. Блока

«Двенадцать»

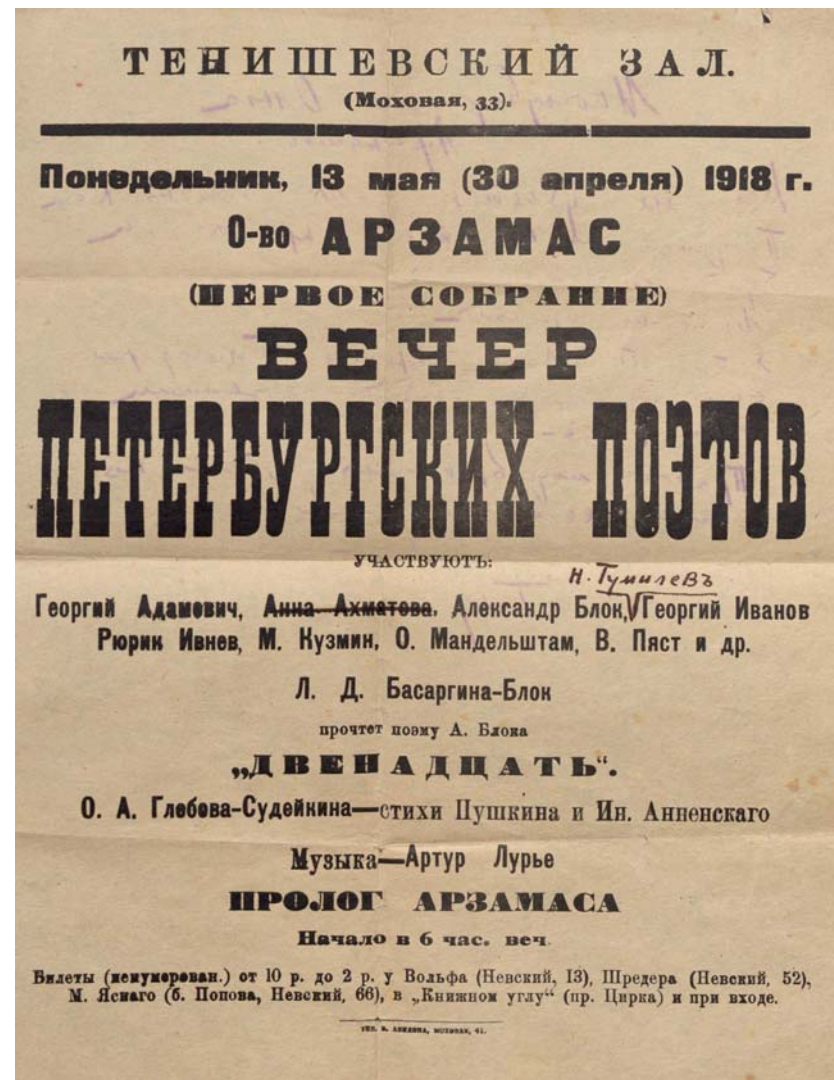
О. А. Глебова-Судейкина — стихи Пушкина и Ин. Анненского

Музыка — Артур Лурье

Пролог Арзамаса

Начало в 6 час. веч.

Билеты (ненумерован.) от 10 до 2 р. у Вольфа (Невский, 13), Шредера (Невский, 52), М. Яснаго (б. Попова, Невский, 66), в «Книжном углу» (пр<отив> Цирка) и при входе¹⁹

Илл. 2. Афиша вечера общества «Арзамас» 13 мая 1918 г.
ИРЛИ

¹⁷ Об этом Р. В. Иванов-Разумник писал в статье «Испытание в грозе и буре» (Наш путь. 1918. № 1).

¹⁸ Адамович Г. В. Собр. соч.: «Комментарии». СПб., 2000. С. 461–462.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 754 (П. Н. Лукницкий). Коллекция. Альб. XII. № 1.

Эта афиша, небольшого формата, предназначалась, по-видимому, для расклейки в трамваях (афиша большого формата, с подробной программой, была отпечатана несколько позже, с изменениями в составе участников, см. ниже).

Из газеты «Дело народа»:

ТОСКА ПО «СРЕТЕНЬЮ»

На улицах висят многообещающие афиши о вечере поэтов общества «Арзамас». Афиши по новой орфографии, с поэмой Блока «Двенадцать» и вообще с обещанием «сретений». В числе участвующих объявлен ряд поэтов, двое из которых уже заявили нам следующее:

«Прочитав свое имя среди участников вечера поэтов „Арзамас“, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила свое имя на программу не ставить

Анна Ахматова».

«В понедельник, 13 мая, общество „Арзамас“ объявило „Вечер с.-петербургских поэтов“, в числе участников которого значусь и я. Вынужден заявить, что согласия на помещение моего имени я не давал, и выступать на вечере с такою программой и с Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным

В. Пяст».

История повторяется: в свое время был объявлен вечер, где «русская интеллигенция» должна была продемонстрировать свою любовь к советской власти в лице г. Луначарского.

Увы, и тогда для большинства намеченных к «сретению» (Петрова-Водкина, Иванова-Разумника и др.) появление их фамилий в афишах оказалось сюрпризом.²⁰

Из «Записной книжки» Блока, 11 мая.

«Поразительное известие от Разумника Васильевича <Иванова-Разумника> (вчерашний номер „Дела народа“ — отказы Пяста и Ахматовой от меня. Сологуб тоже)».

В тексте афиши рукой Г. Адамовича вычеркнута фамилия Ахматовой и вставлено имя Н. Гумилева (по отсутствию в афише имени Гумилева можно судить о том, что ее тираж был отпечатан раньше, чем Гумилев появился в Петрограде). На обороте — записка Г. Адамовича О. А. Глебовой-Судейкиной об исполнении ею объявленного в афише «Пролога» «Арзамаса» и мемориальная запись П. Н. Лукницкого: «Подарено А. А. Ахматовой 7.I. 1926. А. А. в афише зачеркнута, п<отому> ч<то> отказалась выступить».

²⁰ Дело народа. 1918. 10 мая. С. 2. Без подписи. Автор заметки имеет в виду митинг «Интеллигенция и народ» 2 января 1918 года и заметку (вероятно, того же анонимного автора) «Очередное сретение» в газете «Дело народа» (1917. 31 дек. С. 2), в которой говорилось, что имена А. Блока, К. Петрова-Водкина и Р. Иванова-Разумника поставлены на афишу без их ведома.

12 мая.

«Письмо от Г. Адамовича и телефон его с Любой по поводу скандалов, окруживших вечер „Арзамаса“ из-за „Двенадцати“».

Письмо Г. В. Адамовича:

Многоуважаемый Александр Александрович.

Простите, что тревожу Вас таким делом, как участие в вечере. Любовь Дмитриевна передала нам Ваш отказ, и мы бы не думали еще раз беспокоить Вас. Но с той поры многое выяснилось.

Мне незачем повторять, — Вы, вероятно, сами знаете все, что сплелось вокруг Вас и «Двенадцати». Лично для меня это неожиданно и непонятно.

Но теперь, когда Арзамасский вечер почти гибнет от этого, нам надо все-таки думать о нем. Уже не только по общим соображениям, но и из-за всего, что говорилось и слушалось, мы просим Вас быть самому на вечере и читать стихи.

Это было бы очень дорого нам и «показательно», и очень мы надеемся, что, может быть, Вы измените первоначальное Ваше решение.

Мне очень стыдно, что это письмо надоедливое и «деловое» и что, обращаясь к Вам и говоря о «Двенадцати», мне сейчас, в этом письме, невозможно говорить, что для меня с «Двенадцатью» связано и как я «привязан» к ним.

Г. Адамович.²¹

Афиша «Арзамаса»:

О-во Арзамас
(первое собрание)
ВЕЧЕР
ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ
13 мая 1918 года

I

Пролог Арзамаса (соч. Георгия Адамовича) —
О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

В. ПЯСТ
АННА РАДЛОВА
РЮРИК ИВНЕВ

«Двенадцать», поэма А. Блока — Л. Д. БАСАРГИНА-БЛОК

²¹ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 6–6 об. Сверху помета Блока: Получено 12 V 1918.

II

Стихи Пушкина — О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

А. ЛУРЬЕ

Стихи Ин. Анненского — О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

III

А. БЛОК

О. МАНДЕЛЬШТАМ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

М. КУЗМИН

Н. ГУМИЛЕВ

Книгоиздательство АРЗАМАС

Ближайшие издания

Платон. Пир. Пер. Сергея Радлова. Ла-Брюйер. О сердце. Фрагмент. Омар Кайям. 99 рубайят. Пер. Ильи Средника. «Старые арзамасцы». Сборник. Кн. П. А. Вяземский. Избранные стихи. Георгий Адамович. Венера. Стихи. Георгий Иванов. Розан. Стихи. О. Мандельштам. Статьи.²²

Из «Записной книжки» Блока, 13 мая.

«Вечер „Арзамаса“ в Тенишевском училище. Люба читает „Двенадцать“. Отказались Пяст, Ахматова и Сологуб. <...> я таки пошел на вечер и читал (с успехом). Люба, говорят, читала хорошо».

Из отчета в газете «Петроградский голос»:

ВЕЧЕР ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

Курьезно читать программу и афиши, напечатанные зачем-то по новому правописанию, без ятей, ериков, без десятиричных i; забавно слушать, как один за другим выступали косноязычные, шепелявившие, многоглаголивые стихотворцы «приготовительного класса» — гг. Адамович, Георгий Иванов, Майзель <с>, Рождественский и другие, имена же их Ты, Господи, веси... Бесплодно было догадываться, зачем эти господа присвоили себе славное имя «Арзамаса» Александровской эпохи, блиставшего именами Пушкина, Жуковского и т. д.

Но довольно одного луча солнца, чтобы скрасить и оживить самый грустный ландшафт. Когда художественно, с большим настроением и подъемом, г-жа Басаргина-Блок прочитала потрясающую лирическую поэму Блока «Двенадцать», мы давно не слышали таких рукоплесканий, какие раздались после чтения г-жи Басаргиной.

Появление на эстраде самого г. Блока было настоящим триумфом. Он прочел пять стихотворений, и каждое из них вызывало бурные восторги. Но как переменился поэт: это уже не прежний мечтательный рыцарь Прекрасной Дамы, не бодрый некогда певец России, теперь — это пораженный в самое сердце провидец в грядущем дней новых «мятежей и войн», разочарованный, мрачно настроенный поэт-пессимист. После Блока не хотелось уже ничего слушать, и публика стала энергично расходиться.²³

Из воспоминаний:

«Помню, как однажды Коля, такой бодрый и веселый, пришел к мужу в кабинет и пригласил нас в Тенишевское училище на литературное утро. Выступали там — Коля, А. А. Блок, жена Блока — Любовь Дмитриевна и молодые поэты. Зал был переполнен. Любовь Дмитриевна в первый раз публично прочла „Двенадцать“. Когда она продекламировала последние слова поэмы „В белом венчике из роз, впереди — Иисус Христос“ — в зале поднялся сильный шум. Одни громко аплодировали, другие шикали, свистели, громко кашляли. Творилось что-то ужасное! Зал еще бушевал, когда мы увидели с мужем, что на эстраду не спеша поднимается наш Коля. Мне было за него как-то не по себе. Мы сильно за него волновались. Коля поднялся на эстраду и стал. Он стоял спокойно, выдержанно. Ждал пока публика перестанет бушевать. Мало-помалу шум улегся. Коля подождал еще некоторое время. И тогда, когда все успокоилось, он стал читать свои „Персидские газеллы“. После него выступил А. Блок. Только на следующий день Коля нам рассказал, что А. Блок отказался сейчас же после поэмы „Двенадцать“ выйти на эстраду. Тогда Коля решил его выручить и вышел раньше времени, не по программе».²⁴

²³ Петрогр. голос. 1918. 15 мая. С. 4.

²⁴ Гумилева А. А. Николай Степанович Гумилев // Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 76. Анна Андреевна Гумилева (Фрейнганг) — жена Дмитрия Степановича Гумилева, родного брата Н. С. Гумилева. Воспоминания о вечере «Арзамаса» Л. Страховского в основном совпадают с ее рассказом (приведены в примечаниях к указанному изданию). Подцензурные (и тенденциозные) воспоминания Вс. Рождественского см. в его книге «Страницы жизни» (М., 1974. С. 196–199).

²² РГАЛИ. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 190. Воспроизведена в кн.: Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. Между с. 128 и 129. (Библиотека поэта. Большая серия). Книгоиздательство «Арзамас» свою деятельность развернуть не смогло, и ни одна из анонсированных книг не вышла.

Получившаяся картина прояснится, если представить ее на фоне предыстории прошедших шести послеоктябрьских месяцев. Деятели искусства и литературы в основном солидарно ответили на Октябрьский переворот. И здесь на первый план попадает Ф. К. Сологуб, активно выступавший как публицист, называвший большевиков «искусными шарлатанами», не стеснявшийся обсуждать имена Ленина и Троцкого,²⁵ и писательские организации, в которых он вел активную работу, — Союз деятелей искусств (СДИ), Союз русских писателей (СРП), Союз деятелей художественной литературы (СДХЛ),²⁶ а также З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, в деятельности которых для нас существенно выделить активное участие в работе политического Красного Креста, возобновленного 2 декабря 1917 года и взявшего на себя помощь содержавшимся в Петропавловской крепости членам свергнутого Временного правительства.²⁷

Ф. Сологуб вместе со своей женой, Ан. Н. Чеботаревской, после Февраля принял активное участие в организации профессионального Союза писателей вместе с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус.²⁸ 27 ноября 1917 года СРП, протестуя против закрытия газет и ареста общественного деятеля — графини В. Паниной, провел антибольшевистский митинг «в защиту свободного слова» и выпустил «Газету-протест». 3 марта 1918 года на общем собрании этого союза в повестку был поставлен доклад А. М. Редько «„Разум и совесть народа“ или социальные грабители?» (согласно

повестке, на том же собрании должно было состояться избрание в СРП большинства членов второго Цеха поэтов — Г. Адамовича, Г. Иванова, М. Зенкевича, В. Курдюмова, М. Лозинского, О. Мандельштама, И. Оксенова, М. Струве.²⁹ 31 марта Союз русских писателей устроил в Тенишевском зале беседу «Трагедия русской интеллигенции» с докладом того же А. М. Редько. Роль Ф. Сологуба в работе СРП послеоктябрьского времени не выяснена, но в работе СДИ он принимал, возглавляя его «литературную курию» (т. е. секцию), активнейшее участие. В ноябре 1917 года СДИ отверг несколько предложений А. В. Луначарского о сотрудничестве с Наркомпросом³⁰ и в дальнейшем выдерживал ту же линию. Декрет, принятый СНК по предложению Луначарского 12 апреля 1918 года, которым Академия художеств упраздняясь как государственное учреждение, был, по-видимому, ответной мерой. В общем же настроение людей искусства в первые месяцы 1918 года отражено в уже цитированной корреспонденции Вл. Пруссак:

«Почти единодушно, за немногими исключениями (из них отметим статьи А. Блока в казенном петроградском „Знамени труда“), писатели и поэты отказались участвовать в большевистских изданиях. Соглашающихся возили для очистки от буржуиности в Кронштадт на матросские вечера и потом признавали невиновными в „саботаже“ и „соглашательстве“. Первым совершил эту поездку маститый Ясинский, которого уже никак нельзя было заподозрить в пристрастиях к крайним течениям в политике».³¹

21 января 1918 года в Тенишевском зале был устроен благотворительный концерт в пользу политических заключенных³² «О России», с которого начинается линия пересечения нашей истории с А. Блоком. Незадолго до него З. Гиппиус обратилась к Ф. Сологубу с письмом:

²⁹ Повестка находится в семейном архиве М. Л. Лозинского.

³⁰ См.: Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 209–210.

³¹ Письмо из Петербурга // *Arg.* Тифлис, 1918. № 1. С. 75.

³² Это обстоятельство отмечено в газетном отчете: О. Б. Утро о России // *Веч. звезда*. 1918. 23 янв. С. 3 и в записи дневника З. Гиппиус 22 января. Из упоминавшихся в истории «Арзамаса» лиц в утреннике участвовали Ф. Сологуб, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ахматова, А. Лурье, М. Кузмин.

²⁵ См.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год*. СПб. 1999. С. 274 (примеч. 2), также с. 273, 276–279.

²⁶ Ф. Сологуб был председателем совета этой новой писательской организации, образованной в марте 1918 года «по инициативе членов литературной курии Союза деятелей искусств» (*Муромский В. П.* Союз деятелей художественной литературы // *Рус. литература*. 1995. № 2. С. 184, 190). СДХЛ провел «утренник» «О России» 7 мая 1918 года. Как видно из сказанного, в эти месяцы действовали три писательские организации, и не вполне ясны отношения между ними; не исключено, что их существование вынуждалось определенной тактикой борьбы против большевиков, так как очевидна тождественность их политической позиции в это время.

²⁷ См. публикацию: *Гиппиус З. Н.* Петербургский дневник // *Память: Ист. сб. М., 1979 — Париж, 1981*. Вып. 4. С. 355 и дальнейшие; полный текст дневников: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подг. текста М. М. Павловой. Вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой и Д. И. Зубарева // *Звенья: Ист. альм. М.; СПб.* Вып. 2. 1992.

²⁸ Речь. 1917. 22 марта. С. 3 (среди учредителей был и Н. С. Гумилев).

29–12- <19> 17 СПб

<...> Просьба же в том, чтобы вы помогли трудному и очень сейчас нужному делу политического Красного Креста, это, как вы знаете, старое, еще нелегальное, учреждение помощи политическим узникам; теперь оно, слава Богу, возродилось; и делает самое необходимое. Вот для этого Креста и приходится добывать средства, в крепость надо ежедневно посылать около 100 обедов, не только для узников, которых отказывались кормить, но и для команды, чтобы ихнего не съела. Мы хотим просить вас, не откажитесь нам помочь участием в вечере в пользу Креста. Барышни объяснят вам <...> что для удобства этот «вечер» мы постараемся сделать днем, и все прочее. <...>³³

Блок, обуреваемый антибуржуазными, антиинтеллигентскими и антиклерикальными настроениями, в январе начал сотрудничество с большевиками, резко и определенно противопоставив этим выступлениям свои.³⁴ Первым был ответ на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками» в «Новом вечернем часе» 18 января, а на следующий день в «Знамени труда» появилась статья «Интеллигенция и революция». Реакция на эти выступления последовала на благотворительном концерте 21 января и зафиксирована в записной книжке Блока 22 января: «Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем „утре России“ в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: „изменники“. Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья³⁵ „искренняя, но «нельзя» простить“»; 26 января в его записи фигурирует и Ф. Сологуб: «Впечатление от моей статьи („Интеллигенция и революция“): Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот. Сологуб (!) упоминал в своей речи, что А. А. Блок, которого „мы любили“, печатает свой фельетон <...> в тот день, когда громят Александро-Невскую лавру».³⁶ Среди литераторов, выступивших с ответом на статью Блока, была и Ан.

³³ «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус. С. 140 (примеч. 66).

³⁴ Разочарование не заставило ждать долго. 6 июля 1919 года Блок записал: «...Я не умею заставить себя вслушаться, когда чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства, и когда живешь со сцепленными зубами. Было бы кощунственно и лживо припоминать звуки в беззвучном пространстве» (Чукоккала / Рукопис. альм. Корнея Чуковского. М., 1999. С. 136). Эта запись Блока, тщательно скрывавшаяся, стала известна только по выходе указанного издания.

³⁵ «Интеллигенция и революция» в «Знамени труда».

³⁶ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 321.

Н. Чеботаревская (Новый вечерний час, 29 января). Публикация «Двенадцати» 3 марта (в «Знамени труда») только обострила ситуацию, но из сказанного видно, что реакция Сологуба на приглашение, переданная в мемуаре Г. Адамовича, была предопределена. В. Пяст выразил свое отношение к «Двенадцати» и их автору (известное и по другим материалам) достаточно красноречиво в приведенном выше письме. Помещенное вместе с ним письмо Ахматовой, напротив, осторожно и тактично, но ее позиция была не менее твердой, чем у Пяста. Она не случайно была постоянным участником вечеров, устраиваемых Сологубом;³⁷ достаточно красноречивы ее стихи ближайших лет; она и в последующие годы не сделала ни шагу навстречу новой власти. Ее выступление с письмом в газету запомнилось: это оно подразумевается у Ирины Грэм, чьи фактические сообщения основываются, конечно, на рассказах Артура Лурье: «<Ахматова> демонстративно не пошла на чтение этой великой поэмы».³⁸ Поименованный в афише М. Кузмин, судя по отсутствию его имени в отчетах о вечере и соответствующей записи в его дневнике, от участия в вечере «Арзамаса» уклонился — несомненно, из нежелания быть вовлеченным в конфликт. На не столь давнем благотворительном концерте 21 января 1918 года он выступал, отметив в тот же день в дневнике: «Да, сегодня прошли в концерт, что устраивали Мережковские, там Лурье и Сологубы, Ахматова». Уверенно можно судить и о том, что не была на вечере и Анна Радлова, входившая в круг М. Кузмина: в своих воспоминаниях о Блоке она не упоминает вечер «Арзамаса».³⁹ По-видимому, не был на нем и О. Мандельштам, имя которого, уже достаточно заметного к тому времени поэта, не упоминается ни в отчетах, ни в воспоминаниях современников об этом вечере. О его политических настроениях в эти месяцы можно составить определенное

³⁷ 7 и 21 января, 7 мая 1918 года (в последнем участие Ахматовой было анонсировано, но сведений о том, что оно состоялось, в газетных отчетах мы не нашли). Об отношениях Ахматовой и Сологуба см. также: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 54–58.

³⁸ *Кралин М. М.* Артур и Анна. Л., 1990. С. 36. Там же Ирина Грэм пишет, и конечно, также основываясь на рассказах А. Лурье, о том, что статья Блока «Интеллигенция и революция» Ахматову «возмутила» — что естественно вписывается в контекст излагаемой нами истории.

³⁹ *Радлова Анна.* О Блоке / Публ. А. В. Лаврова // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 356–357.

представление по публикациям: 15 ноября 1917 года он напечатал в «Воле народа» антибольшевистское стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...»,⁴⁰ а в газете «Страна», постоянными сотрудниками которой были З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, поместил (7 и 21 апреля) два политически значительных стихотворения. Одно из них было посвящено министру исповеданий Временного правительства А. В. Карташеву («Среди священников левитом молодым...»), второе («Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...») тематически связано с избранием патриарха всероссийского Тихона. 7 мая, за неделю до вечера «Арзамаса», он принял участие в уже упоминавшемся утреннике «О России» (совпадающем по названию и составу участников с утренником 21 января). Мы уже упоминали о наступательной антибольшевистской направленности двух этих утренников, показательно и то, что 7 мая Ф. Сологуб читал на нем «Заповедное слово русскому народу» А. Ремизова.⁴¹ Хроника жизни Мандельштама образует после 7 мая лагуну в три недели. По пометам на двух его стихотворениях известно, что какое-то время в мае он был в Москве, так что не исключено и то, что 13 мая его не было в Петрограде. 1 июня он находился в Москве, поступил на работу в Наркомпрос⁴² и начал печататься в проправительственной газете «Знамя труда», но в первом же стихотворении, там напечатанном — «Гимне» («Прославим, братья, сумерки свободы...») он призывает «прославить роковое бремя Которое в слезах народный вождь берет», подразумевая под «народным вождем» патриарха Тихона.⁴³

Н. С. Гумилев только в конце апреля вернулся в Россию из Лондона⁴⁴ и, таким образом, участвовать в составлении планов «Арзамаса» не мог — он был одним из приглашенных на вечер. В связи

с его именем следует отметить два обстоятельства. Первое — в «Арзамас» он не влился, а возобновил вместе с М. Л. Лозинским деятельность издательства «Гиперборей», второе — от участия в вечере с чтением «Двенадцати» не отказался.⁴⁵

Вернемся к организаторам общества, Г. Адамовичу и Г. Иванову, и попытаемся определить мотивы, которые ими двигали. Основание «Арзамаса», который должен был заменить изживший себя второй Цех поэтов, определялось литературной тактикой, и момент представлялся удобным. Гумилева, естественного вождя школы, не было в Петрограде, и вряд ли в начале апреля имелись известия о скором его возвращении. Представлялось возможным составить альянс с Блоком, который в это время из-за «Двенадцати» был в относительной изоляции от литературного сообщества. Тем более, что, как однажды обмолвился Г. Адамович, в искренности которого не приходится сомневаться, «мы, с акмеизмом и цехом в багаже, мы все-таки чувствовали, что не Гумилев — наш учитель и вожатый, а он <Блок>».⁴⁶

Однако Г. Иванов и Г. Адамович вели речь, как видно из приведенных записей Блока, не только о чтении на вечере, но и об издании политически острой продукции — «Двенадцати» и статей Блока (с акцентом, по-видимому, на статьях, печатавшихся в «Знамени труда») и не могли не отдавать себе отчета в том, что это шаг политически значимый.

В 1922 году Георгий Иванов эмигрировал, а в эмиграции занимал последовательно антибольшевистскую позицию, впоследствии крайнюю, сходную с позицией с З. Гиппиус и Д. Мережковского.⁴⁷ Но в тех эмигрантских изданиях — парижских «Днях», «Звене»,

⁴⁵ Разбору «Двенадцати» Гумилев посвятил лекцию 5 июля 1919 г., см.: Чуковский К. И. Дневник, 1901–1929. С. 113. Оценку Гумилевым «Двенадцати» передала в своих мемуарах И. Одоевцева (Избранное. М., 1998. С. 386–387). Анализ отношений Гумилева и Блока выходит за пределы нашего комментария, так же как и сопоставительный анализ тех высказываний о «Двенадцати» Г. Адамовича и Г. Иванова, которые содержатся в их работах эмигрантской поры, см.: Иванов Г. В. Почтовый ящик; Петербургские зимы // Собр. соч. Т. 3. С. 500, 163; Адамович Г. В. Поэзия в эмиграции // Собр. соч.: «Комментарии». СПб., 2000. С. 208.

⁴⁶ Адамович Г. В. Поэзия в эмиграции // Собр. соч.: «Комментарии». С. 208.

⁴⁷ Даже накануне Второй мировой войны он, вместе с З. Гиппиус и Д. Мережковским, стоял «за интервенцию», см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О. А. Коростелева // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 393–396.

⁴⁰ На следствии 1934 года поэт дал откровенные показания: «Октябрьский переворот <в то время> воспринимаю резко отрицательно. На Советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит выражение в моем опубликованном в „Воле народа“ стихотворении „Керенский“» (Огонек. 1991. № 1. С. 18).

⁴¹ «Утро о России» // Петрогр. голос. 1918. 9 мая. С. 3.

⁴² Нерлер П. М. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопр. лит. 1989. № 9. С. 276.

⁴³ См. в наст. изд., с. 133–139.

⁴⁴ Степанов Е. Хроника // Гумилев Н. С. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 405. Отметим одну неточность: первая публикация Гумилева после возвращения была не в «Воле народа» 19 мая (с. 406), а в газете «Жизнь» (Москва), 4 мая (стихотворение «Много есть людей, что полюбив...»).

«Последних новостей», в которых он печатал с 1924 года свои очерки, иное было и невозможным. Очерки эти в эмиграции оказались востребованными. Нуждаясь в сюжетах, он использовал в 1926 году и сюжет с «Арзамасом», однако подлинную историю вечера «Арзамаса», когда он и Г. Адамович в обстановке политического противостояния открыто солидаризовались с Блоком и его «Двенадцатью», он не мог рассказать. Любопытно, что уже через месяц после вечера в печати появились вторящие очерку Г. Иванова (и исходящие, как очевидно, от организаторов вечера) мистификаторские сведения о том, что на вечерах «Арзамаса» «имена участников не объявлялись в афишах».⁴⁸

Из приведенных документов с полной определенностью явствует, что рассказ Г. Иванова о якобы имевших место двух вечерах «Арзамаса» вымышлен. Он сочинил забавную историю о незадачливом, но колоритном «инженере С.», оставив себе второстепенную роль иронического наблюдателя. Для придания достоверности был использован антураж и имена действующих лиц других литературных вечеров, популярных в 1910-е годы. Таковы камерная

⁴⁸ Приводим текст заметки полностью:

НОВОЕ ОБЩЕСТВО

Группой поэтов, близких к журналу «Аполлон» и Второму «цеху поэтов», основано в Петербурге новое общество — Арзамас.

Пушкинские и «Петербургские» традиции нового общества несомненны и название его не случайно, но новое общество отнюдь не стремится к какой-либо поэтической «реставрации», эстетическим вздохам о старине и пр. — мы не могильщики и не эстеты, так говорит «пролог Арзамаса», читанный на его вечерах.

Конкретно, новое о-во объединяет поэтов, чуждых детскому футуризму, но ненавидящих окаменелость «хорошего вкуса», не боящихся быть смелыми, когда эта смелость действительно художественно необходима.

О-во устроило уже два вечера, где читали Блок, Гумилев, Кузмин, Георгий Адамович, Георгий Иванов, танцевала Судейкина, пела Зоя Лодий. По скромности (надменности, может быть!) организаторов, имена участников не объявлялись в афишах — что составило приятный сюрприз пришедшим на вечер, но несомненно лишило многих удовольствия послушать отличные стихи и пение — поглядеть на очаровательные танцы.

О третьем вечере, надо надеяться, публика будет оповещена более внимательно и широко.

Это пока единственный упрек, который можно сделать молодому о-ву, все начинания которого кажутся нам симпатичными и живыми.

Вскоре «Арзамас» открывает книжную лавку и при ней книгоиздательство молодых поэтов.

(Молва. 1918. 25 июня. С. 4. Без подписи.)

певица Зоя Петровна Лодий (1886–1957), композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953), балерина Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978), участие которой анонсировалось на афише недавно прошедшего «Вечера петербургских поэтов» в «Привале комедиантов» 26 января 1918 года. Но композитор А. К. Глазунов, кажется, в подобных вечерах участия не принимал. Жанр, который у Г. Иванова обозначен фигурой «дамы-босоножки», представлен, например, на афише «вечеринки», устроенной Союзом деятелей искусств 13 апреля 1918 года: «будут читать, петь, танцевать» (перечислены имена участников).⁴⁹ Прототипом «дамы-мелодекламаторши» послужила не обязательно поименованная на афише О. А. Глебова-Судейкина — в вечерах 1910-х годов выступали с декламацией и другие актрисы, в том числе первая жена Георгия Иванова Габриэль Тернизыен. «Поэты Сысоев и Волков» — сборный образ череды второстепенных поэтов, принимавших участие в вечерах, хотя «Волков» имел и земную оболочку, — стихи Петра Николаевича Волкова (1894–1979), впоследствии входившего в группу «Островитяне»,⁵⁰ были напечатаны в одном из альманахов Цеха поэтов.⁵¹ Собирабельным образом является и «скрипач Саша Зальц».

Прототипом центрального персонажа, «инженера С.», был, по догадке Р. Д. Тименчика, Илья Средник. Сведений о нем за пределами очерка удалось собрать совсем немного. В воспоминаниях И. Оксенова его фамилия названа при перечислении тех членов второго Цеха поэтов, на квартире которых проводились собрания в 1916/1917 году;⁵² он поименован в уже упоминавшейся повестке на общее собрание Союза русских писателей 3 марта 1918 года в «списке лиц, предложенных к баллотировке в члены общества» вместе с группой членов второго Цеха поэтов. Самое информативное — на афише «Арзамаса», где он фигурирует как переводчик Ж. де Лабрюйера и Омара Хайяма.

В части, повествующей о книжной лавке, также есть вольные украшения. Таков красочный эпизод с разговором Б. К. Проина и некоего «Дидерихса» о рояле, поскольку фирма «Братья

⁴⁹ Новые ведомости. 1918, 13 апр. (веч. вып.). С. 8.

⁵⁰ См.: Вагинов К. К. Петербургские ночи / Подг. текста, послесл. и коммент. А. Л. Дмитренко. СПб., 2002. С. 101–103.

⁵¹ Волков Петр. Первое отступление: Из симфонии // Альманах Цеха поэтов. Пг., 1921. Кн. 2. С. 43.

⁵² Письма Н. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 370.

Дидерихс» прекратила существование еще в 1914 году. Сюжет мог родиться из характерной детали — в афиши музыкальных вечеров вводилось название инструмента исполнителя — «рояль фабрики братьев Дидерихс». ⁵³ Подозрительны на художественный вымысел нелегально проживавший в подвале полковник и якобы висевший на стене портрет Мандельштама работы Зельмановой. ⁵⁴ Но, как мы уже говорили, в целом история с книжной лавкой, послужившая рамкой очерка, производит впечатление подлинной, и из нее мы узнаём о еще одном месте встреч петербургских поэтов, в том числе Н. С. Гумилева, М. А. Кузмина и О. Э. Мандельштама.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ «АРЗАМАС»

На углу Невского и Караванной — против Вейса и под Тоннетом — подвал. Прежде был винный склад. В дни «великого октября» здесь толпилась орава ошалевших солдат, трещали выстрелы, шли драки из-за очереди — кому раньше исполнять революционный долг — уничтожать спиртное. Кого-то убили, кто-то утонул в бочке, и даже — вот уж неудачник — в бочке не с вином, а с оливковым маслом... Потом подвал заколотили. Еще позже — в 1918 году — стали снова отколачивать: Домовой Комитет сдал его в аренду «литературно-художественному» обществу «Арзамас».

Собственно, основываясь, «Арзамас» не думал быть ни «Арзамасом», ни «литературно-художественным». В замыслах основателей он рисовался нарядной кондитерской. Уже и название было придумано — «Quelques douceurs»,¹ но человек предполагает²...

***

В 1918 году, как известно, все принялись торговать. Вчера все открывали комиссионные магазины — торговля шла плохо, завтра перелицовывали их в ти-румы,³ что, прибавляя хлопот, не прибавляло доходов. Но все равно — что же было делать, как не торговать. И все торговали...

¹ «Немного нежности» (франц., с игрой на втором значении слова *douceurs* — сласти).

² В тексте газеты: располагает (исправлено по смыслу).

³ Чайные (от англ. *tea room*).

⁵³ См. повестку на 7 марта 1914 года: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Указ. соч. С. 228.

⁵⁴ Этот ныне утраченный портрет был выполнен Анной Михайловной Зельмановой в 1914 г. и сохранился в фотокопии, см. его в книге: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. Т. 3 (на вкладке). Фотокопия не дает никаких оснований для характеристики «весь в рыже-красную клетку», которую дал портрету Г. Иванов..

В ти-румах за вынужденным файв-о-клоком щебетали дамы. Гвардейцы, плохо перереяженные «ситуаенами»,⁴ громко шептались о способе занять телефон и Смольный. Солидный банкир, засучив рукава, варил шоколад, стараясь подмешать драгоценного сахарного песку ровно столько, чтобы отбить назойливый вкус сахарина. Кельнерши в позапрошлогдних простенько-дорогих платицах бойко подскакивали к посетителю: «Что прикажете?» Было вроде любительского спектакля. Все играли в торговлю, в варку шоколада, в заговоры и перевороты — тут же на виду у большевистских сыщиков — чуть ли не единственных «серьезных клиентов» этих чайных домов.

Те — ходили, пили кофе — «настоящий мокка» из желудей, кушали «мамуровую» пастилу,⁵ бросали на стол трехрублевку: «сдачи не надо!».

Великосветская кельнерша, залившись краской, благодарила. Великосветская хозяйка «заведения» любезно кивала хорошему клиенту.

— Приходите завтра, господин Индюков, — у нас будет шоколадный торт...

И улыбалась, глядя ему вслед: еще несколько таких, и дело пойдет. Заговорщики совещались — не посвятить ли этого Индюкова в заговор. Малый, кажется, порядочный — большевиков ненавидит, — слышали, как он их честил? В то же время из простых — очень бы пригодился... для связи.

«Арзамас», по первоначальному замыслу, должен был увеличить на единицу число таких кафэ.

Но затеяли его поздно. К этому времени большевики очень уж стали притеснять всякую «частную торговлю». На один эклер накладывалась стоимость двух налогу. Слишком часты стали поиски оружия. Тем более что за отсутствием оружия — забиралась касса, по тем, вероятно, соображениям, что капитал и есть злейшее оружие для угнетения пролетариата. Тут основателям и пришла мысль объединиться с поэтами, желавшими открыть книжную лавку.

Поэты и «аристократы», как мы называли наших компаньонов, — встретились для переговоров за чаем у какой-то пятидесятилетней княжны. Все уладилось. Поэтам, не имевшим помещения для лавки, — оно предоставлялось. Предоставлялись и обеды двум дежурным по лавке. Посетители кафэ — получают скидку на книги (пункт вполне академический), а покупатели книг — скидку в кафэ. На обязанности поэтов лежат сношения с властями и охрана подвала на Караванной, включая пуд сахару и нелегально проживавшего в задней комнате полковника, всем престижем российской словесности...

⁴ Гражданами (от франц. le citoyen).

⁵ Вероятно, пастила из морошки, от диалектного «мамура», см. словарь Даля.

Словом, за чаем у престарелой княжны ударили по рукам: несколько стульев, две сотни книг и портрет Мандельштама работы Зельмановой (крайне пестрое полотно, всё в рыже-красных клетках) — были перевезены в угловую комнату подвала, и литературно-художественно-кондитерская деятельность «Арзамаса» — началась.

***

Душой «Арзамаса» — поэтического — был С. О нем с уважением говорили «американец», предполагая доллары и кипучую энергию. Долларов, кажется, не было, но энергии хоть отбавляй.

С. — инженер, в самом деле приехал из Чикаго в 1917 году «организовывать промышленность». Когда в 1918 г. оказалось, что организовывать нелегко, — деятельная натура С. устремилась... на поэзию. Как это случилось, почему именно стихи привлекли нашего «американца» — Бог знает. «Нежным даром пенья»⁶ — он ни в какой степени не обладал. Но, полагаясь на свои инженерно-американские качества — натиск и организацию, — С. «бодро взялся за дело» и побил рекорды своего рода: через два месяца «работы» он был уже автором пяти томов октав, сонетов, секстин, рондо и т. п., «приготовленных к печати». Двумя томами С. особенно гордился. Они, по его выражению, были «выверены, как часы», т. е. каждое стихотворение не только «выстрадано» автором, но и «простукано» — пальцами по письменному столу, — на предмет точности размера. На ухо свое С. не полагался — и справедливо: ямб от хорея кое-как отличал, но на амфибрахии уже сбивался.

Стихи С. были очень плохи. Он сам — чрезвычайно мил, — один из тех людей, к которым невозможно относиться холодно, неприязненно. Всё в нем располагало — простодушная улыбка, детский жар, курчавая «негритянская» голова. Все мы его любили, что не мешало, понятно, издеваться над стихами, «выверенными, как часы». С. огорчался, но и утешался тут же — «ничего. Эти плохи, другие будут лучше...».

— Главное — настойчивость, правда, С.?

— А что? По-вашему, нет? Если бы Достоевский жил у нас в Америке, он написал бы в пять раз больше... и был бы миллионером...

***

«Арзамас» решил устраивать открытые вечера.

Афиши большинства таких вечеров, как известно, бывают «с секретом». Они украшены разными громкими именами, но истинное содержание вечера заключается между строк, точнее — в трех буквах: «и др.».

⁶ Перефразирован стих Пушкина «Имел он песен дивный дар» («Цыганы»).

...Когда-то давно Мандельштам, перечитывая список сотрудников нового толстого журнала, список, в который мы оба по молодости лет не попали, — радостно хихикнул:

- А вот и мы с тобой.
- Где же мы? Нас не поместили.
- Как! А это: «и др.»

Знаменитости, объявленные в афишах, редко приезжали — таков уж был обычай. И в самом деле — всевозможные вечера устраивались очень часто, за выступления редко платили — больше поили чаем с птифурами⁷ и благодарили «от души». Какая же охота была «ездить».

Идея вечеров «Арзамаса» принадлежала С. На его же долю выпало и большинство хлопот — афиши, зал, объявления, приглашения... С. носился по городу, заказывал, торговался, добивался свиданий, уговаривал... Наконец, настало знаменательное число первого вечера. Афиша выглядела импозантно: С. превзошел себя в энергии. Целый ряд имен красовались его стараниями на этой афише. Новичок в деле — он не верил нашим предостережениям.

- Хоть половина приедет.
- А если никого?
- Глупости! За треть я, во всяком случае, ручаюсь.

Афиша подействовала. К 8 ½ часам начинает прибывать публика. К 9 — Тенишевский зал полон. 9... 9 ¼... 9 ½...

Взволнованный немножко, С. не теряет надежды.

— Сейчас начнут съезжаться... Какой номер телефона Блока?..

— ...Александр Александрович... на одну минутку... Публика вас требует... Слышите, весь зал кричит — Блок, Блок. Не слышите? Это значит — аппарат испорчен. Мы пришлем за вами автомобиль. Прочтите две-три вещицы, и в той же машине мы доставим вас домой, а?

— ...Не можете, больны. С. заискивающе улыбается в телефонную трубку. — Ну а все-таки? У нас, между прочим, удивительные печения — Эйнем⁸ и настоящая марсала.⁹ Ждут вас. А?

Это Блока, только что издавшего «Двенадцать», «испепеленного» Блока 1918 года, пытается соблазнить Эйнемом наш милый С.

— Может быть, все-таки надумаете?

Блок «не надумал». Тяжело вздохнув, С. вешает трубку без четверти десять. Публика неистово хлопает и стучит. С. судорожно перелистывает «книгу абонентов». Сологуб. Вот... Феодор Кузьмич? Это я, С. из «Арзамаса». Феодор Кузьмич, не подведите...

⁷ Печенье (от франц. petits fours).

⁸ По названию фирмы, выпускавшей кондитерские изделия.

⁹ Красное десертное вино, изготовляемое в Сицилии.

Но и Феодор Кузьмич «подвел». Еще несколько звонков, спешных, отчаянных, — те же результаты... С. красен, пот течет по его лбу. Он огорчен — но не обескуражен. «Улю-лю... о... о... о...» несетя из зала в артистическую.

— Скажите, что сейчас начинаем, — бросает С. и, выпрямившись, как полководец перед остатками армии, озирает «наличные силы».

Их немного. Несколько «своих» поэтов, захудалый скрипач, дама-мелодекламаторша армянских и грузинских стихов, дама-босоножка. Это все...

Решительно С. выходит на эстраду и делает властный жест. Шум утихает...

— Господа, успокойтесь. Сейчас вечер начнется. К сожалению, некоторые исполнители... Блок... Глазунов... Сологуб... Карсавина... не могут приехать. — В зале движение, вызывающее новый жест С.

— Не могут приехать. Но зато, — он подыскивает выражение, — зато... с нами будут поэты Сысоев и Волков и скрипач Саша Зальц...

...Ничего, сошло. Саша Зальц играл без конца, босоножка трижды бисировала какую-то «пляску вакханки» — и даже С. наградили дружными хлопками, не знаю уж, за сонеты или за добродушную улыбку и негритянскую шевелюру. И «поэты Сысоев и Волков» вместе с армянской мелодекламаторшей распили марсалу, предназначавшуюся Карсавиной и Блоку...

***

Сошло, но С. был потрясен. — Так нельзя, так нельзя, — качал он лохматой головой.

«Да почти всегда так бывает» — утешали его. «У нас так не должно быть — надо устраивать по-другому»...

И к следующему концерту С. придумал реформу. «Никаких имен участников. На афише просто: «стихи, музыка, танец, песня». Имен не объявим, но дадим публике больше, чем она ожидает. Это будет лучшая реклама, вот увидите...»

...Недели за три до вечера — все заборы и перекрестки Петербурга — желтели, чернели, зеленели, лиловели — словами «Арзамас... стихи, песня...». На рекламу была истрачена вся скромная наличность нашей кассы, и еще оставался долг. — Все окупится, — торжествовал С., — Блок приедет, Зоя Лодий дала честное слово...

...Приехали и Блок, и Сологуб, и Прокофьев, и Зоя Лодий — все сдались на мольбы С. и все приехали. Почетных исполнителей было так много, что друзьям «Арзамаса» — «поэту Сысоеву и скрипачу Саше Зальц» — не осталось места в программе...

...Весь этот блеск выступал в совершенно пустом зале — никто не купил билетов, никто не соблазнился анонимными «танцами и песнями». Участникам были обещаны гонорары. Но чтобы заплатить за зал, мы все должны были сложиться, — и на это едва хватило. Оставалось освещение, прислуга, долг за афиши, долг буфетчику. Какие же там гонорары!

...На мою долю пришлась Зоя Лодий.

— Зоя Петровна, — сказал я, развязно как мог. Случайно у нас в кассе нет денег... рассчитывали на сбор... простите... завтра же мы постараемся...

Она грустно вздохнула. — Ну что ж! Нет так нет. Скажите, чтобы подали автомобиль, я очень устала.

Я бросился наверх в распорядительскую. — Все улажено! Где автомобиль?

С. поглядел мутными глазами.

— Какой же автомобиль, голубчик. Я и так едва уломал шофера подождать с деньгами.

— Господи, что же я ей скажу?..

Но говорить ничего не пришлось. Должно быть, по моему растерянному виду Зоя Лодий поняла, что и на автомобиль ей нечего рассчитывать. Она улыбнулась еще грустнее и кротко попросила... найти ей извозчика. — «Только пусть подымет верх, — я немного простужена»...

Это желание я мог исполнить.

...Я вернулся в Тенишевское. Вешальщик, обманувшийся в своих надеждах, злобно на меня покосился. Служитель гасил электричество, не дожидаясь, пока все разойдется. По широкой лестнице спускался Сологуб с сердитым «каменным» лицом. Сзади, через ступеньку, С., красный, переконфуженный...

— Если вы приглашаете писателя, вы берете на себя ответственность...

— Феодор Кузьмич, касса...

— Мне нет дела до вашей кассы...

— Но Феодор Кузьмич...

— Я знаю, что я Феодор Кузьмич!

***

Открытых вечеров после злополучной «песни» «Арзамас» больше не устраивал. «Деятельность» сосредоточилась в книжной лавке. Она заключалась в том, что мы по очереди сидели с десяти утра до шести вечера в своей подвальной комнате, поджидая посетителей. Посетителей было достаточно в течение дня, хотя часто среди них не было ни одного покупателя.

Заходили знакомые, заходили библиофилы, — перерывали всю лавку и уходили, ничего не купив, заходил Гумилев, только что приехавший из Лондона. «Ну, господа, как дела?» — вбегал какой-нибудь гимназист, — «физика Краевича¹⁰ есть?»

Гумилева поили чаем, гимназисту вместо Краевича предлагали сборник «Тринадцать поэтов»¹¹ с издательской скидкой. Неудачно торговли мало волновал нас, — кроме С., который продолжал хлопотать за всех, — «так нельзя... больше инициативы... надо идти навстречу публике...».

«Шли навстречу» — приобрели, например, десять экземпляров толстой и что-то дорогой книги Жука «Мать и дитя»¹² (дважды ее перед тем у нас спрашивали). Но когда приобрели, охотников на этого Жука больше не нашлось, и его вместе с какими-то «Основами социализма» — списали «в расход»...

***

Пили чай, уходили, приходили, болтали, мечтали о собственном книгоиздательстве, которое заведем, «когда дела поправятся». С «аристократами» отношения становились все натянутей. Мы не оправдали их надежд — клиентов не привлекли, начальства из совдепа укрощать не умели: сами его боялись. Только в «исключительных случаях» лед отношений ломался ненадолго:

...молоденькая кельнерша-графиня, строящая обыкновенно нам кислые гримасы и едва кланяющаяся при встрече, вдруг вбегает в лавку с видом крайнего оживления. Взволнованный шепот: посмотрите, там, в углу...

В углу кафэ — кто-то пьет кофе. Но что же так взволновало графиню.

— Видите?

— Вижу. Кто это?

Ее глаза расширены благоговейным ужасом. — Вы не знаете, — это Гейсмар.

— А!

...Гейсмар... Долматов... Скетинг-ринг... Убийство Тиме...¹³

¹⁰ Имеется в виду популярный учебник: *Краевич К.* Учебник физики. Вновь перераб. А. П. Афанасьевым и Ф. Ф. Соколовым при участии проф. О. Д. Хвольсона. Последнее издание вышло в 1917 году.

¹¹ Об альманахе «Тринадцать поэтов» см. в наст. изд., с. 246.

¹² *Жук В. Н.* Мать и дитя: Гигиена в общедоступном изложении. 10-е изд., доп. Пг.: В. И. Губинский, 1916.

¹³ Барон Гейсмар, чиновник государственного банка, и служащий Министерства иностранных дел А. Долматов были соучастниками убийства,

Признаюсь, и я поглядел не без любопытства в сторону этого «героя». Ничего — молодой человек как молодой человек. Выпил кофе, съел пирожное и ушел...

Частым гостем был Борис Пронин, «душка» Пронин, директор «Привала» и «Бродячей Собаки». Он приходил, разваливался в кресле, — славно у вас. Ей-Богу. Только тесновато (комната была огромная, наше бюро, книги и все имущество просто тонуло в ней). — Тесновато, да.

— Впрочем, — оживлялся он, — это легко исправить. Сломать это, пробить это, и будет великолепно. Хотите, я пришлю вам каменщиков.

Однажды, оглядевшись, он заявил:

— Ба, какое упущение.

— Какое, какое упущение? — забеспокоился С.

— Рояль, где у вас рояль?

— Но зачем же нам рояль?

— Как? Общество поэтов — и нет рояля. Зачем рояль? А — вдруг...

Пронин наморщил лоб, — вдруг приедет в Петербург... Дебюсси, — торжественно выпалил он. Куда он отправится первым делом — в «Арзамас». А в «Арзамасе» нет рояля. Позор! Рояль вам необходим.

Мы забыли, понятно, об этой «необходимости» через пять минут после разговора. Но Пронин, оказывается, не забыл...

Однажды, когда С. и я доедали в одиночестве обед, выдававшийся нам «аристократами» (суп, картофельное пюре и чай с леденцом), — в лавку ввалился рыжий малый¹⁴ с кнутом и в картузе:

— Струмент привезли.

Новенький кабинетный дидерихсовский рояль, укутанный рогожами, стоял на подводе. Как? Что? Откуда?

Немного спустя явился сияющий Пронин.

— Очень просто. Я сказал Дидерихсу — послушай (Пронин со всеми был на ты). Послушай — не будь хамом! У тебя много роялей — пошли один «Арзамасу». Когда они станут на ноги, они тебе заплатят...

Рояль не принес нам счастья. Через две недели — лопнули канализационные трубы и вода затопила подвал аршина на полтора.

Пока хлопотали о водопроводчиках — ударил сильный мороз.

...Собравшись на последнее заседание — в той же квартире, где несколько месяцев назад был заключен их союз поэта и «аристократа», — приняли последнее постановление правления: «Помещение общества „Арзамас“ со всем имуществом (серебряные ложки своевременно были вынесены) — передать народу».

с корыстными целями, Марианны Людвиговны Тиме (6 января 1913 года). Это громкое уголовное дело широко освещалось в прессе и было памятно петербуржцам.

¹⁴ Возможна опечатка, при предположительно правильном: ражий малый.

Это был единственный способ развязаться с «предприятием», превратившемся в ледник, и перестать платить за него налоги...

«Народ» принял «дар». Красноармеец из совдепа опечатал сургучом двери подвала и унес ключи от него... До самой весны прохожие сквозь решетчатое окошко могли видеть то, что осталось от пылких надежд С. — поставить дело по-американски: обрушившуюся полку, оскаленный рояль, вросший по клавиши в лед, и над ним, вверх ногами, пестро-клетчатый портрет Мандельштама...

3. «Мы живем, под собою не чуя страны...»	147
4. «Ода»	148

...анализ текстов

«ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА»: еще раз об истории текста	153
I. Введение	153
II. Первый черновик и утраченная редакция	172
III. Две семистрофные редакции	183
IV. От семистрофной редакции к девятистрофной	192
V. Разработка отдельных строф и катренов	195
VI. Окончательная редакция	207
«ФЛЕЙТА»: проблема текста и новый источник	231
КАК СДЕЛАН «АРЗАМАС» ГЕОРГИЯ ИВАНОВА	241
<i>Приложение 8. Георгий Иванов. «Арзамас»</i>	263

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

...и его время

ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени»	9
Предыстория	10
1899–1905 годы	13
1905/1906 учебный год	18
Каникулы.	29
1906/1907 учебный год	30
<i>Приложение 1. Николай Яковлев. Дневник</i>	45
<i>Приложение 2. Объяснительная записка И. Ф. Анненского</i> Попечителю С.-Петербургского учебного округа	58
<i>Приложение 3. Борис Синани. Анархист</i>	60
<i>Приложение 4. Вл. Гиппиус. К вопросу о роли чтения</i> в современном воспитании (Речь, произнесенная на годовичном акте Тенишевского училища).	65
<i>Приложение 5. Программы по истории русской литературы</i> (X–XVI семестры)	80
<i>Приложение 6. Из рукописей Ю. А. Каменского</i>	85
<i>Приложение 7. Выпускники Тенишевского училища (1905–1912)</i>	104

АКМЕИСТЫ: последнее выступление группы	113
--	-----

...и его время. Комментарии

«НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ» В «ГИМНЕ»: исторический прототип	133
Заметки к комментарию	140
1. «Как кони медленно ступают...»	140
2. К вопросу о датах	141

Александр Григорьевич Мец
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И ЕГО ВРЕМЯ:
анализ текстов

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Формат $60 \times 90 \frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 17,125.

